

С. КОМАРОВЪ

ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Романъ

ПАРИЖЪ

1 9 3 2

С. КОМАРОВЪ

Веселая жизнь

Романъ

Парижъ

1 9 3 2

Copyright by J. Povolozky
Paris 1932

I.

Николай разсчиталъ правильно. Онъ заработаетъ сегодня больше двухсотъ франковъ. Одна княгиня Монтбери дастъ ему сто. Съ этими деньгами онъ можетъ продержаться до слѣдующаго гала. Въ ресторанѣ “Резервъ де Біаррицъ”, расположенномъ на отвѣсной скалѣ надъ моремъ, невдалекѣ отъ города, публика собирается только два раза въ недѣлю, въ дни гала. Въ остальные дни посѣтителей мало; они ограничиваются нѣсколькими уединяющимися въ полумракѣ большого сада влюбленными парочками. Мѣсто профессиональнаго танцора въ этомъ ресторанѣ безусловно невыгодно. Жизнь въ Біаррицѣ сравнительно дорогая, добраться до “Резервъ” можно только на наемномъ автомобилѣ, и по ночному тарифу даже въ складчину съ музыкантами, это составляетъ извѣстный расходъ. Конечно, его коллеги зарабатываютъ больше его. Одинъ изъ нихъ каждый вечеръ прїѣзжаетъ и уѣзжаетъ на Рольсѣ своей кліентки, а у другого собственный автомобиль. Однако, ему не достичь этой роскоши; онъ или честнѣе или глупѣе другихъ.

Публика продолжала съѣзжаться. Садъ ресторана, въ которомъ столики и помость для танцевъ были расположены между небольшимъ бѣлымъ зданіемъ съ черепичной крышей и жутко чернѣющимъ пространствомъ шумящихъ и переливающихся фосфорическимъ

свѣтомъ волнъ, оживлялся съ каждой минутой. Подъ звуки джазъ-банда ритмично колыхались голыя, особенно черныя на фонѣ бѣлыхъ платьевъ, загорѣлыя плечи и тяжелыя ожерелья на шеяхъ, украшающія ихъ. Подобно змѣямъ, ровнымъ, плавнымъ движеніемъ скользили длинныя платья, дрожали головы и въ строгомъ порядкѣ передвигались напряженныя ноги. Негры съ выпуклыми и налитыми кровью глазами ожесточенно дули въ высоко поднятыя, блестящія трубы, изъ которыхъ вырывался послѣдній, болѣзненно сильный звукъ фокстъ-тротта.

Николай, слегка смущаясь, наблюдалъ изъ-за дерева за собравшимися. Ему предстоялъ трудный моментъ: "поднять" изъ-за стола одну изъ этихъ наряженныхъ и избалованныхъ дамъ. Согласится - ли она танцевать съ нимъ — неизвѣстно. Это зависитъ отъ безчисленнаго множества мелочей: понравится - ли ей его улыбка, захватилъ ли ее мотивъ фоксъ-тротта, развеселило - ли ее вино, необходимо-ли ей, танцуя съ молодымъ танцоромъ, вызвать ревность сопровождающаго ее кавалера... Изъ постоянныхъ кліентокъ отъ отыскалъ только княгиню Монтберси. Подойти сразу къ ней онъ стѣснялся. Ему казалось, что она танцуетъ съ нимъ только по привычкѣ; ей жалко отказать ему, отказать въ ста франкахъ.

Его блѣдныя щеки слегка горѣли отъ выпитаго для смѣлости стакана виски. Худое лицо, рѣзкія линіи носа и подбородка придавали ему изнеможенный и даже болѣзненный видъ. Ему было двадцать два года, но порою веселая, слегка застѣнчивая улыбка превращала его въ шестнадцатилѣтняго подростка. Онъ былъ высокаго роста, тонокъ съ очень узкою таліей и бедрами и слегка приподнятыми, сгорбленными и квадратными плечами. Въ его фигурѣ, въ нѣжныхъ съ длинными,

хрупкими пальцами рукахъ, въ его рѣзкихъ и нервныхъ движеніяхъ и тонкомъ профилѣ проскальзывало что-то женское. Его взглядъ былъ безпокойный, напряженно сосредоточенный; онъ выдавалъ его вѣчное волненіе и неувѣренность въ себѣ.

— Я рѣшила теперь серьезно взяться за васъ, Никола, — говорила княгиня Монтбери, нѣсколько минутъ спустя, танцуя съ Николаемъ, — Вѣдь не можете вы всю жизнь оставаться танцоромъ... Вы юноша изъ приличной семьи, съ хорошимъ воспитаніемъ.... Вамъ уже двадцать два года; нужно подумать о будущемъ. Развѣ это карьера?.. Да у васъ и здоровья не хватитъ вынести эту утомительную жизнь.... Ахъ, Никола, если бы вы не были русскимъ и были бы немного серьезнѣе и предусмотрительнѣе, какая карьера ожидала бы васъ... — покачала она головою и на ея лицѣ выразилось искреннее сожалѣніе. — Я женила бы васъ этимъ же лѣтомъ на богатой американкѣ, миссъ Перси. Отецъ ея одинъ изъ самыхъ богатыхъ владѣльцевъ фруктовыхъ плантацій въ Арегонѣ. На деньги ему наплевать, а громкія имена его соблазняютъ. У васъ есть шансы. Хотя вы и русскій князь, но все же князь... Понимаете?.. Какое состояніе, какое выгодное мѣстечко и какая молоденькая и очаровательная жена....

Княгиня Монтбери были пожилая женщина лѣтъ пятидесяти, любившая повеселиться и быть окруженной молодежью, но не претендовавшая ни на молодость, ни на успѣхъ. Одѣвалась она по послѣдней модѣ, но скромно, какъ подобало женщинѣ ея лѣтъ. Она слыла незлой сплетницей, и всѣ ея знакомыя обращались къ ней, чтобы провѣрить достовѣрность того или другого слуха, интересовавшаго свѣтское общество. Главною чертою ея характера было стремленіе вмѣшиваться въ жизнь окружающихъ и нуждающихся въ ея помощи лю-

дей. Она безумно любила выдавать замужъ, женить, оказывать покровительство особенно трогательному, флирту и устраивать на выгодныя мѣста своихъ молодыхъ друзей. Николая она цѣнила за его исключительную, по ея мнѣнію, честность и наивность. Она была не-красива, и приближающаяся старость подчеркнула и от-тѣнила недостатки ея лица, однако, ея небольшіе глаза подкупали умомъ, живостью и добродушіемъ.

— Вы потанцуйте съ ней, — продолжала она, слегка запыхавшись отъ быстрого танца. — Я васъ сейчасъ представляю.... Меня же сегодня не приглашайте. Я должна занимать моихъ гостей. Я пригласила Нордсена.... Его фамилія вамъ, навѣрное, знакома.

— Знакома, — отвѣчалъ Николай, смотря черезъ головы танцующихъ въ направленіи стола княгини, за которымъ, среди другихъ приглашенныхъ, выдѣлялась высокая, мощная и неуклюжая фигура извѣстнаго банкира.

— Рядомъ съ нимъ Кентъ, вдова англійскаго капитана, который, кромѣ долговъ, ничего ей не оставилъ. Она любовница Нордсена; такъ предполагають всѣ, а я знаю навѣрняка. Она теперь вся обвѣшана ожерельями, брилліантовыми браслетами и драгоценными камнями. Въ прошломъ году она съ трудомъ давала у себя обѣдъ на нѣсколько человѣкъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, теперь же у нея большіе приемы каждую недѣлю, собственный домъ и автомобиль... Якобы наслѣдство. Вотъ оно наслѣдство, — кивнула она въ сторону Нордсена. Сколько эта связь будетъ продолжаться, не знаю, однако, онъ больше мѣсяца не остается ни съ одной женщиной. Правда, его фавориткамъ жаловаться нечего. Онъ ихъ щедро вознаграждаетъ. Предпочитаетъ невинныхъ и нищихъ. Стоитъ дешевле, больше восхищенія, благодарности, да и интереснѣе въ его лѣта... — ехид-

но засмѣялась она, наклоняясь къ лицу Николая и обдавая его горячимъ дыханіемъ, отъ котораго непріятная и брезгливая дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Музыка замолкла, и танцующія пары, тѣсняясь по обѣимъ сторонамъ помоста, направились къ столамъ. Княгиня представила Николая своимъ знакомымъ. Онъ сталъ разглядывать ихъ съ большимъ любопытствомъ.

Миссъ Перси ему не понравилась. Она была недурна собою, но ея слишкомъ свѣтлые, какъ ленъ, волосы, прозрачная красновато бѣлая кожа и пустые, стеклянные глаза дѣлали ее безцвѣтной. Госпожа Кентъ была изящна, ея станъ былъ гибокъ, но хорошенькое лицо ничего не выражало и напоминало восковыя головки, выставленныя въ витринахъ большихъ парикмахерскихъ. Браслеты скользили при каждомъ движеніи по ея худымъ рукамъ, и тяжелое брилліантовое ожерелье натерло до-красна выдающіяся косточки на ея груди. Нордсенъ былъ высокаго роста. Взглядъ его небольшихъ и чрезвычайно умныхъ глазъ былъ разсѣянъ. Слегка отвисшая челюсть и полная, чувственные губы придавали его лицу брезгливое и небрежное выраженіе. Онъ все время подносилъ ко рту платокъ и закрывалъ нижнюю часть лица, какъ будто желая скрыть ее отъ взглядовъ постороннихъ. Одѣтъ онъ былъ неряшливо, и его манеры далеко не отличались изысканностью.

На слѣдующій танецъ Николай пригласилъ миссъ Перси. Онъ старался быть развязнымъ, веселымъ и остроумнымъ, но это удавалось ему съ большимъ трудомъ изъ-за чрезмѣрной, болѣзненной самокритики. Ему становилось стыдно за самого себя, слова застревали въ горлѣ и вылетали какими-то безсвязными, путающимися другъ съ другомъ звуками. вмѣсто законченной мысли, обдуманной фразы получалась неувѣренная, стыдливая болтовня. Однако, на этотъ разъ онъ былъ до-

вольно разговорчивъ. Онъ дразнилъ миссъ Перси и рассказывалъ ей, что въ Россіи похищаютъ женщинъ и увозятъ ихъ въ горы, на Кавказъ.

— Какъ жалко, что мы не въ Россіи, — смѣялась она, слегка прижимаясь къ нему...

Вечеръ былъ въ полномъ разгарѣ. Ритмично грубая, кричащія, но выражающіе примитивныя человѣческія чувства звуки джазъ-банда безпрестанно смѣнялись заунывно грустными мелодіями танго. Музыка, веселый говоръ, бѣлѣвшая въ полумракѣ кружевная пѣна шампанскаго, ароматъ духовъ и загорѣлаго тѣла, смѣшанный съ запахомъ моря — все говорило о легкой и заманчивой жизни. Танцующія пары продолжали кружиться, и мысли становились необыкновенно радужными и вся жизнь покрывалась нѣжно голубоватымъ туманомъ опьяненія.

Николай направился къ бару, чтобы отдохнуть. Передъ нимъ на высокихъ табуретахъ сидѣли въ небрежныхъ позахъ, какъ будто всѣми забытые, молодые американцы. Крѣпкіе, спортивные юноши молча, съ мрачными лицами опорожняли стаканы виски. Изрѣдка одинъ изъ нихъ, какъ будто проснувшись, съ силою ударялъ по деревянному прилавку и обращался къ бармену.

— Халло, еще виски.

Тогда и другіе оживлялись.

— Ты помнишь матчъ нашей школы противъ Виллистона?... Ты помнишь капитана нашего экипа, смѣшного и хорошаго Жака, который въ вечеръ послѣ побѣды до того напился, что сталъ ухаживать за дочерью учителя гимнастики, веснушчатой и некрасивой Мэри, — заговорилъ одинъ.

— А какъ подскользнулся Эдуардъ, гоняясь за мячомъ?... — вмѣшался другой.

— Еще бы, ха, ха, ха.. — засмѣялся первый, хватаясь за голову.

Другіе тоже засмѣялись, но черезъ нѣсколько минутъ вновь погрузились въ свои думы, и наступило полное молчаніе. Одинъ изъ нихъ до того напился, что еле держался на высокому табуретѣ и все время покачивался, теряя равновѣсіе.

Николай отошелъ отъ нихъ и направился въ глубь сада, къ отвѣснымъ, скользкимъ и покрытымъ тиною скаламъ, къ шумящей, зовущей и что-то обѣщающей темнотѣ, въ которой безконечное небо сливалось съ моремъ. Вдали раздавалась заглушенная вѣтромъ и моремъ мелодія, а въ душѣ росла другая, неясная и непонятная, принесенная вѣтромъ изъ невѣдомой страны. Ему вспомнился Крымъ, фосфорически зеленый свѣтъ луны, загадочные рисунки плоскихъ, какъ декорация, скалъ и деревьевъ и тяжелый, какъ послѣдній, страстью утомленный, все отдающій поцѣлуй, запахъ нагрѣтой за день магноліи и сосны. Опять обликъ счастья представлялся ему не то когда-то приснившимся сномъ, не то чѣмъ-то давно пережитымъ. Опять передъ его глазами этотъ хорошо знакомый сосновый лѣсъ съ рѣдкими деревьями, бросающими длинныя тѣни на бѣлый песокъ, красное отъ заходящихъ лучей солнца лицо, ея доверчивые глаза и растрепанные вѣтромъ, такіе же безцвѣтно бѣлые подъ цвѣтъ песка, волосы. Воспоминанія вколыхнули въ немъ новую жажду жизни. Онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ неистощимую энергію, безконечныя желанія. Теперешнее его существованіе показалось ему случайнымъ и преходящимъ. Его потянуло къ другой, яркой, интересной и полезной жизни. Онъ добьется ее! Бодрая, молодая вѣра вспыхнула въ немъ, разсѣяла его сомнѣнія и тревогу. Что въ сравненіи съ его надеждой его позорная профессія, презрѣніе лю-

дей? Зачѣмъ жениться на нелюбимой дѣвушкѣ, только чтобы стать богатымъ?

На обратномъ пути княгиня, взявъ съ собою Николая, проводила миссъ Перси, и опять возобновила разговоръ о женитьбѣ.

— Неправда ли, Николая, миссъ Перси очаровательная барышня?

— Да, княгиня, она прелесть.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Вы согласны?.. Повѣрьте, я вамъ устрою за это лѣто.

— Простите, княгиня, — пошутилъ Николай. — Вы можете себѣ представить меня въ роли садовника, да еще женатаго, съ дѣтьми, няньками и кошками?

— При чемъ здѣсь няньки и кошки? — искренно удивилась она.

— Просто такъ, — отвѣчалъ Николай. — Недавно мнѣ снилось, что я женился... И почему-то былъ окруженъ няньками и кошками. Теперь я вдругъ вспомнилъ всѣхъ этихъ нянекъ и кошекъ....

Княгиня разсмѣялась.

— Ну, развѣ съ вами можно говорить о чемъ-нибудь серьезно.... Ахъ, Николая, — вздохнула она, — вы никогда не измѣнитесь. Я отъ души желаю, чтобы судьба улыбнулась вамъ...

Стало свѣжо. Автомобиль несся съ головокружительной быстротой. Передъ открытымъ окномъ съ быстротою молніи мелькали деревья и низкіе домики съ тяжелыми, двускатными крышами. Ослѣпляющій свѣтъ прожекторовъ встрѣчнаго автомобиля обрисовывалъ мощную спину шоффера-негра. Порывы вѣтра несли запахъ цвѣтущихъ горъ...

II.

Улицы Біаррица пестрѣли лѣтними туалетами дамъ, разноцвѣтными автомобилями и зеленью многочисленныхъ терасъ кафе. Въ этомъ незнающемъ будень городѣ царило непрекращающееся даже ночью оживленіе. Съ пляжа возвращались молодые люди и женщины. Отъ ихъ покрашенныхъ губъ, разноцвѣтныхъ купальныхъ халатовъ, небрежныхъ движеній и самоувѣренныхъ насмѣшливыхъ голосовъ вѣяло эгоизмомъ, утонченной и надменной роскошью. Николай, пользуясь свободнымъ временемъ, ходилъ по улицамъ въ надеждѣ встрѣтить кого-нибудь изъ русскихъ друзей, которыхъ не скука, а работа приковала къ этому веселящемуся городу. До него доносился оживленный говоръ молодыхъ людей, и ему стало тоскливо. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ среди всѣхъ этихъ людей. Онъ даже избѣгалъ тѣхъ, кто, считаясь съ его молодостью и происхожденіемъ, были съ нимъ милы. Онъ преувеличенно боялся быть лишнимъ, надоедливымъ и оскорбительнымъ для нихъ своимъ положеніемъ. Его прошлое, его поведеніе, обстоятельства, заставившіе его стать танцоромъ, — все это не имѣло значенія. Важно было только настоящее, а оно было не блестящимъ. Но если положеніе переменится, онъ почувствуетъ подъ ногами почву, и тогда онъ сумѣетъ показать себя.

Николай вернулся домой. Нужно было, выгладивъ единственный сильно поношенный смокингъ, переодѣваться. Изъ окна его комнаты, между сѣрыхъ крышъ и закоптѣлыхъ трубъ, виднѣлся серебристо-темный клочекъ моря. Со двора доносился звонъ посуды, крики, шумъ большой кухни противоположнаго паласа. Гдѣ-то плакалъ ребенокъ и настойчиво гудѣлъ автомобиль.

Кроваво-красные лучи заходящего солнца отразились заревомъ на обояхъ комнаты.

Онъ покинулъ родину послѣ пораженія добровольческой арміи. Загадочно жуткія, хранящія тайны безконечнаго неба и презрительно взирающія на людей вершины Кавказа, свѣтло-зеленоватое море и послѣдніе огоньки скрывающагося въ туманѣ Батума — были его послѣднимъ воспоминаніемъ о Россіи. Жалобно скрипѣлъ небольшой пароходъ, содрогаясь всѣмъ своимъ корпусомъ отъ каждой волны, и доносились неясными тонкими звонами звуки земли. Въ туманномъ очертаніи поглощаемаго моремъ берега, въ мракѣ наступающей ночи, въ скрипѣ просмоленнаго дерева и въ тоскливомъ свистѣ вѣтра было что-то душѣ понятное и родное.

Оживленный, пестрый со стройными мечетями и грязными, извилистыми улицами Константинополь, спокойное нѣжно голубое Средиземное море, очертанія цвѣтущей Италіи и пошлый Марсель пролетѣли въ какомъ-то снѣ, въ радостномъ ожиданіи.

Послѣ Парижъ, Латинскій кварталъ, гдѣ онъ поселился. Грозно чернѣетъ Пантеонъ, печально свѣтятся газовые фонари, бросая лунный цвѣтъ на асфальтъ, и бойко и весело играетъ музыка въ освѣщенныхъ тысячами лампочекъ кафе. На перекресткахъ пахнетъ жареными каштанами, которые продаютъ посинѣвшіе отъ холода торговцы, и бодро шагаютъ студенты со своими накрашенными подругами.... Повсюду танцуютъ: въ кафе, ресторанахъ, на улицѣ.

Борьба только что пережитаго съ новымъ. Онъ сидитъ за партой въ освѣщенной газовыми фонарями классной комнатѣ съ необыкновенно высокимъ потолкомъ, вглядывается въ морщинистое и изнуренное лицо учителя, примѣчаетъ жирныя пятна на его сюртукѣ, слѣдитъ за неравнобѣрными движеніями его рукъ и невни-

мательно прислушивается къ его словамъ. Въ головѣ жужжать только что прочитанныя извѣстія съ родины и мѣняются съ быстротою молніи далекіе образы и картины.

Какъ еще близко все это!.. Дрожать дома отъ проѣзжающихъ съ грохотомъ грузовиковъ, переполненныхъ жуткой и пьяной чернью, взвивается красное знамя въ до локтя открытой жилистой и мускулистой рукѣ и изъ окна смотрятъ чьи-то испуганные и блестящіе отъ страха глаза. Издалека доносятся глухіе выстрѣлы, крики, звонкіе шаги по троттуару, пьяныя пѣсни и мощный гулъ наступающей революціи, выражающій ненависть къ старому и возвѣщающій его скорую гибель...

Скитанія въ холодныхъ теплушкахъ изъ города въ городъ. На деревянномъ косякѣ слабо мерцаетъ огарокъ свѣчи, дымясь и бросая слабыя тѣни на потолокъ, въ темныхъ углахъ стонутъ больные тифомъ, однообразно, жутко, отсчитывая секунды погасающей жизни, стучать колеса, и врывается въ щели холодный вѣтеръ, обдавая всѣхъ ледяною волною...

Стоитъ солнечный, жаркій и пыльный день. Улицы пусты и издалека доносятся раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Все замерло, какъ передъ грозой, заснули сѣрыя отъ пыли деревья, накалился и почернѣлъ асфальтъ и закрылись ставни высокихъ домовъ. Вдругъ, въ тишинѣ, къ которой часами люди прислушивались съ сердцебіеніемъ, раздался ружейный выстрѣлъ, затѣмъ звонкій топотъ копытъ, и по улицѣ пронеслись два казака, неувѣренно оглядываясь, останавливаясь и вновь пускаясь вскачь. Ихъ маленькія лошадки перебирали тонкими ногами, пятились въ сторону и озирались испуганными и налитыми кровью глазами. Казаки, казаки!.. "Городъ взять добровольцами..." — быстро разнеслась радостная вѣсть среди стоявшихъ за окнами и всматривав-

шихся черезъ щели ставень на улицу жителей. Черезъ нѣсколько минутъ пронесся набитый солдатами въ погонахъ грузовикъ съ пулеметомъ, и вновь наступила радостная и общавшая скорое освобожденіе тишина. Какъ по условленному сигналу, открылись сразу всѣ окна, на балконы высыпали жители и раздалось радостное ура. По улицѣ шли солдаты добровольческой арміи. На мостовую посыпались неизвѣстно кѣмъ припасенные цвѣты, выбѣжали принарядившіяся женщины, и вдалекѣ раздался церковный звонъ....

Николай не закончилъ своего образованія; онъ остался безъ средствъ. Безъ друзей, безъ специальности и особаго желанія передъ кѣмъ-нибудь унижаться, молодому человѣку было не легко устроиться. Однако, несмотря на то, что онъ жилъ въ сквернѣйшей комнатухѣ безъ отопленія и электричества и почти что не ѣлъ, онъ не унывалъ. Онъ былъ свободенъ, никто не смѣлъ вмѣшиваться въ его существованіе, для него не было ничего запретнаго, и вся жизнь, все до мельчайшей вещи, до самаго незначительнаго факта было ново и заманчиво. Вскорѣ ему пришлось разочароваться. Питаясь одними круассанами и кофе въ теченіе мѣсяца и тщетно обивая пороги всевозможныхъ домовъ и коммерческихъ предприятий, онъ серьезно испугался и почувствовалъ себя безпомощнымъ.

Въ ту минуту, когда пришли къ концу послѣдніе франки, ему неожиданно повезло. Шатаясь по кафе, онъ встрѣтилъ пріятеля, который служилъ танцоромъ въ одномъ изъ маленькихъ кабачковъ Монмартра. Разговорившись за стаканомъ вина, Николай посвятилъ его въ свои злключенія. Пріятель предложилъ ему мѣсто танцора и, пообѣщавъ неслыханный заработокъ въ сто франковъ въ ночь, повезъ его немедленно къ хозяину ресторана, у котораго предстояло служить.

Для Николая началась новая жизнь. День превратился въ ночь, а ночь въ день. Каждое утро, усталый, блѣдный и слегка пьяный, онъ выходилъ на разсвѣтъ изъ душнаго кабачка. Нежаркое, тусклое солнце ударяло ему въ лицо. Розовато туманное небо висѣло надъ грязными, почернѣвшими отъ сырости домами; шумъ оживающаго Парижа возвѣщалъ о началѣ трудового дня. Для него же наступалъ отдыхъ. Онъ шелъ по опустѣвшимъ улицамъ Монмартра, заглядывая въ открытыя настежь двери ночныхъ ресторановъ, изъ которыхъ несло тяжелымъ запахомъ вина и табака, натыкался на ящики съ мусоромъ и наступалъ на остатки котильона, разбросаннаго по мостовой ночными посѣтителями. Ему не хотѣлось возвращаться домой, въ неуютную, маленькую комнату, гдѣ беспорядокъ и отсутствіе малѣйшаго намека на личную радость, какъ бы подчеркивали его одиночество. Вся жизнь ограничивалась маленькимъ, душнымъ рестораномъ, пьяными, грубыми посѣтителями, развратными женщинами и низкими, пошлыми и падкими на деньги служащими.

О своей новой профессіи онъ могъ сразу судить со словъ своего коллеги, подвижного и нервнаго итальянца.

— Подумайте, — говорилъ, онъ одергивая привычнымъ жестомъ рукава своего смокинга, которые были ему коротки, — влюбилась по уши въ меня эта старушенція, заставляетъ танцевать съ ней весь вечеръ, ревнуетъ, когда я подхожу къ другимъ дамамъ, а платитъ только пятьдесятъ франковъ. Развѣ это деньги! — возмущался онъ, и его глаза наливались кровью. — Мы же вращаемся среди приличной публики; каждый день нужно мѣнять рубашку.... а смокингъ, развѣ не изнашивается? Нѣтъ, господа, перемѣнились времена. Вотъ, помню, раньше, когда я работалъ въ Ниццѣ, я давалъ уроки одной княгинѣ, которая жила въ Монте-Карло,

такъ она не только платила мнѣ по сто пятидесяти франковъ за урокъ, но купила мнѣ маленькій автомобиль, чтобы мнѣ было легче добираться до нея... И, честное слово, — поспѣшилъ онъ добавить, замѣтивъ насмѣшливыя улыбки на лицахъ собесѣдниковъ, — между нами ничего не было; такъ только симпатія, говорила, что похожъ на ея сына, убитаго во время войны. Да, и правда была только симпатія. За любовь деньги не платятъ. а только выходятъ скандалы и недоразумѣнія.... А какъ принимали меня, — улыбнулся онъ, закатывая глаза и качая головой, какъ бы сожалѣя, что другіе не только этого никогда не видѣли, но и не поймутъ. — Въ гостиной подавали портвейнъ на серебряномъ подносѣ и представляли всѣмъ знакомымъ, все тоже князьямъ, да маркизамъ... И это вполне естественно. Кто я? Я артистъ! Меня здѣсь не уважаютъ и путаютъ съ тѣми прохвостами, которые стали танцовать съ голоду, не имѣя объ этомъ ни малѣйшаго представленія, а я уже до войны танцевалъ свой номеръ у Максима. Вертѣтъ пьяную бабу въ толкотнѣ, конечно, не трудно, но ты попробуй давать уроки. Я въ нѣсколько уроковъ выучилъ такихъ ученицъ, отъ которыхъ отказывались самыя опытные танцоры. Нужно быть психологомъ. Нужно знать, кому какой танецъ по душѣ, какой танецъ подходитъ къ внѣшности, къ характеру.... Помню, я цѣлый мѣсяцъ возился съ однимъ барономъ. Ужъ, думаю, ничего не выйдетъ. Смотрю, въ его фигурѣ, да въ глазахъ что-то трагическое, испанское.... "Давай, — думаю, — попробуемъ танго!" Ну, господа, — торжественно произнесъ онъ, — и выучилъ, и до сихъ поръ танцуетъ, правда, только танго, но какъ, съ какими выкрутасами, съ какимъ темпераментомъ...

Попастъ со школьной скамейки въ такую обстановку было просто смѣшно. Николай забавлялся, пригля-

дывался, возмущался, и очень многому удивлялся и даже порою страдалъ. Однако, деньги, хотя и далеко не столько, сколько зарабатывали его "опытные" пріятели, доставались легко, подъ музыку, ночная жизнь соблазняла, энергія угасала и взгляды, несмотря на самую строгую критику неизвращеннаго, дѣтскаго ума, мѣнялись... Онъ не зналъ другого міра, кромѣ того, гдѣ люди оцѣнивались по количеству выпитыхъ ими бутылокъ. Онъ устоялъ передъ дурнымъ, но жизнь для него стала сплошнымъ исканіемъ временныхъ удовольствій. Онъ зарабатывалъ деньги для того, чтобы истратить ихъ въ тѣхъ же самыхъ увеселительныхъ заведеніяхъ.

III.

Николай шелъ по улицѣ въ глубокой задумчивости. Неслись автомобили, спѣшили прохожіе, останавливались, озабоченно смотря вокругъ и продолжая свой путь, зажигались на высокихъ фонаряхъ красные сигналы, останавливая движеніе, и надъ крышами домовъ разстилалось темное, дождливое небо.

Онъ вернулся въ Парижъ въ концѣ октября, подработавъ немного денегъ. Сезонъ былъ неважный, но княгиня Монтбери позаботилась о немъ. Она представила его всѣмъ своимъ знакомымъ, уговорила ихъ танцевать съ нимъ, привела ему многихъ ученицъ и сама щедро вознаградила его. Открытый счетъ въ банкѣ позволялъ ему, не торопясь, подыскивать мѣсто на зиму, оглядѣться... Однако, свобода только подчеркнула пустоту его жизни; нормальная жизнь другихъ людей указала на необходимость измѣнить свою.

Онъ продолжалъ идти по улицѣ, то вглядываясь въ лицо прохожаго, характеръ котораго онъ пытался

разгадать, то любуясь сочетаніемъ красокъ и удивляясь самому обыкновенному уличному факту, давно имъ примѣченному, но открывшему ему теперь что-то новое. Во всемъ, надъ чѣмъ онъ только не задумывался, онъ находилъ необыкновенную связь и осмысленность. Ему вспомнился разговоръ на пароходѣ съ однимъ, на вѣкъ въ его памяти запечатлѣвшимся, старичкомъ; бесѣда началась съ того, что старичокъ пожаловался на плохую кухню, затѣмъ перешелъ на самыя возвышенныя темы. Незначительныя фразы были тѣсно связаны съ необыкновенно глубокими и безконечными путями, которые, какъ спускающіяся, поднимающіяся и крутящіяся лѣстницы, вели къ одному тому же, вѣчному и великому. На палубѣ весело смѣялась и танцевала молодежь, а сверху смотрѣло безконечное, свѣтлое, какъ днемъ, небо...

На улицѣ стало темнѣть, зажглись фонари и витрины магазиновъ, еще быстрѣе стали мелькать автомобили и сгустились толпы у входа метро. Николай продолжалъ идти, и ему казалось, что онъ ступевывается, сливается съ мигающими лучами лампочекъ, съ туманомъ бензинога дыма, съ потемнѣвшими силуэтами домовъ.

Вдругъ его вниманіе было привлечено стройной невысокаго роста женщиной, которая вышла изъ ярко освѣщеннаго подъѣзда гостиницы и спѣшнымъ шагомъ пошла по улицѣ.

Онъ обогналъ ее и, заглянувъ подъ шляпу, остановился въ недоумѣніи. Сердце его сильно забилося и заняло въ груди отъ волненія. Около него шла женщина, безумно близкій образъ которой ему всегда мерещился. Это былъ типъ женщины, который вызывалъ въ немъ безграничную нѣжность, любовь, желаніе покровительствовать и говорить полушутливымъ, полусерьезнымъ голосомъ, какъ съ ребенкомъ... Такой случай про-

пустить грѣшно! Счастье всей жизни зависитъ отъ такой встрѣчи!

Онъ до того приблизился къ ней, что прохожимъ могло казаться, будто они идутъ вмѣстѣ; замирая отъ волненія, онъ старался вступить съ ней въ разговоръ. Однако, каждый разъ, какъ только онъ собирался открыть ротъ, она, угадывая его намѣреніе, отворачивалась и ускоряла шагъ...

Вскорѣ ему повезло. Ей пришлось остановиться на перекресткѣ, гдѣ движеніе не позволяло перейти улицу. Онъ рѣшительно подошелъ къ ней.

— Извините, пожалуйста... Я кажется....

Она не обратила на него ни малѣйшаго вниманія и даже не удостоила взглядомъ.

“Какъ глупо”, — подумалъ онъ, чувствуя, что краснѣетъ отъ неловкости.

— Ради Бога, два слова... Я не хотѣлъ васъ оскорбить....

— Какъ вамъ не стыдно приставать на улицѣ къ женщинѣ? — возмущенно проговорила она, останавливаясь и смотря ему прямо въ глаза.

— Вы правы; это такъ пошло... Однако, бываютъ случаи, когда это необходимо... Я долженъ былъ познакомиться съ вами... Къ несчастью, у меня не было выбора. Этотъ банальный и пошлый способъ, заговорить на улицѣ, былъ моей единственной возможностью... Разрѣшите представиться?..

“Я говорю совсѣмъ не то, что надо... Теряюсь, какъ школьникъ!” — совсѣмъ смутился онъ.

— Оставьте! — брезгливо проговорила она, сторонясь отъ протянутой имъ визитной карточки. — Я предупреждаю васъ, что вы ошибаетесь... Боже мой, я прошу васъ отойти отъ меня! Насъ могутъ встрѣтить мои знакомые!

— Посторонніе могутъ принять насъ за знакомыхъ, которые встрѣтились и разговорились...

— Я прошу васъ отойти! — раздраженно проговорила она. — Я знаю господина, который идетъ намъ навстрѣчу.

— Графъ Арго? — сказалъ Николай, взглянувъ на него и приподнимая шляпу.

Тотъ не замѣтилъ ихъ и перешелъ улицу.

— Вы знаете графа Арго? — вдругъ удивилась и засмѣялась она.

— Я учился съ его сыномъ въ одномъ колледжѣ.

— Какое совпаденіе, — задумалась она. — Я хорошо знаю всю семью. Мы часто бываемъ у нихъ съ мужемъ.

— Вы замужемъ? — удивился Николай, самъ не зная почему.

— А вы что думали? За кого вы меня приняли? Вы часто заговариваете такъ съ женщинами? — брезгливо поморщилась она.

— Нѣтъ, это со мною въ первый разъ, — отвѣчалъ Николай, улыбаясь. Я никогда не останавливаюсь ни передъ какими препятствіями, чтобы добиться того, что мнѣ хочется.

— Ну, это очень хорошо, молодой человѣкъ! — проговорила она, смотря на него съ большимъ вниманіемъ.

Онъ заинтересовалъ ее. Хотя она и презирала себя въ этотъ моментъ, ее привлекали его тонкія черты лица, добрые, покорные глаза и тихій, неувѣренный голосъ. Что-то сразу потянуло ее къ нему, ее тронула прорывающаяся сквозь пошлыя и заученныя фразы искренность и наивное увлеченіе. Она впала въ давно знакомое ей состояніе, когда, вдругъ, пустѣла голова, до невѣроятной прелести выросталъ образъ обративша-

го на нее вниманіе мужчины, и кто-то другой отвѣчалъ и дѣйствовалъ за нее.

Николай шелъ, слегка отставая, какъ бы боясь оскорбить ее слишкомъ большой надеждой на будущее. Она не должна была угадать его переживаній, ей не слѣдовало знать, что представляла для него эта встрѣча. Онъ боялся встрѣтить ее взоръ, удивиться и повѣрить невозможному счастью

— Скажите мнѣ ваше имя, — спросилъ онъ, приближаясь къ ней и беря ее подъ руку.

— Жаклинъ...

— Жаклинъ... Какое красивое имя. Я хотѣлъ бы всю жизнь сидѣть около васъ, цѣловать ваши маленькія ручки и съ особымъ благоговѣніемъ произносить это имя, которое, я самъ не знаю почему, идетъ къ вашимъ глазамъ, къ цвѣту вашихъ волосъ и къ каждому вашему движенію.... Когда я васъ увижу вновь?

— Не лучше ли закончить нашу маленькую авантюру этой невинной встрѣчей? Вы такъ умѣете красиво говорить, что я боюсь потерять голову, — насмѣшливо замѣтила она, улыбаясь.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ Николай, заранѣе зная, что сама Жаклинъ уже больше не захочетъ оставить эту встрѣчу безъ продолженія.

— Я не знаю, когда я могу васъ увидѣть.. — задумалась она. — Однако, вы можете мнѣ позвонить...

— Завтра? — вкрадчиво спросилъ Николай.

— Завтра, — отвѣчала она, принимая разсѣянный видъ, не желая показать, что вникаетъ въ значеніе его словъ.

IV.

На Елисейскихъ поляхъ, въ одномъ изъ фешенебельныхъ кафе царило большое оживленіе. Теплая

осень позволяла парижанамъ пользоваться огромной террасой, столы которой доходили почти что до самой мостовой.

Подъѣзжали автомобили, изъ которыхъ выскакивали принаряженные женщины; онѣ нерѣшительно подходили къ шумной толпѣ, вглядываясь и ища среди веселыхъ, озабоченныхъ и насмѣшливо презрительныхъ лицъ своихъ возлюбленныхъ. Гудки автомобилей, дребезжаніе стакановъ на быстро несущихся подносахъ и всевозможныя нарѣчія съѣхавшихся со всѣхъ концовъ свѣта иностранцевъ напоминали оркестръ передъ поднятіемъ занавѣса. Среди моря котелковъ и шляпъ мелькали бѣлыя куртки лакеевъ, различавшихъ опытнымъ глазомъ постоянныхъ посѣтителей отъ случайно зашедшихъ.

За однимъ столомъ сидѣла небольшая компанія молодыхъ людей. Они весело смѣялись и оживленно спорили.

— Что за идея ѣхать на зимній спортъ, когда ты даже не знаешь, какъ выглядятъ лыжи? — говорилъ одинъ изъ нихъ, плотный, представительный и успокаивающе дѣйствующій на всѣхъ своею пассивностью блондинъ.

— Прости, я видѣлъ ихъ въ витринѣ магазина, — отвѣчалъ другой молодой человѣкъ, съ необыкновенно живыми, смѣющимися глазами и самоувѣреннымъ лицомъ; онъ былъ явно доволенъ и самимъ собою и своими остротами.

— Да, вообще, — продолжалъ первый, — смѣшно говорить о томъ, что мы будемъ дѣлать на Рождество, когда мы только что вернулись съ лѣтнихъ каникулъ.

— Во-первыхъ, намъ не о чемъ другомъ говорить...

— Ради Бога, не употребляй множественное число.... Тебѣ не о чемъ говорить...

— Во-вторыхъ, — продолжалъ онъ, не обращая вниманія на своего пріятеля и улыбаясь одними глазами, — чтобы все было хорошо, нужно все обдумать заранее. Маленькій мужчина, — такъ называлъ онъ себя, — хочетъ пріѣхать, какъ подобаетъ его званію. Онъ долженъ всѣхъ удивить.. Мать мнѣ говоритъ всегда, что я долженъ гордиться моей семьей. Ни одинъ изъ Роздавильдовъ никогда не былъ банкротомъ и не сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ наше время это рекордъ честности... или умѣнія вывернуться изъ самаго труднаго положенія...

Ихъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ Мишеля Лувета съ молоденькой дамой.

— Мы только на минутку, — сказала Луветъ, вытягивая привычнымъ жестомъ шею, какъ будто воротникъ мѣшалъ ему, и вздрагивая носомъ, какъ кроликъ. Я устраиваю сегодня настоящий парижскій обѣдъ. Будутъ двѣ извѣстныя артистки, господинъ Корманнъ, крупный промышленникъ изъ Страсбурга, восемнадцатилѣтній маркизь, у котораго еще молоко на губахъ не обсохло, очаровательная Мэри, — указалъ онъ на свою даму, — и я, пьяница и сводникъ.. Розыскиваю красивыхъ дамъ и знакомлю. Вотъ видите, мои друзья, до чего я только дожилъ. — добавилъ онъ съ самодовольнымъ видомъ... — Ну, бѣжимъ звонить. — обратился онъ къ молодой женщинѣ. — Вы насъ подождите...

Мишель Луветъ былъ высокаго роста, лѣтъ тридцати на видъ. Онъ былъ изящень, элегантенъ, но въ его фигурѣ со слишкомъ угловатыми плечами и широко разставленными ногами было что-то комичное и даже карикатурное. Луветъ происходилъ изъ очень хорошей, богатой семьи, зналъ абсолютно всѣхъ въ Парижѣ, былъ отлично принятъ во французскомъ и иностранномъ обществѣ. Двадцати двухъ лѣтъ, по смерти отца, владѣя

порядочнымъ капиталомъ, онъ предпринялъ рядъ путешествій на своей яхтѣ. О своихъ странствіяхъ онъ написалъ книгу, которая была не столь занята описаніемъ посѣщенныхъ имъ странъ, сколько богатой фантазіей автора. Однако, это же богатство воображенія, являвшееся главнымъ качествомъ его книги, внѣ литературы переходило въ ложь и становилось невыносимо для окружающихъ. Растративъ болѣе половины своего состоянія, утомившись легко доступными удовольствіями, онъ сталъ скучающимъ неврастеникомъ. Окруженный богатыми пріятелями, онъ слонялся по моднымъ пляжамъ, напустивъ на себя какую-то нездоровую веселость.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ и его дама вернулись къ столу своихъ молодыхъ друзей.

— Какъ я усталъ, — проговорилъ онъ, опускаясь на стулъ. — Гарсонъ, скорѣе дайте намъ чего-нибудь выпить. Неправда-ли Мэри, мы вполнѣ заслужили этого? Какая она прелесть, — насмѣшливо говоритъ онъ, подмигивая своимъ друзьямъ. — Какъ я обожаю эту женщину... И почему?... Потому что она не возбуждаетъ во мнѣ ни малѣйшаго желанія, кромѣ одного: быть ся вѣрнымъ другомъ....

— Спасибо, — обидѣлась и нахмурилась только что просіявшая Мэри.

— Вы сердитесь, душка, почему? — продолжалъ онъ все тѣмъ же насмѣшливо-шутливымъ тономъ, нервничая и безпрестанно вытягивая шею. Развѣ нѣтъ чего-то прекраснаго въ нашей дружбѣ? Женщины больше не интересуютъ меня... Всегда одно и то же, кусокъ мяса!.. — брезгливо поморщился онъ, нагло смотря на нее. — Познакомились сегодня, обѣдали и спали вмѣстѣ завтра, и не осталось ни одной иллюзіи, ничего... Потомъ я золь, грубъ съ женщинами, и они не любятъ

меня. — продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе увлека-
ясь, и на его лицѣ отразилось что-то жестокое и оттал-
кивающее. — Вотъ, напримѣръ, когда я путешество-
валъ послѣдній разъ по Индо-Китаю, при мнѣ находи-
лась очаровательная японочка, такая хрупкая, воско-
вая, прозрачная и съ такими большими, глубокими и
печальными глазами, что вы, мои друзья, потеряли бы
голову, — сказалъ онъ и какая-то болѣзненно-жесто-
кая и въ те же время жалостливая нотка прозвучала
въ его голосѣ. — Я любилъ ее, но меня, вдругъ, охва-
тила необъяснимая досада на нее, можетъ быть, пото-
му что она слишкомъ любила меня, у меня появилось
желаніе заставить ее страдать и вызвать въ себѣ жа-
лость къ ней и раскаяніе... И вотъ, друзья, я завезъ ее
въ первый попавшійся портъ и бросилъ... Послѣ этого,
какъ полагается, запилъ, страдалъ и наслаждался этимъ
страданіемъ.. А печальные глаза моей японочки преслѣ-
довали меня, и я читалъ въ нихъ покорный упрекъ. “За
что?” — говорили они мнѣ.

— Не путаете ли вы? — насмѣшливо замѣтила
Мэри. — Быть можетъ, это изъ рассказовъ вашей кни-
ги?

— Можетъ быть, — нахмурился онъ, — но все,
что написано въ моихъ воспоминаніяхъ о путешестві-
яхъ, сущая правда. У меня, видите ли, очень бѣдная
фантазія, несмотря на то, что всѣ приписываютъ мнѣ
очень богатую... Во всякомъ случаѣ, — оживился онъ
вновь, — довольно, довольно женщинъ!

— Переходите на мальчиковъ? — продолжала из-
дѣваться надъ нимъ Мэри. Всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, — серьезно отвѣчалъ онъ, — пробовалъ
изъ снобизма... Не понравилось...

— Послушайте, разочарованный молодой чело-
вѣкъ, — насмѣшливо обратился къ нему спокойный

блондинъ, — хотите я представлю вамъ женщину... женщину, въ которой, о, Боже мой, нѣтъ абсолютно ничего фатальнаго, самую обыкновенную хорошенькую женщину, которую вы влюбитесь, по уши, какъ шестнадцатилѣтній мальчишка. Я даже готовъ держать съ вами пари, что несмотря на то, что вы предупреждены, вы будете ревновать ее ко всѣмъ вашимъ друзьямъ и будете ненавидѣть тѣхъ, которые уже были жертвами ея невинныхъ глазъ.

—Пожалуйста, представьте.... Это будетъ очень забавно.

— Кто будетъ забавляться, мы увидимъ послѣ. Я вамъ представлю ее при первомъ же удобномъ случаѣ... Однако, потомъ не упрекайте меня... Вы всѣ будете свидѣтелями, что онъ предупрежденъ.

— Напротивъ, я вамъ буду очень благодаренъ, — улыбнулся Луветь. — Это меня немного развлечетъ.

— Я очень радъ доставить вамъ это удовольствіе.

V.

Николай сидѣлъ на почтительномъ разстояніи около кровати Жаклинъ. Она немного простудилась и слегла. Онъ впервые былъ допущенъ къ ней. Послѣ многочисленныхъ звонковъ по телефону и просьбъ, она согласилась принять его у себя. “Да почему вамъ и не придти ко мнѣ, — говорила она ему по телефону. — Съ тѣхъ поръ, какъ я больна, меня навѣщаютъ столько знакомыхъ мужчинъ, друзей моего мужа, что я перестаю находить это неприличнымъ”.

Это была ихъ вторая встрѣча, и онъ впервые видѣлъ ее безъ шляпы. Онъ нашелъ ее еще привлекательнѣе. Въ ней не было ничего особеннаго, характернаго.

Ея лицо не отражало ни скрытой мысли, ни какой-либо страсти или порока и ничего жизнью выработанного и опредѣлившаго ея личность. Она просто была необыкновенно хорошенькая и поражала своею свѣжестью, неопредѣляемой прелестью и молодостью. Отъ этой маленькой, хрупкой и молоденькой женщины на большой кровати среди шелка, кружевъ, флаконовъ духовъ и безчисленныхъ женскихъ бездѣлушекъ вѣяло утонченной роскошью. Въ каждомъ ея словѣ, взглядѣ и движеніи проскальзывала чрезмѣрная избалованность. Казалось, она не знала борьбы за достиженіе желаннаго, ей были чужды разногласія, бѣдность и пошлость. Жизнь не открыла ей ни безконечнаго неба, ни жуткой тѣмы, а создала для нея маленькій серебряными нитями сплетенный мірокъ...

Натуральный румянецъ слегка окрашивалъ ея щеки. Надъ верхней, немного приподнятой губою небольшое углубленіе придавало ея рту капризное выраженіе. Ея свѣтлые волосы красиво сочетались съ большими карими глазами, которые съ удивленіемъ и дѣтской серьезностью смотрѣли на Николая. Маленькій, слегка вздернутый носикъ гордился всей этой красотой..

— Какъ странно, что моя подруга такъ запоздала. Она обѣщала быть ровно въ девять часовъ, а сейчасъ уже половина десятаго, — говорила она нарочно, какъ казалось Николаю, чтобы показать ему, что не собирается остаться съ нимъ наединѣ.

Николай не вѣрилъ своему счастью. Онъ не могъ понять, что происходитъ съ нимъ. На него обратила вниманіе одна изъ этихъ красивыхъ, шикарныхъ и серьезныхъ (разъ замужнихъ!) женщинъ, о которыхъ онъ прежде только мечталъ, воображая себя въ роли того или иного героя романа. Онъ ни на что не надѣялся и уже былъ доволенъ интересомъ, который она прояви-

ла къ нему. Однако, онъ старался ухаживать за нею, какъ поступили бы другіе на его мѣстѣ, чтобы не показаться слишкомъ наивнымъ и застѣнчивымъ.

Онъ старался, какъ можно незамѣтно, то случайно поймать и поцѣловать ея руку, разговаривая съ ней и смотря на нее восторженными глазами, то взять ее выше кисти и задержать на нѣсколько секундъ въ своей, но его попытки встрѣчали недоброжелательный отпоръ. Жаклинъ рѣшительно снимала его руку со своей и такъ строго смотрѣла на него, что у него проходила всякая охота продолжать.

— Нѣтъ, это возмутительно! — говорила она, приподнимаясь. — Чего вы хотите отъ меня и какого вы обо мнѣ мнѣнія?

— Самого лучшаго... Я ни о чемъ не думаю... Я васъ просто люблю, Жаклинъ. — взволнованно проговорилъ Николай, осторожно беря ея руку и цѣлуя въ ладонь.

Вдругъ, онъ почувствовалъ, какъ ея рука слегка задрожала и невольно задержала его ротъ. Острые ноготки впились въ его полуоткрытыя губы. Онъ неожиданно взглянулъ на нее и успѣлъ прочесть въ устремленномъ на него взорѣ волненіе и сдержанное желаніе, которое мгновенно исчезло, какъ только встрѣтились ихъ глаза. Онъ приблизился къ ней... Голова его сильно кружилась отъ теплоты, которая исходила изъ-подъ одѣяла, изъ-подъ легкой, шелковой накидки, обрисовывающей формы ея тонкихъ плечъ и рукъ, и отъ пышныхъ, растрепанныхъ и надушенныхъ волосъ. Онъ сталъ нѣжно цѣловать ея лицо, ея глаза, углубленіе надъ верхней губою и теплые волосы на вискахъ. Онъ больше не встрѣчалъ сопротивленія, и ея глаза въ какомъ-то бессмысленномъ и почти страдальческомъ созерцаніи остановились на немъ...

Теплая кровать, взбитое одѣяло, пріятное головокруженіе, горячее тѣло Жаклинъ, равномерное постукиваніе стѣнныхъ часовъ и какая-то радостная тишина напоминали о только что происшедшемъ. Моментами онъ съ недоумѣніемъ всматривался въ черты ея лица, которыя всего нѣсколько минутъ тому назадъ были ему чужды. Ея теплая, влажная рука ласкала его разгоряченный лобъ, и ея глаза въ недоумѣвающимъ, счастливымъ сіяніи устремились вдаль....

Въ наступившей тишинѣ, мѣняясь влюбленными взглядами и усталыми поцѣлуями, они осторожно подходили другъ къ другу, стараясь объяснить происшедшее.

Жаклинъ первая нарушила молчаніе.

— Это правда, — проговорила она, не поворачивая къ нему головы, — когда я увидѣла тебя на улицѣ и замѣтила, что ты слѣдуешь за мною, ты сразу понравился мнѣ. Однако, это было такъ мимолетно, что я очень разсердилась, когда ты заговорилъ со мною и не хотѣла тебѣ отвѣчать... Но ты такъ мало похожъ на тѣхъ мужчинъ, которые заговариваютъ и пристають на улицѣ. Я даже до сихъ поръ удивляюсь, какъ ты могъ рѣшиться на это.... Потомъ я никогда не ожидала... “этого”. Я думала, что ты не посмѣешь... Когда же ты поцѣловалъ мнѣ руку (ты, между прочимъ, умѣешь очень хорошо цѣловать, — улыбнулась она), — мнѣ такъ захотѣлось тебя, что я до сихъ поръ не могу понять, какъ все это произошло...

— Это очень не лестно для меня, — разсмѣялся Николай, цѣлуя ея холодныя губы.

— Какой глупый, — умилилась она, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Какъ это странно, — продолжала она, смотря куда-то вдаль и пожимая его руку, — со мною это слу-

чается въ первый разъ въ жизни.... И только подумать, что я замужемъ, что у меня уже ребенокъ....

Они потушили свѣтъ. Николай не могъ заснуть. Для него наступала новая жизнь, непонятная, страшная, но интересная и соблазнительная. Случившееся прошло незамѣтно для него и ему казалось, что между ними ничего не произошло со дня ихъ первой встрѣчи. Онъ рѣдко настолько желалъ женщину, чтобы первое сношеніе съ нею удовлетворило его и казалось бы достиженіемъ цѣли. Онъ смотрѣлъ на это, какъ на извѣстный залогъ, начало и путь къ бѣзконечнымъ достиженіямъ любви. Онъ не могъ получить наслажденія отъ тѣла, которое было ему незнакомо и которое по той же самой причинѣ не вполнѣ отдавалось ему.

Издаലെка доносился шумъ засыпающей улицы, гудокъ проѣзжавшаго автомобиля и слышались одинокіе шаги по асфальту. Николай всматривался въ темноту, въ которой вертѣлись, раздваивались и расплывались какіе-то яркіе и прозрачные круги, и прислушивался къ умирающему шуму ночной жизни. Постукивали часы, и съ каждой секундой укорачивалась его жизнь. Ему хотѣлось воспользоваться этими короткими минутами, чтобы жить, страдать и любить.

VI.

Николай и Жаклинъ въ ресторанѣ послѣ обѣда допивали бутылку шампанскаго. Жаклинъ только что получила телеграмму отъ мужа, который задержавшись по дѣлу, требовалъ ее къ себѣ. Жакъ Мирандъ былъ крупнымъ антикваромъ и мебелировщикомъ. У него былъ магазинъ въ Парижѣ и въ Каннахъ. Ихъ постояннымъ мѣстожительствомъ была Ривьера, гдѣ Жак-

линъ съ четырехлѣтнимъ сыномъ проводила весь годъ на небольшой виллѣ. Однако, когда случайныя дѣла за-границей заставляли путешествовать ея мужа, ей приходилось посѣщать парижскій магазинъ. Жаклинъ, несмотря на свою внѣшность избалованной, легкомысленной куколки, была дѣловой женщиной, хорошо знакомой съ трудностями платежей въ концѣ мѣсяца.

Получивъ телеграмму отъ мужа, она взгрустнула и разстроилась. Николай, нервно куря папиросу за папиросой и отпивая большими глотками шампанское, молчалъ.

Въ жизни часто случается, что самое обыкновенное приключеніе, бросившее въ объятія другъ друга людей различныхъ характеровъ, не обрывается и не кончатся прощальнымъ рукопожатіемъ и снисходительными улыбками, а принимаетъ совсѣмъ неожиданный и серьезный оборотъ.

Жаклинъ не могла дать себѣ точный отчетъ въ томъ, что произошло съ ней. "Люблю ли я его? — задавала она себѣ вопросъ, — смотря на него, — или это любовь самовнушеніе, плодъ моего воображенія, разгоряченнаго болѣзнью и долгимъ лежаніемъ въ кровати, когда въ усталомъ и томномъ тѣлѣ рождается желаніе? Что я нашла въ немъ? Чѣмъ отличается онъ отъ тѣхъ прилизанныхъ и съ иголки одѣтыхъ молодыхъ людей, которые ухаживаютъ за мною при каждомъ удобномъ случай? "Это конечно, не ея первое любовное похожденіе, но оно безусловно серьезнѣе другихъ. Почему?... "Простой танцоръ, — продолжала разсуждать она. — Какъ это пошло и неинтересно. Эту связь придется скрывать даже отъ моихъ самыхъ близкихъ подругъ... Однако, съ нимъ не бываетъ скучно ни одной минуты. Если онъ взгрустнетъ, то сумѣетъ такъ красиво описать свои чувства, что его слушаешь съ

большимъ увлеченіемъ. Онъ не особенно красивъ, но въ немъ что-то есть. Онъ не какъ всѣ, не какъ другіе!.. Онъ до того пріятенъ и симпатиченъ, что его хочется цѣловать, цѣловать все время... Что-то есть неописуемо пріятное въ складкахъ его рта, въ его дѣтской улыбкѣ.. Да, онъ, вообще, какъ ребенокъ!.. Такая забавная наивность, увлекательность. Его пошлая жизнь совсѣмъ не затронула его”.

— Вотъ и конецъ вашего новаго приключенія, — грустно проговорила Жаклинъ. — Можетъ быть, раза два вспомните обо мнѣ... и все. Неправда-ли?.. Мы женщины — дуры. Привыкаемъ и любимъ. Ты общаешься мнѣ, Николя, хотя бы позвонить мнѣ по телефону, когда я вернусь въ Парижъ.

— Жаклинъ, — съ упрекомъ произнесъ Николай, поцѣловавъ ей руку.

Отъ прикосновенія къ ея рукѣ обычное головокружительное, какъ опьяненіе, желаніе охватило его. Все въ этой женщинѣ притягивало его — ея большіе, въ любовномъ порывѣ жестокіе, страданіе выражающіе глаза, мягкія, теплыя ладони, необыкновенно легкіе, почти неосязаемые волосы, полуоткрытый ротикъ съ бѣлымъ пушкомъ на верхней губѣ и здоровый румянецъ новорожденного ребенка. Она пробудила въ немъ ему прежде неизвѣстную, настоящую страсть. За эти нѣсколько дней, которые они провели вмѣстѣ, почти что не разставаясь, онъ не успѣлъ ничего обдумать и не старался предугадать исходъ ихъ встрѣчи. Онъ зналъ, что она должна была вскорѣ уѣхать изъ Парижа, но старался объ этомъ даже не вспоминать. Во всякомъ случаѣ, онъ не предполагалъ, что ихъ отношенія могутъ вылиться во что-нибудь серьезное и продолжительное. Счастье улыбнулось ему, онъ возможно полнѣе хотѣлъ воспользоваться имъ и надѣялся, что оно

украсить его жизнь, если не продолженіемъ его романа, то воспоминаніемъ о немъ. Теперь онъ, вдругъ, сразу, понялъ, что Жаклинъ ему безконечно дорога, что онъ не можетъ разстаться съ нею и что для любви нѣтъ ничего невозможнаго.

— Но мы же не разстанемся! — проговорилъ онъ, приближаясь къ ней. — Меня ничто не удерживаетъ въ Парижѣ. Я въ данный моментъ свободенъ... у меня есть небольшія сбереженія.

— Мой дорогой... Это будетъ такъ хорошо. Мы поѣдемъ вмѣстѣ, а тамъ я посвящу тебѣ все мое свободное время... Николая, я тебя безумно люблю! — сказала она, пожимая ему руку въ порывѣ благодарности.

— А мужъ? — неловко спросилъ онъ.

— Мужъ? — задумалась она. — Онъ такъ занятъ! — улыбнулась она.

— Я буду ревновать тебя къ нему.

— Напрасно, — вздохнула она, опять задумавшись. — Если бы ты только зналъ какія у насъ съ нимъ отношенія.... Мое замужество очень странная и длинная исторія... Я уже пять лѣтъ замужемъ, и вотъ, уже три года, послѣ перваго и послѣдняго ребенка, какъ между нами ничего нѣтъ... — смущенно проговорила она.

Николай съ любопытствомъ взглянулъ на нее. Это признаніе не удовлетворило его. "Что это, женская хитрость, нежеланіе посвятить его въ ея отношенія съ мужемъ, или правда?"

— Поссорившись съ родителями, — продолжала она, — которые не хотѣли, чтобы я стала артисткой (я недурно пѣла), я ушла изъ дому и рѣшила выйти замужъ. У меня было нѣсколько поклонниковъ, изъ которыхъ я и выбрала моего мужа, такъ какъ онъ показался мнѣ оригинальнѣе остальныхъ. Онъ, въ общемъ, доб-

рый, щедрый, исключительно дѣловой и энергичный, но грубый, взбалмошный и распушенный человѣкъ. Ты не можешь представить себѣ, какъ настрадалась я съ нимъ! Сколько разъ на него ни съ того, ни съ сего нападала дикая ревность и злоба!... Онъ опротивѣлъ мнѣ съ первой же ночи. Я была еще такъ молода; мнѣ было всего восемнадцать лѣтъ... Если бы ты зналъ меня тогда, я понравилась бы тебѣ еще больше. Я была страшно веселая, жизнерадостная, тонкая, стройная, совсѣмъ, какъ молодой мальчишка! Увлекалась спортомъ, великолѣпно плавала, играла въ теннисъ, танцевала и пѣла, а о любви даже не мечтала. Моему мужу было уже тридцать восемь лѣтъ. Онъ много пожилъ и долгая, холостая жизнь развратила его... Бывало, стоило ему только дотронуться до моей руки, какъ меня передергивало и непріятная дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Онъ замѣчалъ это, разстраивался и, наконецъ, причисливъ меня къ категоріи "безтемпераментныхъ женщинъ", оставилъ въ покоѣ. Затѣмъ онъ сталъ измѣнять мнѣ на каждомъ шагѣ и даже цинично выбиралъ своихъ любовницъ среди знакомыхъ мнѣ дамъ...

"И зачѣмъ это признаніе? — думалъ Николай".

Онъ больше любилъ ее неразгаданной, созданной для него и въ сочетаніи съ нимъ только возможной незнакомкой. Однако, онъ продолжалъ допытываться, желая простить прошлое, открыть въ немъ лишь подготовку къ этой встрѣчѣ, и изъ болѣзненного любопытства узнать все о любимой женщинѣ.

— А ты часто измѣняла ему? — насильно улыбнулся онъ.

— Нѣтъ, никогда — поспѣшила отвѣтить Жаклинъ. — Потомъ, я и такъ ужъ слишкомъ разболталась... Все это старо и не должно насъ больше интересовать. Неправда-ли, мой дорогой?... Однако, я хотѣла

бы знать что-нибудь про тебя. Я совсѣмъ не знаю твоей жизни. Сколько женщинъ, навѣрное, замѣшано въ нее!..

— Нѣтъ, Жаклинъ, я никогда не любилъ серьезно... Я нахожусь на перепутьѣ. Моя жизнь устроена только временно. Такъ продолжаться не можетъ... И Николай посвятилъ ее въ короткую и несложную исторію своей жизни.

— До сихъ поръ я ничего не предпринималъ, хотя и часто собирался, такъ какъ у меня не было ничего, что указало бы мнѣ на невозможность моего положенія и заставило бы серьезно взяться за умъ.... Мнѣ необходимы были средства на жизнь. Моя случайная профессія приносила мнѣ очень много. Мое положеніе не смущало меня, вѣдь послѣ революціи я очутился внѣ общества людей моего класса. Русское въ эмиграціи распалось, а иностранное было мнѣ незнакомо... Я жилъ безъ всякаго интереса, чтобы жить. Но теперь, встрѣтивъ тебя, я чувствую въ себѣ достаточно энергій, чтобы начать все сначала.

— Мой дорогой, ты у меня очень хорошее, маленькое существо, — проговорила Жаклинъ, ласково смотря на него.

— А ты любила кого-нибудь, Жаклинъ? Я долженъ все знать про тебя.

— Нѣтъ, — нерѣшительно и задумчиво отвѣчала она. — Николя, я не могу посвятить тебя такъ сразу въ мою жизнь...

— Жаклинъ, — умилился Николай, — мы должны знать абсолютно все другъ про друга, чтобы не было ненужныхъ разочарованій, чтобы знать, простить и начать все сначала.

— Я расскажу тебѣ послѣ, когда мы будемъ ближе другъ къ другу.

— Жаклинъ, — укоризненно произнесъ онъ.

— Я любила одну женщину, — начала она, подумавъ и взглянувъ на него вопрошающимъ взглядомъ. — Это даже не была любовь, а какая-то болѣзнь... Она была исключительно умна и образованна. Мы проводили съ ней всѣ дни, бесѣдуя и читая. Она рассказывала мнѣ о своихъ путешествіяхъ, говорила о всевозможныхъ религіяхъ и особенно увлекалась ученіемъ Іоговъ. Я рѣдко встрѣчала такую захватывающую рассказчицу. Я просиживала часами, слушая ее, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, когда мнѣ читали страшно занятную книгу. Каждый день меня влекло въ ея небольшую, темную комнату, гдѣ пахло опиумомъ и какими-то тяжелыми восточными духами. Каждый день я выходила отъ нея въ какомъ-то радостно болѣзненномъ экстазѣ, съ пустою головою и обостренными чувствами... Порою, мнѣ начинало казаться, что я не смогу жить безъ нея, что я схожу съ ума, такъ какъ часто по ночамъ меня мучили жуткіе кошмары и преслѣдовали чьи-то глаза... Сколько разъ я собиралась разстаться съ нею, но въ назначенный часъ невѣдомая сила и страшное желаніе тянули меня къ ней.

— А мужъ? — удивился Николай.

— Мужъ? — горько усмѣхнулась Жаклинъ. — Онъ предпочиталъ такого рода увлеченіе, чѣмъ, если бы я завела себѣ любовника.... Закончилась эта исторія ея отъѣздомъ. Я, конечно, хотѣла слѣдовать за нею, страдала и безумствовала. Однако, она оказалась благоумнѣе меня и отговорила, несмотря на то, что тоже любила и привязалась ко мнѣ... Годъ спустя, я встрѣтила одного очень интереснаго молодого человѣка (онъ извѣстный художникъ), который направилъ меня на путь истины... У тебя даже есть что-то общее съ нимъ, — улынулась она, пристально смотря на него. — Не то что похожъ, но такъ что-то во взглядѣ.... Онъ былъ

такой же тонкій, стройный, нервный, какъ ты... Однако, это не была настоящая любовь. Онъ встрѣтилъ меня, когда я безумно страдала по той женщинѣ, была какимъ-то неодушевленнымъ существомъ безъ мысли, безъ чувства... Онъ утѣшалъ меня и привлекалъ своимъ вниманіемъ, заботами и милымъ отношеніемъ.

— Ты еще встрѣчаешься съ нимъ? — безпокойно спросилъ Николай.

— Нѣтъ, — грустно улыбнулась она. — Это давнымъ давно кончено.

Они такъ долго засидѣлись въ ресторанѣ, что зала совсѣмъ опустѣла и лакеи, убавивъ свѣтъ, стали убирать столы.

На слѣдующій день вечеромъ скорый поѣздъ уносилъ ихъ въ Канны. Они стояли около открытаго окна, изъ котораго вмѣстѣ съ удушливымъ запахомъ желѣзнодорожнаго дыма доносилась свѣжесть осенняго вечера. Среди многочисленныхъ чемодановъ, картонокъ для шляпъ было трудно найти мѣсто.

У нихъ было два соединяющихся купэ. На вокзалъ они пріѣхали врозь, такъ какъ Маклинъ провожали ея знакомые, и не видѣлись до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не отошелъ. Какъ только послѣдніе огоньки большого вокзала скрылись въ холодномъ и смѣшанномъ съ угольнымъ дымомъ туманѣ, Николай распахнулъ соединяющую ихъ дверь и они жадно бросились въ объятія другъ друга.

Николай былъ счастливъ тѣмъ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ счастьемъ, которое не походило на то, что онъ испытывалъ прежде съ заинтересовавшими его женщинами. Было столько времени впереди, чтобы узнать другъ друга и углубиться въ ихъ чувство.

Онъ приподнялъ спущенную штору и выглянулъ въ окно. Бѣжали деревья, телеграфные столбы, мелькали

маленькіе домики, то поднималась, то опускалась неровная насыпь, и все сливалось въ непонятномъ движеніи. Сердце его сильно билось и мысли, подобно этому пейзажу, мѣшались, путались, и съ необыкновенной быстротою летѣли въ его разгоряченной головѣ. До него доносился крѣпкій запахъ одеколона, шуршаніе шелкового бѣлья, и въ противоположномъ зеркалѣ, изъ-за рукавовъ свѣтло-голубого халата, виднѣлись голыя руки Жаклинъ, поправлявшей прическу.

Онъ оглянулся. Она стояла передъ нимъ въ халатѣ, все еще поправляя волосы. Ея лицо было взволнованно, и большіе, особенно темные въ этотъ моментъ глаза, горѣли, какъ въ лихорадкѣ.

Ночь пролетѣла незамѣтно. Онъ въ изнеможеніи цѣловаль ея холодныя губы и безсильными руками сжималъ ея тѣло. Однообразно стучали колеса, бѣжали капли дождя по грязнымъ, покрытымъ угольной пылью стекламъ и покачивалась выцвѣтшая штора. На маленькой, узкой кушеткѣ. они были вдвоемъ, совсѣмъ одни въ неизвѣстности. Въ темнотѣ они угадывали желанія, мысли другъ друга. Они прислушивались къ ритмичному шуму колесъ и всматривались черезъ пріоткрытую занавѣску во тьму ночи. Отъ бѣгущаго потока воды встрѣчные предметы принимали причудливыя формы. Особенно ярко и расплывчато свѣтились фонари промелькнувшаго полустанка, покосились дома, изогнулись деревья и телеграфные столбы и вмѣсто бѣднаго ночного пейзажа передъ ними представились картины волшебнаго царства. Ихъ укачиваль, убаюкиваль поѣздъ, путались мысли, блѣднѣли и сливались другъ съ другомъ окружающіе предметы и мелькали передъ глазами неясные, но давно знакомые образы... Они засыпали...

VI.

Николай сидѣлъ въ пустомъ и погруженномъ въ полумракъ холлѣ своего отеля. По угламъ въ большихъ и глубокихъ креслахъ расположились старые англичане. Шуршали газеты, спускался ярко освѣщенный лифтъ, и лѣнливо, то вертикальной, то извивающей струею поднимался дымъ сигаръ. Изъ огромныхъ оконъ былъ виденъ пустынный въ это время года пляжъ. Начально выглядѣли освѣщенные луннымъ свѣтомъ бѣлые гиганты-отели съ закрытыми ставнями и жутко чернѣющимъ входомъ. Они напоминали высокія, мѣловыя горы. Верхушки напряженно вытянувшихся пальмъ нервно вздрагивали при каждомъ порывѣ холоднаго вѣтра. Мелодію падающихъ волнъ не нарушали гудки и моторы автомобилей. Свѣтлое небо и море напоминали далекіе, несбывшіеся сны....

Николай ожидалъ Жаклинъ. Онъ былъ счастливъ. Ему казалось, что онъ проснулся и впервые замѣтилъ, что живетъ. Все мелочное, житейское, земное поблѣднѣло передъ ощущеніемъ красоты великаго и безконечнаго. Его тѣло, его слова и ходъ его мыслей не принадлежали больше ему, являлись его временнымъ приспособленіемъ къ земной жизни. Одинъ вздохъ, одна секунда была всей его жизнью, а эта жизнь была вѣчностью. Не все ли равно родился ли бы онъ въ Римѣ при Неронѣ, еще раньше или позднѣе?.. Родился бы онъ человѣкомъ, животнымъ или какимъ-нибудь микробомъ? Развѣ это не все равно!.. Что передъ этимъ ощущеніемъ Бога его жизненные неудачи, его любовь и онъ самъ? Отъ грусти и радости душевной глупо, пошло на-вернулись на глазахъ слезы и ему стало стыдно. Въ жизни необходимо быть только крѣпкимъ и умнымъ.

Жаклинъ опаздывала, не прїѣзжала... Онъ началъ сомнѣваться въ ея любви. При свиданіи съ нимъ она бывала часто разсѣяна, ему казалось, что она занята чѣмъ-то болѣе важнымъ для нея, чѣмъ ихъ чувство. Въ ея ласкахъ, словахъ чувствовалась натянутость, ненатуральность. "Чѣмъ она занята? Почему она опять опаздываетъ?"

Прошло три недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Николай прїѣхалъ въ Канны. Вся жизнь для него ограничивалась Жаклинъ. Онъ видѣлъ ее только нѣсколько часовъ въ день. Въ остальное время онъ томился въ ожиданіи слѣдующей встрѣчи и съ нетерпѣніемъ ждалъ звонка по телефону и тѣхъ обыкновенныхъ фразъ, которыя приводили его въ восторгъ. "Онъ еще не ушелъ, — еле слышался въ трубку телефона робкій шопотъ Жаклинъ. — Думаю вырваться подъ предлогомъ парикмахера. Что ты дѣлаешь? Ты одинъ?.. Не было ли какихъ-нибудь прїятныхъ встрѣчъ? — почти злобно усмѣхалась она. — Поклянись, что ты одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ я буду у тебя, мой дорогой"... И Николай отрывался отъ телефона, подходилъ къ окну, всматривался въ лица мелькавшихъ людей, наблюдалъ жизнь незнакомаго ему города и часами ждалъ Жаклинъ. По вечерамъ онъ ѣздилъ въ открытое весь годъ казино въ Ниццѣ и пробовалъ счастье въ игрѣ. Онъ просиживалъ цѣлыми ночами за баккара. Съ безумнымъ напряженіемъ онъ слѣдилъ за игрою, присматривался къ счастливымъ, присоединялся къ ихъ игрѣ, изрѣдка рисковалъ довольно крупными суммами противъ долго продержавшагося банка, и, наконецъ, соблазнившись, садился самъ за столъ. Когда ему случалось взглянуть на себя въ зеркало, передъ нимъ представлялось такое озабоченное, уставшее и серьезное лицо, что онъ не могъ сдержать улыбки. Игра была для него настоящей работою, спосо-

бомъ продлить свое пребываніе на Ривьерѣ. Часто, возвращаясь на разсвѣтъ послѣ сильнаго проигрыша и шагая по опустѣвшимъ улицамъ, онъ чувствовалъ безконечную грусть. На улицахъ было тихо. Большіе, бѣлые, каменные дома, наглухо закрытыя ставни, скрипъ перваго трамвая, легкій вѣтерокъ и туманно облачное небо говорили о другой, спокойной жизни. Но что могло ему замѣнить Жаклинъ? Какъ могъ онъ жить безъ ея серьезныхъ и дѣтски удивленныхъ глазъ, безъ маленькихъ необыкновенно мягкихъ рукъ, которыя такъ довѣрчиво обнимали его, безъ особаго запаха ея духовъ и загорѣлой кожи. Теперь онъ попросту жилъ, отдавался быстротѣ событій, смѣнилъ впечатлѣній и остротѣ чувствъ. Подобно тѣмъ людямъ, которыхъ не воспитывала ни нормальная жизнь, ни окружающая среда, онъ былъ неспособенъ ни на чемъ остановиться и искалъ временно захватывающихъ и возбуждающихъ переживаній.

Къ счастью привыкаютъ; жизнь оцѣнивають уже съ пьедестала. Николаю стали въ тягость короткія свиданія, случайныя встрѣчи на улицѣ, въ ресторанѣ и тайныя улыбки издалека. Онъ возненавидѣлъ ея мужа, который представлялся ему, по рассказамъ Жаклинъ, какимъ-то извергомъ. Ненависть къ мужу поднималась въ немъ не только потому, что этотъ человѣкъ имѣлъ право на нее, не хотѣлъ отказаться отъ этого права и заставлялъ страдать любимую имъ женщину, но потому что онъ испытывалъ передъ нимъ незнакомый ему ранѣе страхъ и позорную слабость. Точно право, которое имѣлъ этотъ человѣкъ на Жаклинъ, обезоруживало его и даже заставляло сознать себя виноватымъ и ожидать заслуженной кары. Онъ сожалѣлъ, что его жизнь не сложилась по другому, что онъ не боролся, чтобы достигнуть извѣстнаго положенія, и испытывалъ безграничное отвращеніе къ самому себѣ. Онъ былъ малень-

кимъ, пошленькимъ и ничтожненькимъ человѣчкомъ. Каждый могъ его обидѣть, оскорбить, и у него не хватить достоинства, чтобы защитить себя. Больше всего онъ страдалъ отъ мысли, что Жаклинъ не любитъ его, что онъ для нея такая же простая забава, какъ и всѣ окружающіе ее молодые люди, которые были или будутъ ея любовниками.

Жаклинъ опоздала на цѣлый часъ. Николай, наконецъ, замѣтилъ на пустынной набережной знакомый ему автомобиль. Это былъ первый вечеръ, который они проводили вмѣстѣ; ея мужъ уѣзжалъ на нѣсколько дней въ Парижъ.

Она, легко соскочивъ съ подножки автомобиля, вбѣжала своей слегка подпрыгивающей, танцующей походкой въ отель и, радостная, свѣжая, и запыхавшаяся, подошла къ Николаю.

— Наконецъ, онъ уѣхалъ!.. — начала она, слѣдуя за нимъ въ глубь салона. — Я только что съ вокзала. Я не могла вырваться отъ него ни на минуту, за цѣлый день... Какъ я устала! — проговорила она, падая въ кресло. — Вы не очень скучали безъ меня? — шутливо обратилась она къ нему, беря его за руку и усаживая около себя. — Но ты понимаешь, къ нему пріѣхалъ одинъ знакомый, съ которымъ онъ надѣется закончить очень крупное дѣло. Намъ пришлось пригласить его завтракать, онъ отвѣтилъ обѣдомъ... Теперь, слава Богу, они уѣхали въ Парижъ... Теперь я могу посвятить тебѣ все мое время.

Николай сидѣлъ мрачный. Его оскорбила ея смѣшная походка, веселый видъ и разговоры о мужѣ, о дѣлахъ. Онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть ее, все это было такъ обыденно, нормально, но онъ ожидалъ какой-то другой встрѣчи.

Она не замѣчала его настроенія и продолжала съ большимъ оживленіемъ посвящать его въ свои радости.

— Все это чудно, — щебетала она безъ передышки. — Если это дѣло выйдетъ, мой мужъ общалъ мнѣ купить на лѣто двухмѣстный автомобиль, которымъ я буду сама править... Ты знаешь, мой сынъ насмѣшилъ меня сегодня до слезъ, правда и перепугалъ также... Онъ видѣлъ насъ вчера на пляжѣ, гуляя съ нянькой, и вдругъ сегодня онъ заявляетъ при отцѣ: “Мамуся, я видѣлъ тебя съ какимъ-то дядей около моря”... “Съ какимъ дядей? — спросила я его, очень строго посмотрѣвъ на него”. “Кажется, съ папой, — отвѣчалъ онъ, понявъ мой взглядъ. У меня точно камень отвалилъ отъ сердца. “Ну, видишь, какія глупости ты говоришь. Папа вчера не гулялъ со мною у моря”... Подумай, какой хитрый и умный мальчишка!..

— Весь въ мать! — усмѣхнулся Николай.

Въ холлѣ совсѣмъ опустѣло. Въ полумракѣ Николай различалъ только силуэтъ Жаклинъ. Онъ сѣлъ за рояль и сталъ тихо перебирать клавиши. Весь міръ ограничился для него стеклянной лампой и блѣдно умирающимъ свѣтомъ, который падалъ изъ-подъ віолетоваго абажура на черное дерево рояля. Онъ наигрывалъ грустную, негритянскую пѣснь, пока Жаклинъ не подошла къ нему. Она облокотилась на рояль, и отъ нея исходило такое притягивающее и захватывающее очарованіе, что онъ пересталъ играть и началъ безсильно цѣловать ея руки.

Случается, что изъ двухъ влюбленныхъ любящій сильнѣе, сознавая себя побѣжденнымъ, бросаетъ игру, скрывающую передъ другимъ его слабость, и даже радуется своей беспомощности. Николай былъ счастливъ только своимъ чувствомъ къ Жаклинъ, а не ея взаимностью.

— Жаклинъ, — вдругъ съ необыкновенной серьезностью произнесъ онъ, вставая и смотря на нее вопрошающимъ и пытливымъ взглядомъ, какъ бы желая убѣдиться, что она пойметъ его и что его слова не покажутся ей пустыми и ненужными.

Любовь всколыхнула въ немъ все пережитое, сдѣлала его лучше и требовала новыхъ завоеваній. Какъ было ему выразить все, что накопилось въ душѣ? Какъ было ему и передъ нею и, главное, передъ самимъ собою доказать, что онъ не настолько пустъ и безсодержателенъ, насколько объ этомъ свидѣлствуетъ его жизнь. Это стремленіе свойственно каждому чловѣку. Кто изъ людей, сознавая свое ничтожество, смиряется съ нимъ и не вѣрить, что онъ на что-то способенъ?

Какъ было объяснить Жаклинъ, что онъ совсѣмъ другой чловѣкъ, чѣмъ она думаетъ, что его профессія нѣчто совсѣмъ случайное, смѣшная и злая шутка судьбы. Онъ такъ далекъ отъ скучающаго и ищущаго любовныхъ интригъ юноши, за котораго она, можетъ быть, принимаетъ его. Вѣдь онъ съ такимъ трудомъ сближался съ людьми, такъ стѣснялся, боялся показаться смѣшнымъ, ненужнымъ и требовалъ отъ нихъ взамѣнъ своей искренности очень многого. Раньше, бывало, возвращаясь домой, онъ вспоминалъ каждое сказанное имъ слово, каждый жестъ и пытался опредѣлить по незначительнымъ фактамъ, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на своихъ новыхъ знакомыхъ. Чрезмѣрная неувѣренность въ себѣ прошла съ годами. Онъ рѣшилъ, что многіе люди не лучше его и что онъ самъ себѣ казался проще, неинтереснѣе и глупѣе ихъ, только потому что былъ болѣе искреннимъ.. И все же, онъ презиралъ свою пустую жизнь. Люди оцѣниваются по приносимой пользѣ, а не по скрытымъ и неиспользованнымъ качествамъ души. Онъ находился на мучительномъ распутьи. Онъ не могъ

примкнуть къ болѣе содержательнымъ и серьезнымъ людямъ, съ которыми у него не хватало выдержки, а другіе не могли простить ему, что онъ всегда стремился стать лучше и не могъ удовлетвориться ихъ жизнью.

Ему хотѣлось сказать ей, что онъ ничего не идеализируетъ въ жизни, не вѣритъ ни въ прочность чувства, ни въ абсолютную искренность между любящими, ни въ самую любовь, но что онъ ищетъ глубокихъ людей, способныхъ оцѣнить и придать извѣстную красоту переживаемому чувству.

“Нужно увлечься, отдаться, пожертвовать въ любви, чтобы тебя это захватило и чтобы тебѣ отвѣтили тѣмъ же самымъ... — думалъ онъ”.

Онъ хотѣлъ, чтобы она сказала ему всю правду. Ихъ соединяло только чувство, такъ зачѣмъ было обманывать другъ друга, если это чувство потеряло свою силу или никогда и не достигало своей высоты? Онъ любить жить, сумѣетъ оцѣнить малѣйшее вниманіе, оказанное ему хорошенькой женщиной, минуты украденнаго и незаслуженнаго счастья...

— Жаклинъ... — повторилъ онъ, еще ближе подходя къ ней и смотря ей прямо въ глаза. — Я не увѣренъ въ тебѣ... Я боюсь потерять тебя. Мое чувство къ тебѣ на много серьезнѣе, чѣмъ ты думаешь. Я страдаю изъ-за положенія, которое я занимаю при тебѣ...

— Дорогой мой,.. Какой глупый мальчикъ. Неужели ты не видишь, какъ я люблю тебя? Это въ первый разъ въ моей жизни, что я такъ привязалась всей моей душою. Если бы только жизнь и люди были иными!.. — вздохнула она.

Слезы показались на ея большихъ, безпокойныхъ и почти серьезныхъ въ этотъ моментъ глазахъ. Она была искренна, она любила и была на что-то способна.

Жаклинъ подошла къ роялю. Николай, какъ всегда, въ моменты охватывающей его неловкости, сталъ съ озабоченнымъ видомъ поправлять свой галстукъ.

Обоюдныя признанія смутили ихъ, приблизили ихъ къ новой чертѣ, на которой они не чувствовали себя увѣренными. Въ любви люди завоевываютъ извѣстное положеніе и упорно играютъ выбранную ими роль, пока какое-нибудь новое событіе не сбиваетъ ихъ съ занятой позиціи и не сближаетъ или удаляетъ ихъ.

— Да, приходитъ время, задумчиво продолжалъ Николай, — когда хочется остановиться и устроить свою жизнь. До сихъ поръ я жилъ какой-то надеждой на будущее, я думалъ, что все, что случается со мною въ данный моментъ является чѣмъ-то несерьезнымъ, временнымъ и что настоящая жизнь ожидаетъ меня впереди... Теперь же я понялъ, что впереди нѣтъ ничего, что настоящая жизнь уже наступила, и я долженъ какъ-то ею воспользоваться и въ чемъ-то себя проявить. Это сознаніе похоже на то, когда, вдругъ, ребенокъ, который ежедневно общается себѣ учиться и быть послушнымъ завтра, понялъ, что особеннаго завтра не будетъ, что завтра такой же день, какъ сегодня, и нужно сразу рѣшить: начать ли учиться и быть послушнымъ или нѣтъ?..

Жаклинъ стало скучно. Она знала по опыту, что, когда Николай пускался въ подобныя разсужденія, онъ становился грустнымъ и, несмотря на то, что только и говорилъ объ ихъ любви, какъ будто совсѣмъ забывалъ о ней. Онъ былъ такъ трогательно милъ своимъ наивнымъ признаніемъ, что ей гораздо больше хотѣлось цѣловать его “необыкновенно пріятныя губы”, чѣмъ продолжать слушать его болтовню.

Она подошла къ нему.

— Теперь будетъ такъ хорошо. Цѣлую недѣлю мы будемъ совсѣмъ одни.

— Нѣтъ, Жаклинъ. Я долженъ буду уѣхать на дняхъ. Въ это время года я не могу здѣсь устроиться. Я поѣду въ Парижъ, гдѣ мнѣ предлагаютъ очень выгодное мѣсто, и, скопивъ немного денегъ, вернусь къ тебѣ. А, можетъ быть, и, вообще перемѣню мою спеціальность... — усмѣхнулся онъ.

— Николая, ты не долженъ уѣзжать. Только подумай, что теперь, когда мой мужъ уѣхалъ, когда мы совершенно одни, ты покидаешь меня. Если ты въ чемъ-нибудь нуждаешься, ты долженъ всегда обращаться ко мнѣ... Развѣ мы прежде всего не друзья? Это такъ естественно, чтобы я пришла къ тебѣ на помощь и взяла на себя часть твоихъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что ты традишься только на меня...

— Нѣтъ, Жаклинъ, — улыбнулся онъ, цѣлуя ея теплую, надушенную руку. — Я скоро вернусь. Потому ты вѣдь тоже должна поѣхать въ Парижъ. Мы скоро увидимся.

Жаклинъ предлагала ему денегъ. Она безусловно любить его. Ея предложеніе забавляетъ и соблазняетъ Николая. Это ново и занятно. Ему хочется остаться, продлить на нѣсколько дней эту необыкновенную жизнь. Однако, взять, или даже занять у женщины "немного денегъ" пошло и гадко. Въ такихъ случаяхъ берутъ очень много или ничего... Конечно, между ними совсѣмъ другія отношенія. Они любятъ другъ друга, имъ хочется продлить свиданіе...

Несмотря на всѣ разсужденія, онъ все-таки остался еще на недѣлю, утѣшая себя тѣмъ, что онъ возвратитъ долгъ изъ Парижа.

VIII.

— Положение дѣль слѣдующее, — нахмурился Жакъ Мирандъ, и его полное, озабоченное лицо покрылось сплошными морщинами. — Я не могу выбиться по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я не имѣю достаточно большого оборотнаго капитала; во-вторыхъ, въ моемъ ремеслѣ кліенты платятъ очень нерегулярно, а поставщики требуютъ внести половину денегъ при заказѣ и другую при окончаніи работы.

“Кажется нельзя было объяснить проще” — съ раздраженіемъ подумалъ онъ, поднося свою толстую съ короткими пальцами и твердыми, желтыми ногтями руку ко рту и откусывая заусеницу.

— Вотъ почему я и ищу компаньона съ деньгами, — продолжалъ онъ. — Напримѣръ, въ данный моментъ я имѣю два большихъ заказа обставить виллу въ Каннахъ, а у меня нѣтъ свободныхъ денегъ, чтобы начать работу. Для того, чтобы было возможно продолжать это дѣло и чтобы оно было очень доходнымъ, мнѣ необходимо имѣть собственную мастерскую, которая могла бы исполнять всѣ заказы. При такой постановкѣ дѣла мы не только освобождаемся отъ преждевременныхъ платежей, но вдвое больше зарабатываемъ на каждомъ креслѣ и стулѣ... Мѣсто для постройки мастерской, которое я вамъ показалъ, по моему, очень подходящее и недорогое. Между прочимъ, вы можете подробно ознакомиться со всѣми предстоящими расходами по этой смѣтѣ, которую я приблизительно составилъ для васъ, — сказалъ онъ, подавая Нордсену нѣсколько аккуратно сложенныхъ и сѣпленныхъ листовъ.

Рольсъ-Ройсъ Нордсена, плавно покачиваясь изъ стороны въ сторону, катилъ ихъ по неровной дорогѣ окрестностей Парижа.

Нордсенъ поморщился. Ему былъ страшно непріятенъ и несимпатиченъ сидѣвшій съ нимъ рядомъ человѣкъ. Въ его маленькихъ, жестокихъ и никогда не смотрящихъ прямо на собесѣдника глазахъ, въ его необыкновенно толстой, короткой и сливающейся съ плоскимъ затылкомъ шеѣ и принужденной, слишкомъ любезной улыбки было нѣчто отталкивающее. “Этотъ мерзавецъ способенъ абсолютно на все, — подумалъ онъ, испытывая какую-то непріятную тревогу. Однако, онъ получить отъ меня свои денежки... Его жена слишкомъ хорошенькая, соблазнительная, а онъ слишкомъ любезенъ, чтобы отказать ему въ этомъ”.

Развѣ Нордсенъ виноватъ, что жизнь истощила его, что его больше ничто не интересуетъ? Годы убили въ немъ всякій интересъ, всякое желаніе. Политика, экономическіе вопросы, усовершенствованіе его фабрикъ и заводовъ, улучшеніе жизни рабочихъ, безчисленныя организации — какая ерунда! Чѣмъ больше онъ зналъ, чѣмъ больше добивался, тѣмъ немилосерднѣе запутывался. Чѣмъ сильнѣе, самоувѣреннѣе чувствовалъ онъ себя на землѣ, тѣмъ страшнѣе ему казалась неизвѣстность. Слабый, безхарактерный, нерѣшительный онъ страдалъ отъ своей безпомощности. Теперь его тяготила его собственная сила, непростительная, невозможная удача, легкость въ достиженіи всѣхъ земныхъ благъ и полное безсиліе передъ тѣми чудовищными вопросами, передъ которыми всѣ люди одинаково безпомощны.

Пропадаетъ память, живость мысли и сердце бьется неровно, какъ старый и испорченный моторъ. Онъ отсчитываетъ каждую секунду дня и ночи, приближающую до смѣшного глупую смерть. Даже во снѣ онъ чувствуетъ ее, воспринимаетъ какимъ-то неяснымъ намекомъ, и въ ужасѣ просыпается и старается не спать, чтобы нѣсколько секундъ сознательно ощутить себя жи-

вымъ. Онъ скоро превратился въ разлагающуюся падаль. Эта мысль вызываетъ въ немъ отвращеніе, и онъ презрительно смотритъ, сидя въ горячей ванной, на свое огромное, разбухшее и ожирѣвшее тѣло. Но все-таки, въ немъ еще кипятъ знойно- нездоровыя вожделѣнія, жизнь не потеряла еще всего своего интереса. Почему онъ откажетъ себѣ въ этой, можетъ быть, послѣдней похоти? Мурашки пробѣгаютъ по спинѣ, пятнами краснѣетъ лицо и тяжелѣетъ отвислая челюсть при мысли о маленькой Жаклинѣ. Развѣ можетъ быть, что-нибудь лучшее, чѣмъ осторожно, сдержанно цѣловать часами упругія, съ пухленькой ступней, ножки Жаклинѣ. Онъ тратитъ на женщинъ огромныя деньги. Люди считаютъ его выжившимъ изъ ума старикомъ. Однако, онъ лучше ихъ оцѣнилъ наслажденіе и рассчиталъ, сколько денегъ ему необходимо для будущей жизни.

Нордсенъ взглянулъ въ окно. На фонѣ туманно розоваго, холоднаго неба печально выглядѣли грязные, непривѣтливые домики, сѣрые, покосившіеся заборы и строгіе трубы заводовъ. На пожелтѣвшей, стоптанной травѣ стояли рабочіе. Они насмѣшливыми, презрительными глазами провожали его блестящій, вылощенный автомобиль. По дорогѣ въ грязи плелась оборванная старуха, взваливъ на спину мѣшокъ.

Лицо Нордсена скосилось въ злую улыбку. Передъ нимъ опять во всей наивной сложности выросъ вѣчно волнующій его вопросъ. Неужели все въ жизни зависитъ только отъ случая, отъ счастья? Почему извѣстное количество людей живетъ въ этой удручающей темнотѣ, сырости, среди сводящаго съ ума грохота машинъ, когда другое, малое, пользуется жизнью, познаетъ ея красоту и могущество? Онъ не родился богатымъ, онъ **самъ** добился своего положенія. Случай.. Счастье?.. Нѣтъ! Онъ боролся; его состояніе стоило ему многихъ

безумныхъ усилій. Вотъ, даже эти самые рабочіе, проводившіе его автомобиль насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, любили, понимали его и не замѣчали его богатства. Онъ умѣлъ говорить съ ними прямо, откровенно и толково. Онъ жилъ ихъ жизнью. Его заводы представляли собою маленькое государство, въ которомъ правительство было ближе къ своимъ подчиненнымъ, чѣмъ въ любой демократической республикѣ. Конечно, первенствующую роль сыграло счастье. Онъ не забылъ, какъ прогорѣлъ конкурировавшій съ нимъ заводъ, вслѣдствіе того, что его хозяинъ велъ слишкомъ широкой образъ жизни, какъ случайно поднялись акціи его банка... Такъ кого же обвинять въ этомъ? Того, Кто одному далъ при рожденіи голову, характеръ, а другого награждать слабостями, пороками и мучительными противорѣчіями? Эгоизмъ людей или ихъ глупость, неумѣніе такъ организовать общество, чтобы сильный, не замѣчая своего даянія, могъ бы помочь слабому? Уравнять людей невозможно; многіе неудачные опыты доказали это. Однако, люди создали общество не для того, чтобы продолжать насиловать другъ друга. Какъ старо все это, сколько замѣчательныхъ людей думало объ этомъ. Мы двинулись впередъ. Кто посмѣетъ сравнить положеніе гражданина нашей эпохи съ тѣмъ, что было всего сто лѣтъ тому назадъ. Однако, какъ еще мы далеки отъ того, чтобы удовлетворить всѣхъ. Да, зависитъ-ли это дѣйствительно отъ насъ и стоитъ ли, вообще, ломать себѣ надъ этимъ голову?...

— Я просмотрю вашу смѣту, однако, въ принципѣ вы можете считать это дѣло законченнымъ. Меня это очень интересуесть, — обратился Нордсенъ къ Миранду. — Я даже прошу васъ разрѣшить мнѣ преподнести вашей женѣ маленькій подарокъ въ знакъ нашего согласія и дружбы. Я очень ей обязанъ за ея гостепріимство въ Каннахъ.

— Вы очень любезны, — расплылся въ улыбку Мирандъ, прищуривая глаза, въ которыхъ въ наступившей темнотѣ блеснулъ злой огонекъ. — Я надѣюсь васъ скорѣ увидѣть опять на Ривьерѣ.

— Да, я провожу въ Каннахъ болѣе половины года... Этотъ климатъ мнѣ очень подходитъ. Дѣла дѣлами, однако, въ мои годы приходится подумать и о здоровьѣ....

Автомобиль проѣзжалъ пустынные аллеи Булонскаго лѣса. Сѣрое, парижское небо загорѣлось туманно краснымъ заревомъ. По сѣрому асфальту осенній вѣтеръ гналъ желтый листъ. Встрѣчные автомобили зажгли прожектора.

“Сколько восторженныхъ поцѣлуевъ принесетъ мнѣ этотъ маленький подарочекъ, — подумалъ Нордсенъ, всматриваясь въ темноту лѣса. — Миссисъ Кентъ, — поморщился онъ: — нужно будетъ послать очень, очень крупный чекъ, чтобы она возвратила мнѣ свободу...”

IX.

Жакъ Мирандъ вышелъ на улицу. Передъ нимъ была обычная картина лѣтняго, парижскаго вечера. Еще было свѣтло, опустѣли улицы и только изрѣдка проползалъ пыльный такси, ища кліентовъ, да проходилъ одинокій прохожій, безпрестанно снимая соломенную шляпу и вытирая потный, весь въ красныхъ пятнахъ лобъ. Было жарко и душно. Пустынные улицы выглядѣли тоскливо, но освобожденный отъ безпорядочнаго движенія и отъ пестрой толпы Парижъ былъ особенно красивъ въ этой нѣсколько мрачной и спокойной тишинѣ. Мирандъ позвалъ такси и далъ шоферу адресъ давно извѣстнаго ему ресторана. Отъ быстроты, съ которой

несся автомобиль, стало прохладнѣе. Мирандѣ въ какомъ-то тупомъ безразличіи уставился на счетчикъ, на которомъ безпрестанно мѣнялись цифры и росла цѣна на проѣздъ. “И такъ всю жизнь, — подумалъ онъ. — плати, плати и плати.... За весь день нѣтъ ни одной минуты, когда бы не приходилось вынимать бумажникъ!”

Автомобиль сталъ объѣзжать Конкордъ. Гордо и одиноко поднимался обелискъ, тоскливо выглядѣли закрытыя окна почернѣвшихъ отъ времени домовъ и жалобно стояли пыльные деревья Тюльери. Елисейскія Поля тонули въ какомъ-то пыльномъ туманѣ и сливались съ низкимъ, знойнымъ небомъ. Мирандѣ оставался равнодушнымъ къ красотѣ и жизни Парижа. Онъ былъ для него однимъ изъ тѣхъ душныхъ городовъ, которые онъ посѣщалъ, путешествуя по дѣламъ. Онъ казался ему карточной, игрушечной постройкой, которая, того гляди и разрушится. Все въ жизни старо, давно знакомо и съ математической точностью повторимо! Онъ страшно усталъ!..

“Почему Нордсенъ медлитъ съ подписаніемъ контракта и съ внесеніемъ остальныхъ денегъ? — думалъ Мирандѣ. То, что онъ мнѣ далъ впередъ, еле хватило на исполненіе одного заказа... Неужели мы недостаточно любезны съ нимъ” — злобно усмѣхнулся онъ.

Мирандѣ настолько запутался въ своихъ дѣлахъ, что ему давно бы уже слѣдовало, переведя оставшіяся деньги на имя сестры, объявить банкротство. Однако, въ данный моментъ это было бы просто невыгодно, такъ какъ его долги не составляли особенно большой суммы.

“Черезъ нѣсколько дней, — подумалъ онъ, и его лицо просвѣтлѣло, — поѣду къ женѣ на Ривьеру... Какъ хорошо — вода, въ которой такъ пріятно побарахтаться, потомъ нырнуть, закрывши глаза, въ самую глубь

и открыть особую прелесть въ этой звенящей въ ушахъ тишинѣ и въ этомъ удаленіи отъ всего земного. Воздухъ, зелень, баккара...”

Мысль о женѣ опять омрачила его. Его кулаки невольно сжались и онъ стиснулъ короткія челюсти. Нѣкоторыя обстоятельства ихъ жизни не позволяли ему посягнуть на ея свободу. Она дѣлала, что хотѣла, вѣчно была окружена ненавистными ему мальчишками, съѣхавшимися со всего свѣта авантюристами и бездѣльниками.

“Не допущу, — процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Въ такіе моменты онъ ненавидѣлъ свою жену и не могъ спокойно вообразить себѣ ея хорошенькое лицо. “Боже мой, — съ ужасомъ думалъ онъ, — какіе глаза!.. Эти большіе, каріе глаза, которые смотрятъ на васъ съ дѣтскимъ удивленіемъ, необычайной добротою и съ какимъ-то особымъ выраженіемъ женской ласки и безпомощности. — Простите меня. Я несчастная, маленькая женщина, которая, несмотря на всѣ свои слабости, васъ горячо любитъ, — говорятъ они мнѣ”. И въ то же время въ нихъ просвѣчиваетъ ложь и даже, какъ будто, легкая насмѣшка надъ тѣмъ, что столько мужчинъ вѣрятъ этому взгляду...”

“Въ концѣ концовъ, — продолжалъ разсуждать онъ, — она должна же понять, что она мнѣ дороже всего на свѣтѣ, что мы работаемъ вмѣстѣ, ради насъ самихъ и для того, чтобы обезпечить нашего сына”...

Его завѣтной мечтой было имѣть отъ нея еще одного ребенка. “Такой маленькій, — мечталъ онъ, и въ его зломъ и отталкивающимъ своей непривѣтливостью и фальшью лицѣ отражалось что-то нобыкновенно доброе и трогательное. — Такой хорошенькій, копошится, протягиваетъ свои розовенькія, пухленькія и съ особенно нѣжной, точно обожженной кожею ручки и смот-

рить невиннымъ, ничего не понимающимъ, но уже узнающимъ своихъ родителей взоромъ"... И онъ самъ подбирался, ежился, какъ будто желая изобразить этого ребеночка и какая-то пріятная и до смѣшного стыдливая нѣжность подымалась въ его груди.

"Нѣтъ, нужно еще бороться! — подумалъ онъ и его лицо сморщилось и превратилось въ сплошныя морщины. Надулись жилы на толстыхъ рукахъ и опухли и отяжелѣли ноги. Ему вспомнилась вся его жизнь; волненія, радости и неудачи.

Какое мрачное и скучное дѣтство! Ему представилась маленькая, неуютная квартира съ пожелтѣвшими портретами, выцвѣтшей мебелью и особымъ затхлымъ запахомъ стараго жилища. Вспомнилось угрюмое лицо молчаливаго и строгаго отца. Онъ всегда испытывалъ болѣзненный страхъ передъ этимъ человѣкомъ, жизнь котораго ему была непонятна. Отецъ, казалось, не замѣчалъ его и обращался къ нему только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Послѣ службы, отобѣдавъ, онъ запирался въ своей комнатѣ и проводилъ въ ней весь вечеръ. Изрѣдка, къ нему приходили какіе-то люди по дѣлу, и они бесѣдовали до поздней ночи. Порою, ихъ споръ прерывался негодующими восклицаніями отца, и потомъ наступала жуткая тишина, къ которой онъ, лежа въ кровати, прислушивался съ дикимъ ужасомъ и усиленнымъ сердцебіеніемъ. Впослѣдствіи, близкіе люди посвятили его въ тайну его семьи. Они объяснили угрюмый характеръ и странности отца угрызеніями совѣсти, преслѣдовавшими его всю жизнь. Онъ былъ виновникомъ смерти своей жены, женщины больной и слабой. Она не вынесла его жестокости, грубости и ненормальной подозрительности. Однако, несмотря на все, Жакъ Мирандъ любилъ своего отца и даже восхищался его властнымъ характеромъ, передъ которымъ склонялись всѣ окружающіе его люди.

Послѣ смерти отца онъ сталъ владѣльцемъ небольшого состоянія и антикварнаго магазина въ отдаленномъ и бѣдномъ кварталѣ Парижа. Дѣла шли хорошо, но скромное существованіе не удовлетворило Миранда. Онъ пустился въ рискованныя предпріятія. Съ тѣхъ поръ его жизнь стала сплошнымъ водоворотомъ. Огромныя деньги, большіе проэкты и надежды смѣнялись долгами, неуплаченными векселями и угрозами кредиторовъ. Все время волненія, радости, отчаяніе и полное уныніе. Онъ сталъ тратить очень много, покупалъ первоклассныя автомобили, содержалъ роскошную виллу въ Каннахъ, дѣлалъ богатые подарки любовницамъ и не мало проигрывалъ въ баккара.

Жаклинъ онъ встрѣтилъ въ самомъ началѣ своей карьеры. Жениться на дѣвушкѣ безъ приданнаго сперва не соблазняло его, но она произвела на него сильное впечатлѣніе. Кромѣ того, вѣдь, красивая и далеко не глупая женщина, окруженная богатыми поклонниками и имѣющая большія связи, сама собою являлась извѣстнымъ приданнымъ!

Совмѣстная жизнь съ Жаклинъ вовлекла его въ еще болѣе крупныя расходы, благодаря ея знакомствамъ, но открыла ему, по той же причинѣ, новые горизонты и позволила придать болѣе крупный размахъ его дѣламъ. Самоувѣренный, убѣжденный въ своихъ способностяхъ, онъ очень скоро освоился въ незнакомой ему средѣ. Жаклинъ, дѣвушка изъ небогатой, буржуазной семьи, хорошо поняла ихъ положеніе; она отлично знала, какой интересъ и значеніе имѣли всѣ тѣ свѣтскіе люди, съ которыми она поддерживала дружескія отношенія. Ей хотѣлось жить очень широко, позволить себѣ ту роскошь, которую имѣли жены и любовницы ея богатыхъ знакомыхъ, а деньги легко не доставались. Нужно было помогать мужу въ его дѣлахъ.

Такимъ образомъ, онъ нашелъ въ ней не только очаровательную, ласковую жену, но и самого вѣрнаго и старательнаго компаньона.

Женитьба принесла ему и не мало непріятностей. Жаклинъ не любила его. Его оскорбляло отвращеніе, съ которымъ она встрѣчала каждую его ласку. Необыкновенная злоба охватывала его къ этой молоденькой и соблазнительной своею молодостью и кажушейся наивностью женщинѣ, сумѣвшей возратить ему радость наслажденія, давно утраченную въ его распушенномъ прошломъ. Онъ то окружалъ ее несвойственной ему лаской и старался, примѣняя весь свой опытъ, зажечь въ ней непробудившееся влеченіе, то, разочаровавшись въ успѣхѣ, начиналъ безумно кутить, все еще надѣясь оскорбительной измѣной и доходившимъ до сумасшествия отчаяніемъ заставить ее обратить на себя вниманіе.

Вскорѣ, свойственная его натурѣ разсудительность сдержала разгулявшіеся нервы. Подчиненіе Жаклинъ его желаніямъ замѣнила ему ея взаимность. Главной же причиной ихъ согласія являлось одинаковое пониманіе жизни. Все было возможно, допустимо, если только не было направлено противъ одного изъ нихъ, противъ ихъ обоюдныхъ интересовъ. Онъ даже допускалъ, хотя ревнуя и оскорбляясь, невинныя увлеченія жены, поскольку они не переходили въ опасную для него и для ея сына привязанность. Больше всего онъ цѣнилъ въ ихъ отношеніяхъ ту незнакомую ему прежде искреннюю ласку, которой она окружала его. Она была единственнымъ человѣкомъ, который не испытывалъ къ нему непріязни, сумѣлъ открыть его слабости, симпатичныя стороны его характера и многое простить. Онъ отплатилъ ей за это, считаясь съ нею, какъ съ самимъ собою,

Вскорѣ размышленія Миранда были прерваны рѣзкой остановкой такси передъ рестораномъ. Онъ долженъ былъ обѣдать съ однимъ изъ тѣхъ пріятелей, которые обыкновенно мѣнялись ежедневно и съ которыми онъ сговаривался, чтобы не остаться въ одиночествѣ весь вечеръ.

Въ небольшомъ барѣ, гдѣ собрались окончившіе работу дѣловые люди, стоялъ сильный шумъ. Всѣ спорили, обмѣнивались послѣдними финансовыми новостями, шутили и рассказывали анекдоты. Черезъ открытую дверь виднѣлась еще пустая зала ресторана съ заманчиво накрытыми столами и подносами закусокъ. Среди столпившихся у бара людей Мирандѣ замѣтилъ своего пріятеля. Онъ улыбнулся при видѣ его и повеселѣлъ; еще одинъ вечеръ пройдетъ незамѣтно въ пустыхъ разговорахъ и легко достающихся развлеченіяхъ.

Х

Стояла жаркая погода. Пожелтѣла трава, запылились деревья и пахло смолою, цвѣтами и нагрѣтымъ моремъ. Въ прозрачно туманной, точно истому земли отражающей синевѣ, заходило солнце.

Въ Жуанъ Ле Пенъ, въ саду подъ небольшими деревьями, за маленькими, соломенными столиками расположилась публика. На фонѣ зелени рѣзко выдѣлялись яркія краски шелковыхъ пижамъ, слегка прикрывавшихъ ровно загорѣлыя тѣла. Широкія, со смѣлыми складками, какъ длинныя юбки прежнихъ временъ, штаны качались въ тактъ играющей музыки. По деревянному помосту нерѣшительно ступали маленькія, тоже загорѣлыя и съ выкрашенными краснымъ лакомъ ноготками женскія ножки въ сандаліяхъ. Крѣпкія, муску-

листья руки мужчинъ въ темномъ трико сжимали этихъ хрупкихъ, почти обнаженныхъ женщинъ и крутили ихъ подъ завывающую музыку.

Луветь сидѣлъ за столомъ, особенно выпятивъ грудь и безпрестанно вытягивая шею привычнымъ жестомъ, какъ будто и безъ того низкій воротникъ мѣшалъ ему и точно ему было необходимо взглянуть поверхъ головъ танцующихъ паръ. Рядомъ съ нимъ находилась Жаклинъ въ бѣлыхъ штанахъ, шелковой безъ рукавовъ блузѣ и темномъ беретѣ. Она выглядѣла очаровательнымъ мальчикомъ лѣтъ шестнадцати. Озабоченно разстроенное лицо Лувета и растерянно блуждающій взглядъ Жаклинъ выдавали происшедшее недоразумѣніе, сцену влюбленныхъ.

— Я искренно удивленъ твоему настроенію, твоимъ упрекамъ... — раздражался Луветь. — Если это опять изъ за вчерашней исторіи, изъ за того, что я выѣзжалъ съ Бэтти, то я уже тебѣ говорилъ, что между нами нѣтъ больше абсолютно ничего... Я очень любилъ когда то эту женщину, она путешествовала со мною... Мы разстались добрыми друзьями и теперь, когда случай столкнетъ насъ, всегда очень рады встрѣтить другъ друга... Поболтать, вспомнить о томъ чудномъ времени, когда у меня была своя яхта, совсѣмъ другая интересная, полная неожиданностей, опасностей и новыхъ впечатлѣній жизнь...

— И ты находишь, что это вполнѣ естественно?

— Что это? — раздражался Луветь.

— Но ты не понимаешь, что я люблю тебя! — проговорила Жаклинъ, и въ ея глазахъ отразилось страданіе. — Ты удивляешься, что я ревную тебя, что я каждую минуту только и думаю о тебѣ, что я хочу быть все время съ тобою!.. Вотъ, этотъ рестораникъ останется на вѣкъ въ моей памяти. Я не смогу посѣтить его,

чтобы мое сердце не сжалось отъ воспоминаній, которыя связаны съ нимъ... Въ немъ произошла наша первая встрѣча. Я люблю тебя, — проговорила она, сжимая свои маленькіе кулачки, закусывая нижнюю губу и отворачивая отъ него свою голову. Ея лицо выражало крайнее раздраженіе и тоску. — Боже мой, чего бы я только не дала, чтобы увидѣть на этомъ самоувѣренномъ, гордомъ лицѣ страданіе, признаки какого нибудь чувства! — проговорила она, посмотрѣвъ на него своими возбужденными, полными ненависти глазами, и отвернулась вновь, какъ будто сдерживаясь отъ желанія не то броситься ему на шею, не то изуродовать своими острыми ноготками его насмѣшливо улыбающееся лицо.

— Однако, ты обладаешь такимъ неистощимымъ источникомъ любви и ты способна такъ много и "многихъ" любить, что даже мнѣ приходится удивляться, несмотря на то, что я не могу пожаловаться на мой жизненный опытъ. Со мною нерѣдко случались и болѣе забавныя похожденія. Нѣтъ, Жаклинъ, — горько усмѣхнулся онъ, — бросимъ устраивать сцены, обманывать другъ друга. Мы великолѣпно проводимъ время, веселимся... Я не вмѣшиваюсь въ твою жизнь и ты не должна особенно интересоваться моею.

— Что это за новая исторія? — насторожилась Жаклинъ, слегка покраснѣвъ и смутившись. — Если это какая-нибудь новая сплетня, которую тебѣ преподнесли твои милые друзья, то меня это совсѣмъ не интересуесть.

— Нѣтъ, я просто вспомнилъ рускаго танцора.... Какъ его тамъ?... Николая?

— Николая... — заволновалась Жаклинъ. — Онъ что-нибудь говорилъ тебѣ обо мнѣ? Вы съ нимъ знакомы? — продолжала допытываться она, смотря на него тѣмъ вопрошающимъ, умоляющимъ взглядомъ, ко-

горый плохо скрывалъ ея опасеніе быть окончательно разоблаченной. Однако, съ ея лица не сходила пренебрежительная улыбка, которой она рѣшила встрѣтить и опровергнуть "новую сплетню".

"Неужели, — съ ужасомъ думала она, — они стали друзьями и знаютъ, что я одновременно была любовницей того и другого? Какъ это пошло, пошло!.. И развѣ они поймутъ, какъ все это случилось!"

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Луветь, забавляясь ея смущеніемъ, — я его не знаю, такъ какъ, вообще, дружить съ профессиональными танцорами не въ моихъ правилахъ. Но развѣ онъ не вашъ любовникъ? Объ этомъ, кажется, извѣстно всѣмъ, кромѣ вашего мужа.

— Николай, — облегченно разсмѣялась Жаклинъ. — Я такъ и знала, что ты приподнесешь мнѣ какую-нибудь глупость. Онъ просто очень славный мальчикъ, между прочимъ, изъ очень хорошей семьи, но обѣднѣвшій, какъ почти всѣ русскіе послѣ революціи. Меня представили ему мои знакомые, они очень хорошо отзывались о немъ. Мнѣ было очень жалко его. Подумай, просиживать всѣ ночи напролетъ въ этой ужасной атмосферѣ кабаковъ, когда, въ его возрастѣ, ему, вообще, слѣдовало бы еще учиться... Я танцевала съ нимъ, чтобы дать ему что-нибудь заработать, и изрѣдка принимала его у себя, чтобы не оскорбить его, показать, что я понимаю его положеніе.... Однако, — опять разсмѣялась она, — какія глупости могутъ придумать люди отъ нечего дѣлать.

— А Нордсенъ, — опять усмѣхнулся Луветь. — По какимъ такимъ особеннымъ причинамъ вы встрѣчаетесь съ нимъ ежедневно?.. Не изъ-за уваженія ли, въ противоположность Николаю, къ его преклоннымъ лѣтамъ?

— Я вижу, — насильно улыбнулась Жаклинъ, злобно закусывая нижнюю губу, — что кто-то слишкомъ истресуется мною. Моя жизнь не даетъ ему покоя... Мишель, если ты, хотя бы немного, любишь меня, ты долженъ сказать мнѣ, кто распускаетъ про меня такіе ужасные слухи, — необыкновенно серьезно проговорила она, беря его за руку и смотря ему прямо въ глаза. — Твое недовѣріе ко мнѣ просто оскорбительно. Ты позволяешь первому встрѣчному судить меня и вѣришь всему, что тебѣ только не рассказываютъ про меня... Нордсенъ, — вдругъ разсмѣялась и просіяла она. — Однако, и какой же ты глупый! — проговорила она, умиляясь и улыбаясь своими ласковыми, наивными глазами, которымъ хотѣлось вѣрить, ни о чемъ не думая и ни въ чемъ не сомнѣваясь. — Нордсенъ.... — вотъ насмѣшилъ... Этотъ толстый и симпатичный Нордсенъ. Я не могу себѣ представить, чтобы онъ ухаживалъ за мною. Онъ просто компаньонъ моего мужа и мнѣ приходится иногда выѣзжать съ нимъ....

Послѣ аперетива въ Жуанъ Ле Пенъ Жаклинъ попросила Лувета отвезти ее домой. Она рѣшила избѣжать свиданія съ Нордсеномъ, которое обыкновенно назначалось въ этотъ часъ на его виллѣ. Подозрѣнія Лувета оскорбили ее. Онъ догадывался обо всемъ и не уважалъ ее. Роль, которую она играла среди всѣхъ этихъ мужчинъ и которая ей нравилась и даже забавляла ее, показалась ей, вдругъ, пошленькой и низкой.

Она тоскливо смотрѣла сквозь открытое окно автомобиля на опустѣвшій пляжъ, на пустую дорогу, на лицо любовника, мѣдное отъ лучей заходящаго солнца.

“Боже мой, какъ скучно! — подумала она. — И что я только въ немъ нашла... Яхта, жаркій лѣтній вечеръ, нѣсколько лишннихъ стакановъ вина... — вспоминала она. — Онъ былъ необыкновенно веселъ въ тотъ ве-

черъ, забавлялъ всѣхъ остротами, рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ, смѣялся надъ самимъ собою и налъ своими чувствами. Было что-то необыкновенно сильное въ той наглости, съ которой онъ говорилъ о самыхъ святыхъ вещахъ въ жизни... Всѣ флиртовали вокругъ, слышался влюбленный шопотъ, поцѣлуи, нервный и смущенный смѣхъ притаившихся въ темныхъ углахъ парочекъ. Томный воздухъ, застывшая, густая, какъ въ озерѣ, вода и блѣдный свѣтъ фонарей на палубѣ говорили о любви, о тихихъ, лѣнивыхъ, но утонченныхъ ласкахъ.... Теперь, конечно, все кончено съ Николаемъ. Они встрѣтятся и, смѣясь и издѣваясь надо мною, объяснятся и посвятятъ друга друга въ подробности ихъ любви. И, если это даже не случится, я не смогу встрѣтиться съ нимъ. Онъ такъ преданно любилъ меня, такъ вѣрилъ мнѣ, что я не хочу, чтобы все это кончилось такъ пошло.... А Нордсенъ, — съ отчаяніемъ подумала она. — Боже мой, какъ все это гадко, противно.... Я способна абсолютно на все, только бы они никогда не узнали объ этомъ”....

Развѣ она была виновата въ томъ, что произошло? Развѣ она виновата, если она не можетъ жить безъ того, чтобы кто-нибудь не любилъ ее, не восхищался ею, и не заботился о ней. Развѣ удивительно, что ей, молоденькой и избалованной женщинѣ, хочется принарядиться, обладать такими же, если не лучшими драгоценностями и туалетами, какими щеголяютъ другія женщины. Всѣ желанія совмѣстить очень трудно, но почему же не попробовать?

Николай слишкомъ молодъ и неопытенъ. Онъ мямлитъ, мечтаетъ, старается удивить ее самимъ собою, своею не совсѣмъ обыкновенной жизнью, о которой онъ только и говоритъ, но онъ не сумѣлъ ни полностью покорить, ни удержать ее. Мужъ совсѣмъ другое. Она

по своему привязана къ нему. Простота его взглядовъ на жизнь, его разсудительный умъ и безграничный опытъ внушаютъ ей уваженіе. Онъ единственный человѣкъ, который никогда не покинетъ ее. Хотя она и питаетъ большую нѣжность къ своему "крошечному мужчине", какъ называетъ она своего сына, она слишкомъ молода, ей еще слишкомъ хочется жить для себя, чтобы быть хорошей матерью.

Нордсенъ относится къ другой категоріи мужчинъ. Онъ необходимъ ея мужу, онъ источникъ всевозможныхъ радостей и удовольствій, и онъ не особенно мѣшаетъ, и ни въ чемъ ей не препятствуетъ.

Самое большое недоразумѣніе произошло съ Луветомъ. Онъ понравился ей, но привязалась она къ нему только изъ-за того, что онъ не восхищался ею и не вѣрилъ ей, какъ другіе. У женщины, убѣжденной въ своемъ успѣхѣ, это вызывало досаду. Гдѣ бы только она ни появлялась, она становилась предметомъ всеобщаго восхищенія. Стоило ей только взглянуть на человѣка, который ей понравился, какъ онъ терялъ голову подъ взглядомъ ея красивыхъ и наивно восхищенныхъ глазъ. Она не привыкла, чтобы ею пренебрегали, чтобы ее считали легкомысленной и доступной женщиной. Но теперь Луветъ начинаетъ ревновать ее, и она бросить его, какъ только убѣдится, что онъ любитъ ее, какъ другіе.

Жизнь и люди избаловали ее. Она вѣрила въ свое счастье и съ самоувѣренной и самодовольной улыбкой рѣшала, что нужно быть просто умной, нужно думать только о себѣ и необыкновенно легко относиться ко всему. Въ такіе моменты голова кружилась у нея отъ всеобщаго преклоненія и, опьяненная незнаніемъ неудачи и горя, она поневолѣ становилась холодна, эгоистична, жестока и вѣрила въ успѣхъ своихъ самыхъ непро-

стительныхъ желаній. Не только люди, но и сама жизнь должна была во всемъ помогать ей, хорошенькой и очаровательной женщинѣ.

Однажды, больная, въ полусознательномъ состояніи она видѣла ужасный сонъ, который не могла позабыть.

Это былъ очень неясный, болѣзненный сонъ, но безобразное содержаніе его навѣкъ запечатлѣлось въ ея памяти. Она лежала не то въ необыкновенно мягкой, душной кровати, не то въ глубокой и узкой ямѣ. Ей казалось, что она умерла. Она не могла пошевелить ни руками, ни ногами и давящая грудь тяжесть стѣсняла дыханіе. Вдругъ что-то заколыхалось надъ ней, и она почувствовала, что кто-то смотритъ на нее. Въ дикомъ ужасѣ открыла она глаза и увидѣла передъ собою лицо, знакомое по картинкамъ съ раняго дѣтства. Это былъ старикъ съ большой бороδοю и съ маленькими, пронизывающими и умными глазами, какъ на фотографіи у русскаго писателя Толстого. "Неужели я уже предстою передъ Богомъ", — подумала она, инстинктивно принимая наивно восхищенный и безобидный видъ исключительныхъ случаевъ, когда она хотѣла произвести особенно выгодное впечатлѣніе. И о ужасъ... Этому нельзя было повѣрить. Это было абсолютно невозможно, но уже одна безотчетная мысль о возможности этого была соблазнительна, какъ дьявольское навожденіе.... Ей казалось, что почтенный старецъ говорить съ ней совсѣмъ не такъ, какъ подобаетъ его положенію, и смотреть на нее взглядомъ давно примѣченнымъ ею у другихъ, восторгавшихся ею мужчинъ.... И чѣмъ дальше, тѣмъ ужаснѣе чувствовала она себя, но недоступное становилось все болѣе и болѣе достижимымъ. Она безсознательно достигала зенита своего успѣха, своего непростительнаго и мучительнаго счастья.... Это

былъ дѣйствительно ужасный кошмаръ. Какъ могла она даже во снѣ такъ забыться, повѣрить грѣховному видѣнію!

Она вспомнила объ этомъ въ автомобилѣ Лувета, который везъ ее домой. По мѣрѣ приближенія къ Каннамъ настроеніе ея ухудшалось. "Почему я такъ жестоко наказана за простое желаніе имѣть около себя любящаго меня человѣка и окружить его той лаской, на которую я только способна. Почему это самое нормальное побужденіе превратилось въ столь грязную и пошлую исторію?.. Нужно сразу покончить со всѣмъ, — подумала она, взглянувъ на погруженнаго въ управленіе автомобилемъ Лувета. — Черезъ нѣсколько дней пріѣдетъ мужъ и въ его присутствіи, которое всегда благотворно дѣйствуетъ на меня, мнѣ будетъ легче выйти изъ этого запутаннаго положенія, которое, главнымъ образомъ, создалось, благодаря слабости моего характера. Какъ онъ правъ, говоря, что я способна на ужасные поступки, сама этого не желая, не обдумывая моихъ дѣйствій и слишкомъ довѣряясь людямъ. Если бы онъ не слѣдилъ за мною, я могла бы надѣлать Богъ знаетъ что!"

Вечеромъ, сидя у открытаго окна, она писала письмо Николаю. Настольная лампа съ розовымъ абажуромъ освѣщала ея наклоненную голову и спадающую прядь волосъ. Вмѣстѣ съ дуновеніемъ теплаго вѣтра, до ея слуха доносилась какая-то мелодія; злобно и угрожающе жужжалъ прилетѣвшій на свѣтъ комаръ. Маленькая державшая толстое стило рука, пальцы которой уже были слегка запачканы чернилами, набрасывала съ необыкновенной быстротой крупныя каракули на сѣрую съ разводами бумагу. Она чувствовала себя несчастной, оскорбленной и неожиданно растерянной изъ-за внутренняго разногласія. Ей было необходимо обра-

титься къ безумно любящему ее человѣку, способному своимъ высокимъ мнѣніемъ объ ея достоинствахъ воз-
вратить ей прежній покой и душевное равновѣсіе.

“Мой дорогой, — писала она. — Я только что получила твое письмо. Ты скучаешь по мнѣ. Я схожу съ ума при мысли, что не увижу тебя еще цѣлую недѣлю. Я хотѣла позвонить тебѣ сегодня по телефону, но мнѣ отвѣтили, что нужно ждать болѣе двухъ часовъ. За это время ты, навѣрное, уже уйдешь на работу. Ты весь вечеръ и всю ночь будешь танцовать съ красивыми дамами. Эта мысль мучительно преслѣдуетъ меня. Какъ хотѣла бы я знать, что ты дѣлаешь безъ меня и кого ты видишь. Николая, мой дорооогй, я надѣюсь и только и живу этой надеждой, что ты еще любишь меня. Я больше не могу не видѣть тебя. Есть предѣлы всякому терпѣнію. Мои нервы больше не выдержатъ этой разлуки. Дорогой мой, это невысказанно, чтобы я тебя такъ любила, какъ я тебя люблю. Я столько разъ старалась представить себѣ жизнь безъ тебя, и, какой ужасъ, я сознавала, что я живу, думаю, слушаю и отвѣчаю, но только существую, какъ не имѣющее души животное. Меня безумно мучаетъ, что мы видимся съ тобою только урывками и не можемъ посвятить другъ другу всю нашу жизнь. Моментами я забываю, что я связана съ другимъ человѣкомъ, и мнѣ хочется, бросивъ все, поѣхать къ тебѣ... Какъ хотѣла бы я быть увѣренной въ тебѣ, въ твоёмъ чувствѣ. Я не могу примириться съ мыслью, что, можетъ быть, мы когда-нибудь разстанемся и, встрѣтившись, поклонимся и улыбнемся другъ другу, только какъ добрые друзья. Я не буду въ силахъ выдержать твоего равнодушнаго взгляда. Не отходи отъ меня, мой дорогой, что бы ни случилось и чтобы ни рассказали тебѣ про меня злые люди. Они всегда завидуютъ чужому счастью. Мнѣ такъ необходимо, что-

бы ты сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ и чтобы я смогла найти въ твоёмъ взглядѣ ту силу любви, которой особенно въ данный моментъ мнѣ недостаетъ. до скорого, мой дорогой. Если будетъ минуточка, все же напиши мнѣ предъ стѣздомъ. Я хочу знать, какимъ вернешься ты ко мнѣ. Твоя маленькая женщина, которая только и думаетъ о тебѣ.

П. С. Разорви это письмо или пришли его обратно. Мнѣ стыдно. Я слишкомъ открылась тебѣ и наговорила много ненужныхъ вещей, надъ которыми ты, можетъ быть, будешь снисходительно улыбаться”.

Жаклинъ прочла нѣсколько разъ свое письмо и ей стало хорошо. Она сама повѣрила случайнымъ словамъ, продиктованнымъ настроеніемъ, и попрежнему любила Николая. “Цѣловать его тонкія губы, — думала она, прислушиваясь къ ускоренному біенію своего сердца и вдыхая полной грудью влажный и теплый воздухъ лѣтней ночи. — Запустить руки въ его мягкіе волосы и безъ конца смотрѣть въ его грустные и безпокойные глаза....” Она потушила электричество и, всматриваясь въ темноту, скрестившихся передъ самымъ окномъ вѣтвей высокихъ пальмъ, рѣшила не отвѣчать на условный гудокъ автомобиля Лувета.

XI.

На слѣдующій день Лувету удалось уговорить Жаклинъ поѣхать съ нимъ на автомобильныя гонки, которыя устраивались на опасной съ крутыми и рѣзкими поворотами дорогъ около Антибъ.

Публика начала собираться съ ранняго утра. Дорога была переполнена автомобилистами, которые медленно продвигались другъ за другомъ, непрерывно

останавливаясь и трогаясь вновь. Было жарко и душно отъ палящихъ лучей солнца, отъ перегрѣтыхъ моторовъ и синеватаго дыма бензина.

Несмотря на то, что они пріѣхали довольно рано, трибуны были уже переполнены и вокругъ на травѣ и въ особенности около опасныхъ поворотовъ толпился народъ. Задержанныя ими мѣста находились въ самомъ центрѣ, откуда открывался видъ почти что на всю приготовленную для гонокъ дорогу. Передъ трибунами носились уже уставшіе и вспотѣвшіе журналисты, со сдвинутыми на затылокъ шляпами и съ фотографическими аппаратами въ рукахъ, взволнованные и чрезвычайно серьезные механики и одѣтые съ претензіей на большую элегантность устроители гонокъ.

Въ спортивномъ состязаніи участвовало десять гонщиковъ. Интересъ представляли только трое: чемпионъ Италіи на "Ланчіа", чемпионъ Франціи на "Бюгатти" и молодой любитель Роберъ Хенъ, тоже на "Бюгатти".

Роберу Хену было всего двадцать три года. Его родители были чрезвычайно богаты и страшно баловали своего единственнаго сына, часто уступая его не всегда безопаснымъ капризамъ. Молодой человѣкъ славился, какъ исключительный спортсменъ; онъ въ особенности увлекался автомобильными гонками. Луветь, его лучший пріятель, пріѣхалъ на состязаніе, главнымъ образомъ, изъ-за него.

Онъ провелъ Жаклинъ къ мѣсту, гдѣ собрались всѣ гонщики, въ послѣдній разъ провѣряя моторы и совѣтуясь съ механиками. Среди всѣхъ этихъ взволнованныхъ людей Луветь указалъ Жаклинъ на Робера и представилъ его ей. Ее поразила его наружность. Передъ ней стоялъ высокій, крѣпкій и пышущій здоровьемъ молодой человѣкъ въ бѣлой, обтягивающей его мощное

тѣло одеждѣ, съ растрепанными и мокрыми отъ пота волосами и ровно загорѣлымъ, обвѣтреннымъ лицомъ. Онъ весело и бодро пожалъ ей руку и съ большимъ вниманіемъ взглянулъ на нее своими свѣтлыми, большими глазами. Въ его взглядѣ отсутствовала глубина или утонченность мысли, но въ немъ было столько энергии, здоровья и безграничнаго довольства жизнью, что она долго любовалась имъ. Его полныя и капризныя губы и прямой немного сжатый у ноздрей носъ придавали его лицу что-то дѣтское и смѣшное. Въ его походкѣ и движеніяхъ проскальзывала застѣнчивость не совсѣмъ зрѣлаго и сформировавшагося человѣка.

— Не плохъ, — насильно улыбнулся Луветь, замѣчая, что Жаклинъ съ большимъ вниманіемъ разсматриваетъ его пріятеля. — Всего двадцать три года — старался шутить онъ, — свѣжъ и наивенъ.. Большой успѣхъ у женщинъ... Вотъ видите, какъ интересно выходитъ со мною, хотя бы даже и не изъ-за моихъ личныхъ достоинствъ, а изъ-за пріятелей, которыхъ я могу представить....

— Перестаньте, Мишель, — смутилась Жаклинъ. Онъ ужасный болтунъ, вашъ другъ, — обратилась она къ Роберу.

— Не обращайтесь на него никакого вниманія. Онъ молодецъ, и мы всѣ его очень любимъ. — отвѣчала Роберъ, похлопывая по плечу Мишеля.

— Ты какимъ придешь? Смотри не оскандалься! Я на тебя поставилъ сто франковъ.

— Къ несчастью, я никакъ не могу тебѣ отвѣтить на этотъ вопросъ.... Я хорошо подготовленъ, однако, въ этихъ гонкахъ участвуютъ извѣстные чемпионы... — проговорилъ Роберъ, и на его лицѣ опять отразилось волненіе и чрезвычайная серьезность.

Къ нему подошелъ механикъ и отозвалъ его въ сторону.

— Мы зайдемъ послѣ гонокъ, — сказалъ Луветь, отводя отъ него Жаклинъ.

— Одну секунду, — окликнулъ Роберъ Лувета: — Какая прелесть! Кто она такая?... — указалъ онъ кивкомъ головы на удалявшуюся Жаклинъ.

— Замужняя дама, — процѣдилъ сквозь зубы Луветь, опуская глаза.

— Счастливецъ! — съ наивнымъ восхищеніемъ воскликнулъ Роберъ, все еще не отрывая своего взгляда отъ Жаклинъ.

— Можешь поухаживать, — усмѣхнулся Луветь. Ты знаешь, что для меня друзья всегда на первомъ мѣстѣ. Женщины не настолько интересуютъ меня, чтобы я поссорился изъ-за какой-либо изъ нихъ съ моимъ пріятелемъ.... — нахмурился онъ, нервно подергивая носомъ и раздраженно поправляя свой воротникъ. — Потомъ, я же ухаживаю за нею такъ, только изъ-за баловства, отъ нечего дѣлать....

Какъ только они вернулись на свои мѣста, вся публика вскочила на стулья. Внизу дико загудѣли рѣзкими взрывами становившіеся по жребію въ очередь автомобили. Роберъ Хенъ находился во второмъ ряду. Его взволнованное лицо выражало тревогу и безграничную рѣшимость. Казалось, что сейчасъ для него не существовало ничего, кромѣ шумящаго подъ ногами мотора и посыпанной мелкимъ щебнемъ дороги. Сколько строгости, желанія бороться и достигнуть легкой цѣли свѣтилось въ его глазахъ!..

Раздался сигнальный выстрѣлъ, поднялся адскій шумъ моторовъ, отъ котораго что-то пріятное и захватывающе сильное поднялось жаркой волной въ груди у зрителя, и рванулись впередъ автомобили, поднимая

облака дыма и бросая изъ-подъ шинъ струю камней и песка.

Жаклинъ ничего не могла понять въ первый моментъ, настолько въ ея глазахъ перепутались всѣ эти желтые, голубые и бѣлые автомобили. Скрипъ тормозовъ на поворотахъ, завываніе моторовъ, рукоплесканія и восторженные крики толпы смѣшались во что-то до жути пріятное и дикое.

Черезъ нѣсколько секундъ передъ зрителями пронесся впереди всѣхъ закончившій свой первый кругъ голубой Бюгатти. Чемпионъ Франціи велъ гонки. Онъ сумѣлъ вырваться изъ рвущейся массы автомобилей и, шутя, къ ея неописуемому восторгу, съ толпою, ускорялъ ходъ своей машины. Роберъ былъ только шестымъ.

Положеніе не измѣнилось въ теченіе первыхъ восемнадцати круговъ, и гонки становились скучными. Чемпионъ Франціи оставался первымъ, чемпионъ Италіи вторымъ и Роберъ Хенъ шелъ то четвертымъ, то пятымъ. Жаклинъ и Луветь волновались за своего друга до нервной боли въ желудкѣ и груди, несмотря на то, что онъ и безъ того скользилъ на каждомъ крутомъ поворотѣ и доходилъ до невѣроятной скорости на прямой линіи.

Вдругъ, на двадцатомъ кругѣ автомобиль чемпиона Италіи скользнулъ на поворотѣ, закружился волчкомъ и со всего размаху ударился о нагроможденные мѣшки съ пескомъ.... Толпа ахнула, заколыхалась, и многіе побѣжали къ мѣсту катастрофы.... Жаклинъ закрыла глаза и схватила Мишеля за руку. Что-то оборвалось въ ея груди, и ей представилось изуродованное тѣло несчастнаго гонщика съ пробитымъ и политымъ горячимъ, чернымъ масломъ черепомъ и обожженнымъ лицомъ.... Однако, вскорѣ, крикливый рупоръ изъ официальной будки успокоилъ толпу на счетъ чемпиона

Итали́н, который былъ только слегка раненъ въ лѣвую руку и, изуродовавъ свой автомобиль, не могъ продолжать состязанія.

Черезъ нѣсколько минутъ въ толпѣ произошло большое движеніе.

— Нашъ Робертъ, — объявилъ Луветь, — начинать перегонять своихъ соперниковъ.

Онъ былъ уже третьимъ. Его автомобиль съ необыкновенной быстротою пронесся мимо главныхъ трибунъ. Жаклинъ хотѣла въ бинокль уловить выраженіе лица Робера, но оно было настолько черно отъ пыли и масла, что только по упрямо наклоненной головѣ и крѣпко стиснутымъ челюстямъ она могла догадаться, что онъ еще полонъ энергіи и силы.

Съ этого момента гонки приняли особенно интересный характеръ. Робертъ сталъ скоро вторымъ и между нимъ и чемпиономъ Франціи началась самая ожесточенная борьба. Они оба, какъ сумасшедшіе, потерявшіе всякое понятіе о развиваемой ими скорости, врывались въ повороты, скользили, выпрямлялись, треща моторами, и разгонялись вновь. Порою казалось, что когда Робертъ особенно близко настигалъ чемпиона, онъ становился, вопреки правиламъ, по срединѣ дороги, чтобы не пропустить соперника.

На сорокъ пятомъ кругѣ подъ громъ рукоплесканій Робертъ Хенъ обогналъ чемпиона Франціи. Въ трибунахъ вскочили на стулья, раскраснѣвшіеся отъ волненія, съ блестящими отъ восторга глазами дамы, забывъ всѣ правила приличія и кокетства, махали платками, шляпами, показывая съ возвышенія черезчуръ обнажившіеся ножки. Вокругъ дороги, на травѣ задвигались, заколыхались головы и слышался ропотъ недоумѣнія. Любимецъ толпы былъ неожиданно побѣжденъ молодымъ и богатымъ спортсменомъ. Догонить-ли онъ его?

Чемпіонъ совсѣмъ растерялся. Онъ сталъ ѣхать неровно, то разгонялся, то рѣзко тормозилъ и съ каждой минутой отставалъ отъ не терявшаго хладнокровія Робера. Жаклинъ до боли вбивалась ногтями въ свою руку, ничего не видя, кромѣ борьбы этихъ двухъ покрытыхъ пылью и обрызганныхъ чернымъ масломъ автомобилей, она превратилась вся въ сплошное желаніе, въ какую-то силу, которая должна была подгонять и охранять машину ея новаго друга.

Гонщикамъ оставалось покрыть послѣдній кругъ. Подъ шумъ волнующейся толпы они приближались къ назначенной цѣли. Роберъ первый пронесся передъ какимъ-то толстымъ человѣкомъ съ поднятымъ флагомъ въ рукѣ и собравшимися журналистами и фотографами, которые побѣжали за замедляющей ходъ машиной. Скудный и однообразный голосъ въ рупоръ сообщалъ народу результаты и подробности законченныхъ гонокъ.

Жаклинъ и Луветъ поспѣшили поздравить своего пріятеля. Они нашли его среди толпы спортивныхъ поклонниковъ. Несмотря на видимую усталость, онъ былъ необыкновенно оживленъ, веселъ и отвѣчалъ на одобрительные кивки и восклицанія окружавшихъ его людей сіяющей улыбкой. Его загорѣлое, обвѣтренное и запыленное лицо казалось бронзовымъ.

“Какъ онъ красивъ, — подумала Жаклинъ, не отрывая отъ него своихъ глазъ.

Вскорѣ всѣ его пріятели и знакомые собрались около него. Всѣ были искренно обрадованы его побѣдой. Его знали, какъ богатаго молодого человѣка, исключительнаго спортсмена и весельчака, всегда способнаго на забавное похождение. Пока Роберъ разговаривалъ съ Жаклинъ, Луветъ отвѣчалъ на всевозможные вопросы, которые сыпались со всѣхъ сторонъ, какъ будто онъ самъ участвовалъ и выигралъ состязаніе.

Роберу хотѣлось веселиться, несмотря на то, что моментами его большіе глаза закрывались отъ усталости и пылающее отъ загара и вѣтра лицо выражало крайнее утомленіе.

— Вы, конечно, будете продолжать. Какія гонки предстоятъ вамъ.... — разсѣянно спрашивала Жаклинъ, уже больше ничего не видя, кромѣ его сухихъ, потрескавшихся губъ, бѣлыхъ зубовъ и мускулистой шеи.

— О, да, конечно... — отвѣчалъ онъ. — Теперь я хочу попасть зимою на гонки въ Монте-Карло.... Однако, — задумался онъ, — тамъ совсѣмъ другое.... Для этихъ гонокъ я еще не готовъ. Въ нихъ участвуютъ знаменитые гонщики, чемпионы міра. Если мнѣ удастся придти третьимъ или даже четвертымъ, я буду страшно доволенъ.... Но я также увлекаюсь авіаціей, — гордо улыбнулся онъ, — и собираюсь купить себѣ аэропланъ, если мои родители не будутъ противъ.... Думаю, что они смирятся и съ этой идеей. Прежде они боялись и автомобильныхъ гонокъ.... Вы никогда не поднимались на аэропланъ? Это самое большое наслажденіе въ жизни. Вы летите гдѣ-то далеко надъ землею, въ пространствѣ, ближе къ небу, чѣмъ къ землѣ... Понимаете?.. Вы далеки отъ всего, вы боретесь съ природной стихіей и вы сами съ вашимъ моторомъ какая-то сила, — воодушевленно закончилъ онъ, надувая грудь и сжимая кулаки, какъ бы желая изобразить эту силу.

— Я понимаю. Вы очень хорошо это высказали. Это должно быть очень пріятно.... Однако, — насмѣшливо и ласково улыбнулась она, — я хотѣла бы знать, что, кромѣ спорта, интересуеть васъ?

— Вы хотите сегодня пообѣдать со мною? — отвѣтилъ онъ ей и смутился.

Жакъ Мирандъ сидѣлъ съ женою на пляжѣ. Стояла невыносимая жара. Солнце казалось какимъ-то раскаленнымъ, то необыкновенно свѣтлымъ, то темнымъ шаромъ. Золотистый, переливающийся безчисленными огоньками песокъ, темно-синее море и разноцвѣтный холстъ кабинокъ становились призрачными, нереальными....

Мирандъ, уткнувшись головою въ мохнатое полотенце, съ наслажденіемъ отдавался горячимъ лучамъ солнца и вдыхалъ запахъ своего нагрѣтаго тѣла. Онъ облизывалъ сухія губы, на которыя изъ-подъ растрепанныхъ волосъ по обожженнымъ, краснымъ щекамъ текли теплыя капли пота. Ему было лѣнь произвести малѣйшее движеніе, промолвить слово и о чемъ-нибудь задуматься. "Какъ хорошо, — подумалъ онъ, еще глубже пряча голову въ полотенце. — Кажется всю жизнь остался бы такъ лежать..." Онъ сталъ медленно загребать горячій песокъ своими короткими, но сильными руками. Ему было пріятно цѣликомъ отдаться охватившей его лѣни, но онъ, какъ никогда, чувствовалъ себя и физически, и духовно сильнымъ и крѣпкимъ. Онъ зналъ, какъ необходимъ ему былъ, хотя бы на нѣсколько дней, абсолютный покой при той нервной, безпокойной жизни, которую онъ велъ. Голова становилась легкой, мысли прояснялись, и самыя сложныя дѣла не волновали и разрѣшались сами по себѣ.

— Я очень рада, мой дорогой, что ты пріѣхалъ, — проговорила лежавшая съ нимъ рядомъ Жаклинъ. — Тебѣ давно нужно было отдохнуть....

— Что? Въ чемъ дѣло?.. — встрепенулся Мирандъ, подымая голову и ничего не различая вокругъ себя. Ты о чемъ тамъ говоришь?

— Я говорю, я очень рада, что ты приѣхалъ. Дѣла — дѣлами, а тебѣ необходимо отдохнуть.

— Конечно, конечно, — небрежно проговорилъ онъ, нахмурившись, — однако, пока что все идетъ очень плохо, и я серьезно волнуюсь.... Нордсенъ до сихъ поръ не входитъ со мною въ компанію. Онъ ничего не говорилъ тебѣ объ этомъ?.. Ты попрежнему часто видишься съ нимъ? — спросилъ онъ, отворачиваясь и сморщившись, какъ будто лучи солнца чрезвычайно безпокоили его.

— Да, какъ всегда... Онъ часто приглашаетъ меня и моихъ друзей.

— Да, между прочимъ, я хотѣлъ предупредить тебя, чтобы ты немного сократилась, такъ какъ въ данный моментъ мнѣ очень тяжелы всякіе лишніе расходы....

— Это настолько серьезно? — спросила Жаклинъ, внимательно, пытливо смотря на него.

— Да.... — задумчиво протянулъ онъ, — но ты не волнуйся.... я выкручусь. У меня есть новые планы. Однако, милая моя, — усмѣхнулся онъ, — если ты попрежнему думаешь развестись со мною, то предупреждаю тебя, что не можешь выбрать лучшаго момента. Я охотно...., — онъ опять нахмурился, — дамъ тебѣ разводъ.... Терпѣть не могу, чтобы люди приносили для меня какія-то жертвы. Ты у меня избалованная женщина и тебѣ необходима большая роскошь.

— Почему ты говоришь глупости? — проговорила не особенно воодушевленно Жаклинъ, подвигаясь къ нему.

Вдругъ, его лицо просіяло и взоръ его устремился въ направленіи кабинокъ. Къ нему бѣжалъ толстенькій, пухленькій ребенокъ — его сынъ. Это былъ очень хо-

рошенькій мальчикъ съ большими, черными, какъ у матери, глазами и свѣтло золотистыми кудрями. Онъ бодро сѣменилъ упругими ножками и безпрестанно стряхивалъ рученками прилипшій къ его черному отъ загара тѣльцу назойливый песокъ. За нимъ еле поспѣвала старая, отяжелѣвшая бонна.

— Онъ чудно выглядитъ! — улыбнулся Мирандъ, вставая ему навстрѣчу.

Онъ сталъ цѣловать его, неуклюже трепать, какъ маленькаго щенка, но, смутившись своей неловкости, ласково оттолкнулъ отъ себя. Онъ вдругъ ужаснулся охватывавшаго его порою отвращенія къ жизни, нежеланія бороться и работать. Сердце больно сжалось при мысли, что это можетъ опять повториться. Онъ понялъ, для кого онъ долженъ былъ жить.

Какъ только бонна отвела отъ нихъ ребенка, ссылаясь на поздній часъ для завтрака, Жаклинъ возобновила прежній разговоръ.

— Бросимъ, — отвѣчалъ Мирандъ, — пока еще все не такъ трагично!.. Пока у меня есть цѣль, — указалъ онъ кивкомъ головы на удаляющагося ребенка, — возбуждающая мою энергію, все поправимо... Потомъ, — улыбнулся онъ, потрепавъ ее по плечу, — мы только временно просимъ васъ сократиться.... Расскажи мнѣ лучше, какъ ты проводишь время? Собрались ли здѣсь всѣ твои милыя подружки и вѣрные поклонники?

— Какіе поклонники? — разсмѣялась она. — Здѣсь Луветь, котораго ты знаешь и находишь забавнымъ.

— Попрежнему рассказываетъ небылицы въ лицахъ? — улыбнулся онъ. — Однако, онъ, кажется, мальчикъ изъ хорошей, богатой семьи и можетъ быть полезнымъ....

— Надѣюсь, что не своей фантазіей! — пошутила Жаклинъ, испугавшись, что мужъ начнетъ приглашать переставшаго интересоваться ее Лувета.

— Я все же предпочитаю его, — нахмурился онъ, — вашему русскому танцору. Надѣюсь, что на этотъ разъ я не увижу васъ въ его обществѣ... Вы знаете, моему терпѣнію есть предѣлы! — окончательно разсердился онъ, вставая. — Веселитесь!.. — Онъ поморщился: — я буду очень занятъ всѣ эти дни. Мнѣ придется выѣзжать съ одной дамой, которая мнѣ можетъ быть очень полезна своими связями.

— Госпожа Давика? — усмѣхнулась Жаклинъ.

— Ты ее знаешь? — закусилъ онъ губу.

— А развѣ не съ нею ты пріѣхалъ изъ Парижа? Поздравляю, очень хорошенькая!

— Что за глупости!.. Да, между прочимъ, ты обѣдаешь сегодня со мною и Нордсеномъ... Я совсѣмъ забылъ тебя предупредить.

“Онъ необыкновенно пріятенъ въ этотъ пріѣздъ, — подумала Жаклинъ. — Это въ первый разъ за три дня, что онъ взялъ меня съ собою на пляжъ и задержалъ на обѣдъ... Надѣюсь, что онъ не тратитъ на нее много денегъ... Нѣтъ, — мысленно улыбнулась она, — это на него такъ мало похоже, и женщины любятъ его..”

Вечеромъ они обѣдали на терасѣ казино въ Жуанъ Ле Пенъ. Подъ звуки джазъ банда попрежнему въ пижамахъ крутились танцующія пары. Было жарко, и съ застывшаго моря не шло ни малѣйшаго дуновенія.

Мирандъ безпрестанно вскакивалъ изъ за стола и шелъ въ игорный залъ, гдѣ Давика играла въ баккара. Онъ тихонько подходилъ къ ней, не желая отвлекать ее отъ игры, и только изрѣдка, наклоняясь, шепталъ ей что то на ухо. Уходя, онъ съ озабоченнымъ лицомъ, порыв-

шись въ карманѣ, швырялъ ей на столъ горсть стофранковыхъ жетоновъ.

Въ отсутствіи мужа Нордсенъ продолжалъ начатый съ Жаклинъ разговоръ. Онъ казался взволнованнымъ, и его лицо покрылось красными пятнами. Правая рука, въ которой онъ держалъ стаканъ шампанскаго, слегка дрожала, другую онъ безпрестанно подносилъ ко рту, закрывая свои толстыя, чувственные губы и вставные зубы отъ взгляда постороннихъ. Только его небольшіе, умные глаза блестѣли хитрымъ огонькомъ и выражали непоколебимое спокойствіе.

— Жаклинъ, — говорилъ онъ, — вы не можете оставаться съ этимъ человѣкомъ послѣ того, что вы мнѣ рассказали! Онъ безумный эгоистъ и тиранъ! У васъ золотое сердце, если вы можете такъ волноваться о немъ и заботиться объ его дѣлахъ. Я не хочу входить съ нимъ въ компанію. Если я и предполагалъ это сдѣлать, то только ради васъ. Я не могу допустить, чтобы вы такъ страдали! Вы должны потребовать развода... Вѣдь вы не разъ объ этомъ говорили, у васъ всѣ доказательства, что онъ измѣняетъ вамъ на каждомъ шагу... Вотъ даже теперь, — поморщился онъ, — съ этой госпожей... Давика? Я не могу представить себѣ, какъ вы могли выдержать пять лѣтъ такого замужества.

— Да, моя жизнь была не изъ легкихъ! — вздохнула Жаклинъ, смотря вдаль. — Однако, онъ, видите ли, любитъ меня по своему, и теперь, когда его дѣла такъ плохи, если онъ потеряетъ меня, то совсѣмъ разстроится и погибнетъ.

— Но, Жаклинъ, — взволновался Нордсенъ, еще сильнѣе покраснѣвъ и запыхавшись, — я не отказываюсь немного помочь ему... Но вы должны думать только о себѣ. Вы еще такъ молоды; у васъ вся жизнь

впереді... Разрѣшите мнѣ заняться вами. Во первыхъ, я вамъ дамъ первокласснаго адвоката, во вторыхъ, я постараюсь устроить вамъ очень пріятную жизнь. Маленькій особнячокъ въ Парижѣ около Булонскаго лѣса... Утромъ вы сможете прогуливаться съ вашимъ сыномъ на автомобиль или ѣздить верхомъ... Вы любите лошадей? У васъ, навѣрное, будетъ въ особнякѣ конюшня и вы сможете купить нѣсколько чистокровныхъ лошадей... Съ вашимъ красивымъ лицомъ вы должны попробовать кинематографическую карьеру. Что вы скажете — стать всего черезъ годъ извѣстной артисткой? Я не буду беспокоить васъ болѣе, чѣмъ теперь. Я, — усмѣхнулся онъ, — человѣкъ занятой, пожилой, а, главное, я знаю себѣ цѣну и всегда уважаю свободу молоденькой женщины.

Нордсенъ измѣнилъ свои планы насчетъ Жаклинъ. Ему не нравилось вмѣшательство ея мужа въ ихъ отношенія. Онъ чувствовалъ себя смѣшнымъ, повсюду слѣдуя за нею, какъ молодой любовникъ. Нужно было устроить жизнь удобнѣе, разъ не глупая и расчетливая Жаклинъ ему давала эту возможность.

Неподалеку, за отдѣльнымъ столомъ сидѣлъ Роберъ, не спуская съ Жаклинъ влюбленнаго и ревниваго взгляда и дѣлалъ ей знаки, спрашивая, можетъ ли онъ пригласить ее на танецъ. Она, улыбаясь одними глазами, слегка кивала ему головою.

Возвращаясь изъ залы баккара и осматривая спокойными глазами терассу, Мирандъ находилъ Жаклинъ, то танцующей въ объятіяхъ неуклюжаго и раскачивающагося Нордсена, то съ необыкновенной легкостью скользящей по паркету съ Роберомъ.

“Пусть, пусть веселится, — думалъ онъ. — Однако, хотѣлъ бы я посмотреть, какъ кто нибудь рѣшился бы отнять ее у меня!..”

ХІІІ.

У боковой двери ресторана, которая вела въ предназначенную для артистовъ комнату и въ кабинетъ директора, собрались танцоры. Они напоминали школьничковъ, которые укрылись отъ взора начальства, чтобы поболтать и покурить. На улицѣ было тепло. Черезъ открытую дверь тонкою струею шелъ запахъ сирени, нагрѣтой за день зелени. Наступило лѣто и ресторанъ опустѣлъ. Оставалось нѣсколько дней до его закрытія. Работы стало меньше и танцоры могли позволить себѣ роскошь, покинуть залъ на нѣсколько минутъ. Въ сезонъ ихъ отсутствіе преслѣдовалось съ большою строгостью. Они были обязаны не пропускать ни одного танца и должны были танцевать со своими партнершами, если ихъ кліентки отсутствовали. За порядкомъ очень строго слѣдилъ главный метръ д'отель, который всею душою презиралъ танцоровъ. Онъ завидовалъ большой выгодѣ ихъ специальности, не требующей, по его словамъ, никакой подготовки и являющейся скорѣе удовольствіемъ, чѣмъ работою.

— Нѣтъ, это сплошное безобразіе! — возмущался одинъ изъ танцоровъ, невысокаго роста, съ добродушнымъ, испытнымъ лицомъ брюнетъ, напоминающій студента, неокончившаго курса образованія. — Зачѣмъ ты полѣзъ къ моему столу?.. Ты же прекрасно видѣлъ, что они пришли съ моими кліентами. Госпожа В. въ прошлый разъ сказала мнѣ, что она специально приведетъ ихъ, чтобы я давалъ имъ уроки... Почему въ нашемъ ремеслѣ мы больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ, стараемся ѡбходить правила?..

— Честное слово, нечаянно... Не замѣтилъ, что они были съ твоими! — отвѣчалъ со смѣхомъ другой, обнимая его своими огромными, длинными и неуклюжи-

ми руками. -- Ну, не сердись! -- продолжалъ онъ. — Я подѣлюсь съ тобою заработкомъ.

— При чемъ здѣсь дѣлиться? Ты долженъ мнѣ все отдать! Это мои кліенты! --- продолжалъ возмущаться первый.

-- Не будь жестокимъ, — вдругъ обидѣлся второй и отошелъ отъ него. — Ты знаешь, что я нахожусь въ ужасномъ положеніи, — занылъ онъ. — У меня не оплаченъ отель уже цѣлый мѣсяцъ... Я даже сегодня не обѣдалъ, --- проговорилъ онъ и его лицо приняло чрезвычайно серьезное, почти трагичное выраженіе. -- Развѣ я тебѣ не давалъ танцовать съ моими дамами?.. Еще на прошлой недѣли ты заработалъ, благодаря меня, сто франковъ за столомъ у барона... Какіе же вы друзья, коли не хотите помочь мнѣ въ такомъ тяжеломъ положеніи. Я больше не могу. Эта собачья жизнь мнѣ надоѣла. Я, честное слово, застрѣлюсь!.. — сказалъ онъ, жутко посмотрѣвъ на него прозрачными, выпуклыми, близорукими глазами и схватившись за голову трясущимися руками.

Эта сцена никого не тронула, такъ какъ онъ слылъ за великолѣпнаго комедіанта. Каждый разъ, какъ между нимъ и однимъ изъ его пріятелей поднимался споръ о деньгахъ или ему было необходимо занять у кого нибудь довольно крупную сумму, онъ съ необыкновеннымъ умѣніемъ разыгрывалъ только что происшедшую сцену.

Онъ былъ страшно худъ, чрезмѣрно высокъ и некрасивъ. Его большая голова держалась на тонкой шеѣ и его лицо уродовалъ огромный носъ съ необыкновенно большими, выдающимися ноздрями. Онъ такъ мало походилъ на элегантнаго танцора, что было странно, какъ онъ рѣшился выступить въ этой роли.

Брюнетъ, взглянувъ на кривляющагося пріятеля, въ негодованіи плюнулъ и ушелъ. Какъ только за нимъ за-

хлопнулась дверь, тотъ сейчасъ же успокоился и съ глупой улыбкой подошелъ къ другому танцору, который, прислонившись къ стѣнѣ, небрежно курилъ папиросу и, усмѣхаясь, слѣдилъ за разыгравшейся сценою. Онъ былъ средняго роста блондинъ, съ красивыми, энергичными глазами, выражающими чрезвычайное переутомленіе и полное безразличіе ко всему, и благородными, холенными руками. На его рукѣ блестѣло бриллиантовое кольцо, переливаясь въ темнотѣ яркими огоньками.

— Видишь, какой скандалъ устроилъ, — обратился высокій танцоръ къ нему. — Постыдился бы, изъ за такой ерунды!.. Я всегда дѣлюсь всѣмъ съ моими друзьями... Теперь дѣла мои плохи. Уже нѣсколько дней ничего не зарабатываю... Позволь мнѣ потанцевать съ одной изъ твоихъ дамъ? — заискивающе улыбнулся онъ, хватая того за руку. — Твоя постоянная кліентка, — усмѣхнулся онъ, — тебѣ столько платить, что съ другими ты танцуешь только ради забавы...

— Убирайся къ чорту! — крикнулъ красивый блондинъ, отстраняя его. — Что за манера всѣмъ надѣдать!

— Ну, пообѣщай хоть устроить на лѣто! Я знаю, что у тебя есть хорошее мѣсто... и знаю, какая дама тебя на него устроила, — не унимался онъ, заливаясь лошадинымъ смѣхомъ и начиная прыгать вокругъ блондина.

Въ это время вошелъ Николай въ сопровожденіи самаго пожилого танцора ресторана. Послѣднему было лѣтъ подъ сорокъ. Онъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ остальныхъ танцоровъ и никогда не вступалъ съ ними въ продолжительный разговоръ. Наружностью онъ напоминалъ тѣ характерныя лица, которыхъ можно встрѣтить въ любомъ игорномъ притонѣ. Одѣвался онъ очень

хорошо, прїѣзжалъ на службу на своемъ автомобилѣ и никогда не ссорился съ прїятелями, если кто нибудь отбивалъ у него кліентку. Никто не видѣлъ его въ обществѣ дамы, которая содержала бы его, и многіе подозрѣвали, что онъ торгуетъ кокаиномъ. Однако, какъ ни слѣдили за нимъ его любопытные коллеги, они не замѣчали, чтобы онъ поставлялъ свой "товаръ" кому нибудь изъ посѣтителей ресторана.

Онъ, какъ всегда, отошелъ въ сторону отъ собравшейся группы танцоровъ и, наблюдая за ними своими маленькими, хитрыми глазами, сталъ усиленно вытирать вспотѣвшую лысину.

Николай, страшно довольный хорошимъ заработкомъ, скорымъ закрытіемъ ресторана и приближающейся поѣздкой на югъ къ Жаклинъ, пригласилъ всѣхъ закусить въ кафе по окончаніи службы. Предложеніе было принято съ большою радостью всѣми, кромѣ красиваго и надменнаго блондина и подозрительнаго танцора.

Николай страшно усталъ. Онъ обтанцовывалъ въ этотъ вечеръ трехъ дамъ. Одна изъ нихъ была очень полная американка, которая требовала, чтобы онъ танцевалъ съ нею черезъ каждый танецъ. Она, положивъ ему свою мясистую, съ розовато бѣлою, отвислою кожею руку на плечо, молчаливо танцевала, тяжело дыша и смотря въ потолокъ. За весь вечеръ Николаю не удалось вырвать отъ нее ни одного слова. На его вопросы она отвѣчала непонятнымъ ему мычаніемъ и начинала подталкивать его, какъ бы боясь, что онъ нарушитъ разговоромъ скорость танца. Танцевала она, навѣрное, чтобы похудѣть. Николай отходилъ отъ нее съ онѣмѣвшими руками, разставленными отъ усталости ногами, потный и красный. Съ другой дамой, посѣщавшей почти ежедневно ресторанъ, онъ могъ танцевать небрежно. Она, главнымъ образомъ, танцевала съ нимъ, чтобы

узнать всевозможныя сплетни, касающіяся не только по-сѣтителей этого заведенія, но и танцоровъ. Третья дама была очаровательная, веселая и молодая женщина. Ее сопровождалъ толстый и пожилой господинъ, который не рѣшился выступить съ нею въ танцъ и предпочелъ замѣнить себя профессионаломъ. Николай бойко кружился съ нею по залу и былъ готовъ скорѣе заплатить ей за доставленное ему удовольствіе, чѣмъ взять отъ нея вознагражденіе.

Было два часа ночи и публика начинала расходиться. Танцоры собрались около выхода залы, поджидая дамъ, чтобы получить отъ нихъ вознагражденіе Кредитные билеты, смятые въ комокъ или тщательно сложенные, незамѣтно передавались имъ черезъ рукопожатіе. Танцоръ, получивъ деньги, сжималъ ихъ въ кулакъ и привычнымъ движеніемъ быстро пряталъ ихъ по разнымъ карманамъ, чтобы знать сколько дала ему та или другая кліентка. Другіе съ завистью слѣдили за получками коллеги. То, что имъ платили потихоньку и что вознагражденіе было, вообще, не обязательно, особенно подчеркивало странность этой профессіи.

Николаю все это было чрезвычайно противно и онъ сознавалъ, что у него не хватитъ силы характера перемѣнить эту жизнь, лишиться сравнительно легкаго и большого заработка. Однако мысль о Жаклинъ подбадривала его. Обладать столь недоступной для него при его положеніи женщиной и быть любимымъ ею большая роскошь. На него обратили вниманіе, его замѣтили и оцѣнили. Онъ искалъ этой любви всѣми покинутый, мучительно сомнѣваясь въ себѣ и страдая изъ за своего мучительнаго одиночества, чтобы услышать нѣсколько одобряющихъ и возвышающихъ словъ. Онъ не имѣлъ успѣха у женщинъ. Онъ подходилъ къ нимъ слишкомъ осторожно, напряженно и не простымъ и рав-

нымъ имъ, а болѣзненно сложнымъ, благодаря ряду разочарованій. Съ Жаклинъ все вышло само собою. Онъ полюбилъ ее за ея искренній порывъ и кажущееся превосходство, передъ которымъ онъ должнъ былъ стушеваться. Но неужели онъ любилъ ее только за украшенія, за окружающую ее обстановку, за похвалы друзей, за то, что возвышало его въ своихъ собственныхъ глазахъ — за себя? Или онъ любилъ ее, захваченный новымъ, по необходимости любить, нарушить томящій душу покой и однообразіе, встряхнуть пережитымъ и пополнить недостающее ему въ жизни неиспытаннымъ? Неужели она не была той незнакомкой, которую онъ съ трепетомъ ждалъ всю жизнь? Однако, какова бы ни была его любовь, теперь уже было поздно, жизнь безъ нее стала невозможной.

XIV.

Николай тяжело бросился въ глубокое кресло и закурилъ папиросу. Онъ сильно похудѣлъ, и его тонкое лицо еще болѣе вытянулось и поблѣднѣло. Сдвинутыя брови, морщинки на лбу и возбужденные и блестящіе глаза выдавали его волненіе. Онъ плохо соображалъ, что дѣлалось вокругъ него, и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на людей, толпившихся около игорныхъ столовъ, ни на музыку, которая доносилась съ террасы казино. Эта обыденная картина до безумія надоѣла ему. Направо отъ него за столомъ сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ толстый, красный и взволнованный господинъ, который всегда особенно весело улыбался при выигрышѣ и до смѣшного разстраивался при проигрышѣ. Рядомъ съ нимъ расположилась старая американка, съ некрасивыми, веснушчатыми и пожелтѣвшими руками. За нею высокій и худой брюнетъ, ея сутенеръ, съ необыкновен

нымъ напряженіемъ слѣдилъ за игрою. Вокругъ стола стояло нѣсколько молодыхъ женщинъ любезно улыбавшихся счастливымъ игрокамъ въ надеждѣ получить отъ нихъ денегъ на игру.

“Въ чемъ дѣло? — думалъ Николай. — Два дня никакихъ извѣстій отъ Жаклинъ. Почему? Вѣдь она великолѣпно знаетъ, что я пріѣхалъ... Можетъ быть, она все время съ мужемъ?.. Глупости, она всегда устранилась, чтобы по крайней мѣрѣ позвонить мнѣ... Въ чемъ дѣло?”

Вдругъ его вниманіе привлекла невысокая фигура Миранда, который, какъ всегда нахмурившись и смотря себѣ подъ ноги, мелкими шагами пересѣкъ игорную залу. “Она, навѣрное, съ нимъ!.. — промелькнуло въ его головѣ, и онъ вскочилъ съ кресла, оглядывая залу.

Послѣ долгихъ поисковъ онъ убѣдился, что Жаклинъ нѣтъ въ залѣ. Онъ побѣжалъ въ свой отель въ надеждѣ, что она, воспользовавшись отсутствіемъ мужа, позвонила ему по телефону или даже зашла къ нему. Однако, въ отелѣ ему сообщили, что никто не спрашивалъ его, и онъ вернулся въ казино.

“Въ чемъ дѣло? — ломалъ онъ себѣ голову. — Не больна ли она?.. Нѣтъ, — усмѣхнулся онъ, — объ этомъ мнѣ давно дала бы знать одна изъ ея вѣрныхъ подругъ. Здѣсь что то неладное...”

Ему стало скучно и тоскливо. Онъ въ первый разъ задалъ себѣ вопросъ, чѣмъ была бы его жизнь, если бы ее не заполняли короткія встрѣчи съ Жаклинъ. Теперь же онъ сидѣлъ всѣ ночи на пролетъ въ душныхъ кабакахъ, чтобы изрѣдка провести нѣсколько дней около любимой женщины. Онъ больше не страдалъ отъ морально подавляющей и съ каждымъ днемъ понемногу захватывающей его атмосферы лѣни, разнузданности и доходящаго до автоматизма безразличія ко всему. Нужно бы-

до пройти черезъ это; благодаря этому онъ могъ воспользоваться своимъ счастьемъ.

Вдругъ его взглядъ остано­зился на Луветѣ, который усердно искалъ кого то среди танцующихъ паръ. Николай хорошо зналъ его по барамъ и другимъ ночнымъ заведеніямъ Монмартра и не рѣдко вступалъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ подошелъ къ нему, чтобы узнать что-нибудь о Жаклинѣ.

— А, Николя, Ле Рюссъ. — обрадовался Луветъ, предвидя забавную развязку ихъ разговора. — Какъ поживаете?.. Гонимъ деньгу на старушкахъ!.. — шутилъ онъ, стараясь подражать вульгарному жаргону парижскихъ апашей. Онъ очень гордился своимъ умѣньемъ говорить языкомъ этихъ людей, которые, по его словамъ, чувствовали себя съ нимъ, какъ со своимъ человекомъ.

Психологія танцора тоже не была для него загадкой.

— Работаете въ казино? — продолжалъ онъ.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ отдыхать.

— И одинъ? — спросилъ онъ, ехидно подмигивая глазомъ.

— Да, — нахмурился Николай, которому начинали надоѣдать остроты Лувета. — Я какъ разъ хотѣлъ спросить васъ, не видали ли вы моихъ друзей? Можетъ быть, вы знаете?..

--- Жаклинъ Мирандъ? — усмѣхнулся Луветъ.

--- Вы ее знаете? — насторожился Николай. — Да, Жаклинъ Мирандъ, — поспѣшилъ отвѣтить онъ, — и другихъ изъ ея компаніи...

— Какъ же, я ихъ вижу каждый день. Они очень веселятся. Пойдемте въ баръ выпить стаканъ виски и поговорить по душамъ. Я очень радъ васъ видѣть.

Они направились къ бару. Происшедшее съ Жаклинъ не на шутку разстроило Лувета. Онъ не выдержалъ играемой имъ роли и привязался къ Жаклинъ. Самоувѣренный, хвастливый и болѣзненно гордый молодой человѣкъ, предупрежденный друзьями, боялся стать новой жертвой ея мимолетнаго каприза, тѣмъ болѣе, что за его любовнымъ похожденіемъ съ большимъ любопытствомъ слѣдили представившіе его Жаклинъ друзья. Однако, несмотря на большой опытъ съ женщинами, на который онъ претендовалъ, онъ увлекся и повѣрилъ ей, какъ другіе, что онъ исключительный счастливецъ среди всѣхъ избранныхъ ею молодыхъ людей. Онъ рискнулъ, пренебрегъ ею и самъ представилъ ей молодого пріятеля. Теперь онъ объ этомъ сожалѣлъ и до смѣшного злился и ревновалъ Жаклинъ.

Встрѣтившись съ Николаемъ, онъ ощутилъ два сильныхъ желанія: во первыхъ, отомстить Жаклинъ за коварную измѣну, во вторыхъ, разузнать отъ Николая объ его отношеніяхъ съ нею.

— Жаклинъ, — началъ Луветъ, усаживаясь у бара, — такая хорошенькая, что по ней рѣшительно всѣ сходятъ съ ума... Ей скучать не приходится! Въ данный моментъ за ней ухаживаетъ мой пріятель, Робертъ Хенъ.. И, кажется, не безуспѣшно. Ахъ, вообще, если только подумать, что здѣсь дѣлается, то станетъ прямо тошно. Купаются, танцуютъ, проигрываютъ деньги, флиртуютъ, перебиваютъ другъ у друга женщинъ, ссорятся, сплетничаютъ, и все то же самое изо дня въ день!..

— Что же, все это естественно... молодежь... — пролепеталъ Николай, чувствуя, какъ его ноги подкашиваются, а руки холодѣютъ. — Жаклинъ, — продолжалъ онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, — такая интересная женщина, что я вполнѣ понимаю и одобряю вашего пріятеля...

— А я вполне понимаю и одобряю васъ, — неловко улынулся Луветь, подергивая носомъ.

— Нѣтъ, — насильно улынулся Николай, все болѣе и болѣе блѣднѣя. — Я немного ухаживалъ за нею, какъ за каждой хорошенькой женщиной... Такъ вы говорите, что она теперь серьезно увлечена вашимъ другомъ?

“Пожалуй, такимъ образомъ изъ него ничего не вытянешь! — съ досадой подумалъ Луветь”.

— Вы знаете, Николая, это меня очень мало интересуетъ, а вотъ, кое о чемъ другомъ я поговорилъ бы съ вами съ большимъ интересомъ. Могу ли я быть съ вами вполне искреннимъ и могу ли надѣяться, что вы не сочтете это за простое и не деликатное любопытство?

— Конечно!.. — поспѣшно отвѣчалъ Николай, съ нетерпѣніемъ ожидая продолженія.

— Видите, Николая, я долженъ васъ предупредить, если я началъ съ вами этотъ разговоръ, то только потому, что я совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ вы думаете, и хотя и видѣлъ васъ всего нѣсколько разъ, питаю къ вамъ большую симпатію. Надѣюсь, что вы поймете и даже, можетъ быть, оцѣните мою выходку... Вы знаете меня, какъ веселящагося молодого человѣка, который смѣется надъ женщинами, паясничаетъ и дурачится съ ними... Я абсолютно ничего не дѣлаю, ничѣмъ не интересуюсь. Мое, хотя и немного уменьшившееся, состояніе, позволяетъ мнѣ жить очень пріятно... Пріятно? — остановился онъ, необыкновенно серьезно взглянувъ на Николая. — Да, конечно, пріятно на время вести беззаботную и глупую жизнь, переѣзжая съ солнечнаго юга на снѣжный сѣверъ и обратно, ни о чемъ не думая, или скорѣе ни о чемъ не задумываясь, пріятно отдаваться лѣни и всевозможнымъ удовольствіямъ... Это даже необходимо для продолженія жизни, если тебя больше ничего не интересуетъ и ты ни

во что не вѣришь... Однако, прежняя моя жизнь была гораздо содержательнѣе теперешней.... Я путешествовалъ, я искалъ настоящихъ людей, искалъ глубокаго чувства и цѣликомъ, — усмѣхнулся онъ, — отдавался любимой женщинѣ!.. Конечно, всегда оставался въ дуракахъ и безумно страдалъ... Такъ что видите, если я теперь паясничаю съ женщинами, то только потому, что я боюсь полюбить вновь. Каждый разъ, когда я встрѣчаю одну изъ тѣхъ, кто можетъ мнѣ серьезно понравиться, я скорѣе отхожу отъ нее. Впрочемъ, — вздохнулъ онъ, — бываютъ исключенія, и я недавно познакомился съ одной женщиной, которая произвела на меня большое впечатлѣніе. Объ этомъ я и хотѣлъ поговорить съ вами. Я очень прошу васъ быть со мною искреннимъ, такъ какъ ваши отвѣты имѣютъ для меня огромное значеніе. Неправда ли, вы пріѣхали сюда изъ-за Жаклинъ... и она, — поправилъ онъ воротникъ, не спуская глазъ съ Николая, — ваша любовница?

— То есть... Я не понимаю, какое отношеніе это имѣетъ къ нашему разговору...

— Вы великолѣпно понимаете меня! — раздраженно проговорилъ Луветь. Она моя любовница тоже, и я порвалъ съ нею, подозревая, что она одновременно принадлежала намъ обоимъ. Я не отбилъ ее отъ васъ, и вы не возвратили ее себѣ, а мы просто на просто оба были ее возлюбленными.

— Да... — проговорилъ Николай, покраснѣвъ. Горячая волна пробѣжала по его тѣлу, ему стало очень пріятно, болѣзненно весело, точно это признаніе внесло что-то очень интересное въ его жизнь. Онъ отпилъ нѣсколько глотковъ вина и смутился, такъ какъ ему показалось, что слезы выступили у него на глазахъ, и Луветь ихъ замѣтилъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя больнымъ, обиженнымъ и несчастнымъ, котораго всѣ должны

были жалѣть, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда онъ лежалъ въ кровати съ высокой температурой.

— Давно?... — спросилъ онъ какимъ то смѣшнымъ, тонкимъ голосомъ.

— Три мѣсяца.

— Какъ разъ послѣ моего прїѣзда, — размышлялъ онъ, какъ будто про себя. — Сперва были мы, а теперь, вы говорите, уже этотъ... Робертъ?

— Да, — отвѣчалъ Луветъ, смотря на него съ большимъ безпокойствомъ. — И еще этотъ старый Нордсенъ, но это уже другого рода исторія. Ей Богу, не завидую ея мужу.

Николаю вдругъ стало страшно противно. Какъ смѣлъ Луветъ такъ нагло, спокойно говорить объ этомъ. Сквозь облака табачнаго дыма онъ всматривался въ его слегка вспотѣвшее, блестящее, съ неровной, мѣстами красноватой кожею, лицо и болѣзненно неудержимое желаніе ударить его росло въ немъ съ каждой секундой. Онъ отвернулся... Все было кончено, и ничего не оставалось, кромѣ этого пошлаго и непоправимаго объясненія.

XV.

Послѣ встрѣчи съ Луветомъ Николай вышелъ изъ казино и направился къ своему отелю. Вдругъ передъ нимъ выросла фигура молоденькой танцовщицы, Нелли, съ которой онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ работалъ вмѣстѣ. Она была безъ шляпы, въ вечернемъ платьѣ, и на ея плечи былъ накинутъ слегка поношенный съ золотыми разводами плащъ. Она сильно похудѣла, и глаза на ея блѣдномъ лицѣ горѣли особенно ярко нездоровымъ блескомъ. По ея болѣзненному виду и неряшливому туалету Николай понялъ, что для нея наступили невеселые дни.

— Какими судьбами? — проговорилъ онъ, чрезвычайно обрадовавшись этой встрѣчѣ.

Съ Нелли у него были связаны единственные пріятныя воспоминанія объ его танцорской карьерѣ. Они познакомились въ маленькомъ кабачкѣ на Монмартрѣ, гдѣ онъ началъ службу на этомъ поприщѣ. Одинъ и тотъ же столъ, за которымъ они должны были сидѣть вмѣстѣ, пока кто нибудь изъ посѣтителей не приглашалъ Нелли, поневолѣ сблизилъ ихъ и сдѣлалъ друзьями. Она подбадривала его, неопытнаго, застѣнчиваго и учила его новому ремеслу. Вскорѣ между ними вспыхнуло чувство болѣе глубокое, чѣмъ простая симпатія и д. ужба, съ ея стороны оно скоро вылилось почти кто въ материнскую заботу. Николай былъ слишкомъ молодъ, чтобы оцѣнить ее по достоинству и привязаться къ ней; она казалась ему слишкомъ простой и прозаичной. Они разстались добрыми друзьями. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя она нашла себѣ богатаго поклонника и покинула ресторанъ. Теперь Николай былъ обрадованъ этой встрѣчей, такъ какъ женщины типа Нелли были незамѣнимы въ моменты неудачъ и бѣдствій. Съ ними можно было говорить только о себѣ, и онѣ слушали.

— Николя, — воскликнула она съ радостнымъ удивленіемъ. — Какъ я рада, что васъ встрѣтила!.. Вы уже выходите изъ казино, а я только направляюсь туда... Ужасно плохо! Все проигрываю! Смотрите, — проговорила она, смущаясь и показывая ему свои руки, на которыхъ не оставалось ни колець, ни браслетовъ, — все проиграла...

— Какъ глупо! Зачѣмъ вы играете?... А что съ вашимъ поклонникомъ?

— Съ Павломъ?.. — задумчиво проговорила она. — Мы съ нимъ уже разстались.

— Не можетъ быть?.. Что случилось?

— Ничего особенного, Николя, — усмѣхнулась она. — Я такъ же скоро надоѣла ему, какъ и тебѣ.

— Глупая, — проговорилъ Николай, закусывая губу и отворачиваясь, — ты мнѣ никогда не надоѣдала, но мы не подходили другъ для друга. Ты представляешь меня, Нелли, въ совмѣстной жизни!.. Меня, безтолковаго, безалабернаго человѣка, который не знаетъ, что будетъ съ нимъ завтра... который даже не можетъ себѣ дать точнаго отчета въ томъ, къ чему онъ стремится и чего онъ хочетъ отъ жизни! — Онъ нервно засмѣялся. — Я просто мечтатель, искатель сильныхъ ощущеній и чего то необыкновеннаго и неизвѣданнаго, чего жизнь не можетъ дать... Нѣтъ, Нелли, есть люди, — проговорилъ онъ, неловко улыбаясь и опуская глаза, — которые хороши только, когда къ нимъ подходишь поверхностно, когда ихъ видишь на разстояніи и не требуешь отъ нихъ многого. Они могутъ показаться забавными, умными и даже способными на глубокое чувство... Но все это одни только вспышки, такъ какъ, видишь, милая моя, взрывчатаго вещества въ нихъ много, но имъ недостаетъ того горячаго матеріала, который могъ бы поддерживать пламя.

— Но что съ тобой? — вдругъ заволновалась Нелли, только теперь замѣчая его взволнованный видъ и чрезвычайно блѣдное и худое лицо.

— Такъ, непріятности... — поморщился Николай, отворачиваясь въ сторону. — Неудачная любовь...

Онъ старался улыбнуться.

— Расскажи мнѣ, въ чемъ дѣло!

— Нѣтъ, Нелли. Я не хочу надоѣдать тебѣ этой скучной и неинтересной исторіей.

— Николя, ты не долженъ такъ говорить со мной.. Я очень привязалась къ тебѣ, всегда вспоминала о тебѣ съ хорошимъ чувствомъ и интересовалась всѣмъ, что

касалось тебя... Ты долженъ посвятить меня въ твои неприятности.

Они пошли по направленію къ пляжу, и Николай разсказалъ ей о происшедшемъ, взволнованно прерывая свое повѣствованіе разсужденіями, предположеніями и излишними подробностями.

— Николя, — пожалала она плечами, — да вѣдь она просто распушенная и глупая женщина, которая отъ нечего дѣлать придумываетъ себѣ всякаго рода развлеченія. Я знаю тебя гораздо лучше, чѣмъ ты думаешь. Ты очень хорошій человѣкъ и, въ общемъ, ты гораздо спокойнѣе и проще, чѣмъ самъ предполагаешь. Тебѣ необходима славная и милая женщина, которая любила бы тебя и заботилась бы о тебѣ... Не думай, что я выставлю мою кандидатуру, — улыбнулась она и закашлялась, — наша пѣсенка уже давно спѣта, но я просто такъ говорю тебѣ...

— Ты очаровательнѣйшее и добрѣйшее созданіе на свѣтѣ, — сказалъ Николай, цѣлуя ей руку и съ благодарностью смотря на нее, — но почему ты кашляешь?

Она собралась отвѣтить ему, но новый приступъ глубокаго, грудного кашля, отъ котораго безпомощно вздрагивали ея слегка приподнятыя плечики, помѣшалъ ей.

— Что съ тобой? — заволновался онъ.

— Ничего; это пройдетъ... Я слишкомъ много курю... Всѣ ночи напролетъ просиживаю въ душныхъ игорныхъ залахъ...

Николай отговорилъ ее идти въ казино, и они расположились въ одномъ изъ кафе на берегу. Было душно; на небѣ не было видно ни одной звѣзды. Съ задремавшаго моря изрѣдка доносился рѣзкій плескъ короткой волны. Николай много пилъ, и его глаза лихорадочно

блестѣли. Нелли украдкой съ большимъ вниманіемъ слѣдила за нимъ.

— Однако, ты серьезно влюбился въ нее! — вздохнула она.

— Я... — оживился, онъ и его блѣдное лицо слегка зарумянилось. — Я признаюсь, что очень любилъ ее... Но теперь это какъ то сразу прошло... Совсѣмъ прошло, до полного отсутствія какого нибудь чувства и даже до ощущенія какой-то непріятной пустоты. Я не испытываю ни ревности, ни злобы, ни желанія возвратить ее, ни всего того, что обыкновенно переживаютъ люди въ подобныхъ случаяхъ. Наша любовь закончилась такъ пошло, — усмѣхнулся онъ, — что я только могу удивляться, какъ это произошло. Мнѣ просто до безумія скучно и нехорошо! Представь себѣ человѣка, который долгіе годы увлекался и боролся за какую нибудь идею и, вдругъ, въ одинъ прекрасный день настолько разочаровался въ ней, познавъ ея бессодержательность, что страшно устыдился своихъ безплодныхъ трудовъ и рѣшилъ какъ можно скорѣе исправить свою ошибку. Таково и мое состояніе. Мнѣ теперь только и хочется скорѣе покончить со всей этой исторіей. Да и что могу я предпринять другого?! — возмутился онъ, какъ будто Нелли противорѣчила ему. — Ну, предположимъ, что она полюбила бы кого нибудь другого, измѣнила мнѣ и покинула бы меня, тогда я могъ бы сожалѣть о ней и убиваться.... Тогда, можетъ быть, я даже страдалъ бы и грустить бы по ней, что, между прочимъ, не лишено пріятныхъ переживаній. Неправда ли, Нелли? А теперь, — усмѣхнулся онъ, отпивая вино, — какъ могу я объяснить случившееся? Три любовника сразу!.. Что это такое? Просто распушенность, признакъ полной бессодержательности и душевной пустоты.

— Все бываетъ, — усмѣхнулась Нелли. — Я теперь ничему не удивляюсь.

— А вѣдь нужно сознаться, что что-то было! Все это не такъ просто, какъ оно кажется теперь. Даже и пустые люди способны на какое-то чувство. Помню, — сказалъ онъ, закусывая губу и опуская глаза, — что часто... Это даже смѣшно рассказывать! — потянулся онъ, нахмурившись. — Но бывали моменты, когда я до того любилъ ее и эта любовь до того была чиста, что я чувствовалъ себя виноватымъ передъ ея мужемъ и хотѣлъ уйти отъ нее. Какія глупости рассказываю я тебѣ! — проговорилъ онъ, отворачиваясь, такъ какъ на глазахъ его навернулись слезы. — Нужно было быть идиотомъ, чтобы такъ думать въ мои годы, да еще вращаясь среди подобныхъ людей... Я только хочу сказать тебѣ, понимаешь, что у всѣхъ людей есть что-то въ душѣ очень хорошее... Да и отъ нея я получалъ такія письма, какія она не могла бы писать просто такъ, забавляясь и играя въ чувство. А съ другой стороны, — продолжалъ онъ, увлекаясь, — и во мнѣ было не мало пошлости и грязи... Ты не смѣйся, Нелли, что я говорю съ тобой такъ откровенно, но я вѣдь знаю, ты способна понять меня. Видишь, бывали моменты, когда моя любовь къ ней охлаждала и когда я продолжалъ видѣться съ нею, такъ какъ мнѣ льстила связь съ богатой, свѣтской женщиной и я даже, можетъ быть, надѣялся на извѣстную помощь съ ея стороны... И, если я даже.... и не рассчитывалъ именно на нее, то думалъ устроиться черезъ нее. однимъ словомъ, считалъ эту связь выгодной во всѣхъ отношеніяхъ.

— Николя, ты не долженъ говорить объ этомъ! — просіяла Нелли, смотря на него восхищенными глазами. — Какой ты чудной!.. Да, развѣ люди, какъ ты, которые столько объ этомъ думаютъ, да разбираютъ все это, способны на что либо подобное?!.. — закашлялась она.

— Ну, довольно! — проговорилъ Николай, приближаясь къ ней. — Все это кончено и больше не стоитъ думать объ этомъ. Если ты свободна, мы будемъ часто видѣться съ тобой. Я общаю больше не надоѣдать тебѣ рассказами о моихъ любовныхъ похожденияхъ.

Нелли продолжала кашлять.

— Почему вы кашляете? — сказалъ онъ, беря ее за руку, которая показалась ему горячей. — Да у васъ жаръ! — воскликнулъ онъ. Не пойти ли намъ завтра къ доктору?

Вскорѣ, проводивъ Нелли, Николай отправился домой. Вдругъ, сильный прожекторъ ослѣпилъ его и къ нему, закрипѣвъ тормозами и скользя колесами по песку, подъѣхалъ автомобиль Лувета.

— Откуда такъ поздно, мой другъ. — спросилъ онъ. — Видѣлъ нашу красавицу съ Роберомъ. Бѣдняжка такъ влюбился въ нее, что пересталъ мнѣ кланяться, несмотря на то, что черезъ меня познакомился съ нею. Она, навѣрное, Богъ знаетъ что наговорила ему про меня... Ну, бросимъ говорить объ этомъ. Я завтра уѣзжаю въ Италію на яхтѣ барона П. Погрузимъ много хорошенькихъ женщинъ. Нужно развлекаться, — усмѣхнулся онъ, — чтобы позабыть нашу несчастную любовь.

Возвратившись домой, Николай нашелъ записку отъ Жаклинъ. Она извинялась, что не могла его видѣть раньше и общала зайти къ нему на слѣдующій день утромъ. Онъ нѣсколько разъ перечелъ хорошо знакомыя ему крупныя каракули, и сердце радостно забилося въ его груди. Онъ больше не хотѣлъ вѣрить рассказамъ Лувета, и какая то неясная надежда на возможность ошибки зажглась въ немъ.

Все утро Николай прождалъ Жаклинъ. Онъ не выходилъ изъ своей комнаты и съ какимъ то тупымъ безразличіемъ смотрѣлъ на море. Пляжъ кишѣлъ народомъ. Загорѣлая тѣла барахтались въ водѣ среди маленькихъ лодочекъ, морскихъ велосипедовъ и резиновыхъ мячей. Первоклассные пловцы, подобно птицамъ, взлетали съ высокаго помоста и, описавъ кривую въ воздухѣ, погружались въ блестящую на солнцѣ воду. На песокѣ дѣти катили огромный шаръ.

Николая охватило то полное равнодушіе ко всему, котораго онъ боялся больше всего въ жизни. Пустѣла голова до полного отсутствія какой бы то ни было мысли, и такой же пустотой дышало небо, море и все окружающее. То, что еще вчера вызывало въ немъ определенное ощущеніе, наводило его на мысли, которымъ не было конца, становилось пустымъ мѣстомъ, чѣмъ то ненужнымъ и непонятнымъ. Жаклинъ не приходила, послѣдняя надежда вернуть ее уносилась, и досада и щемящая злоба поднимались въ немъ.

Передъ самымъ завтракомъ она забѣжала къ нему. Онъ встрѣтилъ ее, красный отъ волненія, съ глупо расгержаннымъ лицомъ. Она, какъ всегда, поспѣшно, слегка запыхавшись и не смотря на него, ворвалась въ комнату. На этотъ разъ его особенно поразила ея безупречная красота. Ея лицо сильно загорѣло и необыкновенно ровный, свѣтло шоколадный цвѣтъ кожи особенно оттѣнялся ярко красными покрашенными губами. Выбившіеся изъ подъ бѣлаго берета волосы выцвѣли, стали льняными, золотистыми. Хорошенькій, вздернутый носикъ утончился, и большіе, черные глаза блестѣли, какъ у шаловливаго мальчишки.

— Итакъ, ты уже здѣсь три дня? — проговорила она, бросаясь на стулъ и смотря на Николая пустымъ и далекимъ взглядомъ. — Я никакъ не могла вырваться въ мужа!

Николай совсѣмъ растерялся и забылъ фразы давно приготовленнаго объясненія. Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее и ему не вѣрилось, что между ними что то произошло.

“Она, какъ всегда!.. Какъ прежде!..” — думалъ онъ. — Такъ же взволнованно прибѣжала, бросилась на стулъ, какъ будто, чтобы отдышаться, и стала извиняться за опозданіе.” Она попрежнему нравилась ему, но его впервые поразила слишкомъ большая прижатность ея туалета, отсутствіе чего то личного, характернаго. “Какъ кукла! — подумалъ онъ”.

Они сидѣли молча. Жаклинъ старалась завести разговоръ, но не подходила къ Николаю, какъ раньше, что онъ сейчасъ же замѣтилъ.

— Жаклинъ, — сказалъ онъ неувѣренно. — Не будемъ играть комедіи. Я все знаю...

— Что вы знаете?! — вскочила она, покраснѣвъ только временами вскидывая на него смущенный, но насмѣшливый взглядъ.

— Все... Да, все! Ради Бога, только не лгите! Это абсолютно бесполезно. Я знаю все... И про Лувета, и про Робера!.. Я убѣдился, что ошибся въ васъ, и теперь хочу мирно, безъ всякихъ драмъ и комедій, разстаться съ вами, — закончилъ онъ, криво улыбаясь.

Онъ старался казаться спокойнымъ; онъ боялся, что она пойметъ его страданіе. Эта торжествующая или просто равнодушная женщина не должна была видѣть его любящимъ и сожалеющимъ о прошломъ.

— Позвольте мнѣ узнать, — усмѣхнулась она, — кто посвятилъ васъ во всѣ эти подробности?

— Это совершенно васъ не касается. И, вообще, Жаклинъ, бросимъ говорить обо всѣхъ этихъ ненужныхъ вещахъ... Это ни къ чему не приведетъ... Мы очень мило провели время. Я, — усмѣхнулся онъ, — ошибся, черезчуръ довѣрился вамъ и смотрѣлъ на это слишкомъ серьезно, но, къ моему счастью, мнѣ во время открыли глаза и все закончилось очень благополучно... тѣмъ болѣе для васъ, Жаклинъ, вѣдь я даже не устраиваю вамъ сцену ревности! — нервно засмѣялся онъ.

Его равнодушіе удивило, оскорбило и даже испугало ее. “Да, неужели онъ ни капли не страдаетъ?.. Неужели я потеряю его навсегда?”

— Такъ что же будетъ? — проговорила она, и слезы навернулись на ея глазахъ. — Мы больше не увидимся?

— Нѣтъ! — торжествовалъ Николай.

— Но, Николая... — подошла она къ нему, ласково и застѣнчиво улыбаясь. — Это невозможно! Я не могу жить безъ тебя... Николая, это просто невозможно! Я люблю только тебя!

Николай отстранилъ ее рѣзкимъ движеніемъ, стараясь не смотрѣть на нее.

— Но, неужели ты, дѣйствительно, ничего не понимаешь?! — продолжала она. — Я никогда никого не любила кромѣ тебя... Мишель?.. — брезгливо усмѣхнулась она. — Я до сихъ поръ не понимаю, какъ это случилось... Тебя не было около меня. Я такъ скучала!... Онъ цѣлыми днями и ночами преслѣдовалъ меня. Онъ увѣрялъ, что ни одна женщина не любила его, что онъ былъ ужасно несчастенъ. Мнѣ стало жалко его... Да, нѣтъ, — воскликнула она, умоляюще посмотрѣвъ на него, — это было просто какое то сумасшествіе!.. Всѣ флиртовали около меня; были такія чудныя, лунныя ночи!.. Ахъ, если бы ты только зналъ, какъ часто я дума-

ла о тебѣ, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы ты былъ со мною. Я не упрекаю тебя, я знаю, что ты дѣлалъ все возможное, чтобы не покидать меня. Потомъ, когда ты пріѣхалъ, я хотѣла покончить съ нимъ, но боялась, что онъ все тебѣ расскажетъ... Я боялась его!.. А сколько разъ я собиралась во всемъ признаться тебѣ. Ты долженъ простить меня! Я такая слабохарактерная! Потомъ, я не увѣрена въ тебѣ, — сказала она, опять приближаясь къ нему. — Вотъ, даже теперь ты такъ хладнокровно отнесся къ этому, что я начинаю думать, что ты никогда не любилъ меня.

— А Роберъ?.. А Нордсенъ? — спросилъ Николай рѣзко. Съ его лица не сходила горькая усмѣшка. — Ты, конечно, и на эти вопросы найдешь вполнѣ правдоподобныя объясненія.

Оскорбленное самолюбіе не позволяло ему простить ее. Однако, онъ старался продлить разговоръ, удержать ее, хотя бы еще на нѣсколько секундъ, не допуская возможности уже разстаться съ ней навсегда и ища въ самомъ себѣ способность примириться съ происшедшимъ, найти прежнее чувство и, главное, повѣрить вновь.

— Нѣтъ, я не понимаю, — продолжалъ онъ. — Честное слово, я просто не понимаю... Вѣдь, мы же были абсолютно свободны и насъ ничего не связывало. Почему же нужно было обманывать другъ друга, запутываться въ той лжи, которая насъ сдѣлала почти что врагами, когда такъ просто было сознаться во всемъ и уйти!..

— Потому что я не хотѣла разстаться съ тобою! Да и сейчасъ я не могу примириться съ мыслью, что никогда больше не увижу тебя! — заплакала Жаклинъ и черная краска рѣсницъ, расплывшись отъ слезъ, попала ей въ глаза.

Она опустилась на стулъ и, вытаскивъ изъ сумочки зеркало и платочекъ, стала поспѣшно вытирать глаза. Николай подвелъ ее къ умывальнику и старался помочь ей. Онъ почувствовалъ себя усталымъ и ея присутствіе тяготило его. Жаклинъ, жалуясь на боль въ глазахъ, продолжала приводить себя въ порядокъ. Въ открытое окно свѣтило жаркое, яркое солнце. Свѣтъ дня былъ непростительно наглый, предметы раздражительно ясны и происшедшее объясненіе до глупости просто и пошло. Все было кончено...

— Да, теперь самое умное, что мы можемъ сдѣлать — это разстаться. Я чувствую, что прежнее намъ не вернуть, и что всякая попытка возвратить его окончится печально. Я не смогу относиться къ тебѣ, какъ раньше... А, главное, я никогда больше не смогу забыть, съ какимъ непоколебимымъ спокойствіемъ ты лгала мнѣ. Я не замѣчалъ никакой разницы въ нашихъ отношеніяхъ, когда между нами появился тотъ, другой!.. Ты, какъ всегда, приходила ко мнѣ радостная, счастливая и безумно влюбленная. Нѣтъ, Жаклинъ, — махнулъ онъ рукою, нервно зашагавъ по комнатѣ, — нужно покончить. Я не въ состояніи забыть происшедшее, и ты сама не согласишься, чтобы я смотрѣлъ на тебя по другому... Нельзя же забавляться всю жизнь. Мы храбримся, стараемся казаться безразличными, насмѣшливыми ко всему и стѣсняемся признаться даже самимъ себѣ, что мы ищемъ чего то болѣе серьезнаго и глубокаго, чѣмъ тѣ незначительныя мелочи, которыя временно заполняютъ нашу жизнь...

— Но все это же было, Николя, — воскликнула она, перебивая его. — Неужели ты не понимаешь! Забудь, хотя бы на минуту, о твоемъ оскорбленномъ самолюбіи, и тебѣ все представится по иному. Вѣдь, все,

что случилось, какое то затменіе!.. и больше ничего. Неужели я бы пришла къ тебѣ, если не любила тебя?

На этотъ вопросъ она сама не смогла бы дать себѣ отвѣта. Зачѣмъ она пришла къ нему: изъ жалости, ради забавы или не въ силахъ окончательно разстаться съ нимъ, еще не позабывъ прошлое?

— Самолюбіе... — повторилъ Николай. — При чемъ тутъ самолюбіе... Я просто не могу повѣрить, что ты, любя меня, могла измѣнять мнѣ.

Нудная, какъ зубная боль, злоба и досада поднималась въ немъ. Онъ понималъ, что не можетъ разстаться съ нею, но въ то же время не способенъ смириться съ происшедшимъ, не оскорбивъ и не унизивъ ее. Ея взглядъ долженъ былъ отразить его отчаяніе. Онъ способенъ простить и вновь полюбить ее, если она станетъ равной ему, прошедшей черезъ тѣ же страданія, муки и униженія, что и онъ.

— Нѣтъ, Жаклинъ, вы очень хорошенькая женщина, — проговорилъ онъ, изнывая отъ злобы и насильно улыбаясь, — и вы мнѣ нравитесь больше, чѣмъ когда либо... Видите, — засмѣялся онъ, — я на васъ совсѣмъ не сержусь и даже признаюсь вамъ въ любви!.. Но, къ несчастію, это ваше единственное качество. Я знаю не мало хорошенькихъ женщинъ!..

Жаклинъ нахмурилась и, закусивъ губу, сильно покраснѣла отъ негодованія.

— Хорошо. Я согласна съ вами; намъ лучше разстаться! — рѣзко проговорила она, направляясь къ двери.

“Что я дѣлаю?! — промелькнуло въ его головѣ. — Я потеряю ее навсегда!” Но онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки остановить ее. Она, слабохарактерная и не гордая въ любви, вернется къ нему, и онъ проститъ ее съ высоты своего пьедестала.

Въ корридорѣ, за дверью замолкли ея шаги. Онъ подошелъ къ окну и взглянулъ на пустую, накаленную зноемъ дорожку, по которой удалялась Жаклинъ. Онъ не могъ оторвать взгляда отъ исчезаваго среди пыльной и зачахшей зелени стройнаго силуэта. Скудное, безцвѣтное и ничего не выражающее небо служило отраженіемъ его душевнаго состоянія.

Передъ нимъ слегка поплыли стѣны его комнаты, надулся, какъ его голова, до невозможной величины мѣдный шаръ кровати, а силуэтъ Жаклинъ стоялъ около двери, удалялся по дорожкѣ и смотрѣлъ въ окно. Все это выражало нѣчто такое, что если бъ онъ понялъ это, его любовь потеряла бы всякое значеніе. Онъ напрягалъ всѣ свои умственныя способности, чтобы уловить намекъ безсознательнаго видѣнія...

Три образа Жаклинъ отразились въ мѣдномъ шарѣ, слились во что то одно, такое же большое, неизмѣримое, но реальное, какъ самъ шаръ, и онъ сталъ владѣть этой величиною, и она завистѣла отъ него. Вдругъ ему стало жутко, онъ не долженъ былъ постичь тайнъ невозможнаго. Онъ навѣки погубилъ себя, заглянувъ въ нихъ. Николай въ изнеможеніи опустился на кровать...

XVII.

Николай стоялъ вечеромъ въ телефонной кабинкѣ и собирался позвонить Жаклинъ. Онъ то бралъ трубку, то съ досадой вѣшалъ ее. Голова его болѣзненно горѣла, и все передуманное и пережитое за эти дни, путалось и боролось другъ съ другомъ. Онъ больше не былъ въ состояніи выдержать продиктованной оскорбленнымъ самолюбіемъ игры.

Прошла цѣлая недѣля послѣ его встрѣчи съ Жаклинъ. Она попрежнему выѣзжала то съ мужемъ и Нордсеномъ, то съ Роберомъ. Николай не разставался съ Нелли. Казалось, что Жаклинъ и Николай окончательно объяснились, разошлись навсегда и что каждый изъ нихъ, совершенно не интересуясь судьбой другого, сталъ продолжать свою жизнь. Однако между ними велась самая ожесточенная борьба. Николай повсюду, гдѣ только ни бывала Жаклинъ, показывался съ Нелли и дѣлалъ видъ, что усиленно ухаживаетъ за нею. Жаклинъ, какъ казалось ему, была нарочно весела въ его присутствіи, флиртowała съ Роберомъ, и съ ея лица не сходила самодовольная и самоувѣренная улыбка.

Между Николаемъ и Нелли установились самыя странныя отношенія. Хотя Нелли и замѣчала, что Николай попрежнему влюбленъ въ Жаклинъ и пытается вызвать ея ревность, она была съ нимъ исключительно мила и никогда не говорила объ его неудачной любви. Николай заботился о ней, былъ ласковъ, внимателенъ, но не старался возобновить ихъ прежнихъ отношеній и каждый вечеръ, проводивъ Нелли до двери гостиницы, покидалъ ее. Онъ страшно мучился, не спалъ цѣлыми ночами и сильно похудѣлъ. Послѣ неудачнаго объясненія съ Жаклинъ, основываясь на ея искреннемъ раскаяніи, онъ ожидалъ отъ нея вѣсточки. Онъ вспоминалъ, какъ прежде каждая ссора, въ которой онъ часто бывалъ самъ виноватъ, кончалась тѣмъ, что Жаклинъ со слезами на глазахъ преслѣдовала его до тѣхъ поръ, пока онъ не мирился съ нею. Самолюбіе въ любви не играло для нее ни малѣйшей роли. Его же оно терзало, если не до безумія, то по крайней мѣрѣ до глупости. Правда, его самолюбіе было болѣзненно обострено неудачами и мучительной неувѣренностью въ себѣ. Онъ выдержалъ недѣлю этой игры, думая, что она больше

не любить его и что ея раскаяніе было простымъ порывомъ, однимъ изъ тѣхъ поступковъ, въ которомъ женщины сами не способны дать себѣ точнаго отчета. Онъ слишкомъ хорошо зналъ ее, чтобы вѣрить, что она, любя его, какъ прежде, не смогла встрѣтиться съ нимъ въ первый день его пріѣзда и не настаивала теперь на примиреніи. Все путалось въ его головѣ. Онъ любилъ и ненавидѣлъ Жаклинъ, жалѣлъ и страдалъ за больную Нелли, которая была далеко не равнодушна къ нему, и пугался охватившей его тоски.

Онъ схватилъ трубку аппарата и позвонилъ. Теперь уже ему было все равно. Всевозможныя предположенія объ его любви, всякія размышленія и рѣшенія потеряли свою силу передъ неудержимымъ желаніемъ увидѣть ее. Онъ окончательно склонился теперь передъ своей любовью, и это сдѣлало его почти счастливымъ. Залитый кроваво красными лучами солнца портъ, небольшой цвѣточный магазинъ, откуда онъ всегда посылалъ цвѣты Жаклинъ, и освѣщенный тускло голубой лампочкой высокій потолокъ спальнаго вагона, развѣ все это не было связано съ тѣми единственными страничками его жизни, которыя ему хотѣлось перечестъ.

Черезъ нѣсколько секундъ ему отвѣтилъ голосъ Жаклинъ.

— Это я! — взволнованно сказалъ онъ. — Вы не ожидали? Мнѣ необходимо васъ видѣть... Только, ради Бога, не волнуйтесь! Я въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и совсѣмъ не собираюсь говорить вамъ что нибудь непріятное... Наоборотъ, я считаю, что наша послѣдняя встрѣча закончилась очень глупо... Вы понимаете меня, Жаклинъ?

— Я не знаю... — отвѣчала она неуверенно. — Я очень плохо чувствую себя. Я хотѣла остаться дома. Но я постараюсь выйти. Гдѣ вы будете?

— Мнѣ абсолютно все равно. Встрѣтимся, гдѣ хотите. Я предпочиталъ бы васъ видѣть у себя...

— Нѣтъ, это невозможно. У меня сидитъ подруга и, если я выйду, я должна ее взять съ собою.

Что то сильно кольнуло Николая въ сердце, и кровь горячо пробѣжала по всему тѣлу. Онъ понялъ...

— Жаклинъ! Вы не можете отказать мнѣ въ этой просьбѣ. Я хочу проститься съ вами, такъ какъ я завтра уѣзжаю! — солгалъ онъ.

— Я хочу васъ видѣть, — проговорила она такъ тихо, что ему показалось, будто она отошла отъ телефона, — но это невозможно по другому.

— Вы рѣшили окончательно? — дрожащимъ голосомъ спросилъ Николай, чувствуя, какъ вся кровь приливаетъ къ его головѣ и стучить въ вискахъ.

— Да...

— Хорошо... Я не ожидалъ, что вы откажете мнѣ въ этомъ... Однако, бросимъ! Гдѣ я могу встрѣтиться съ вами?

— Хотите въ казино?

“Ты добивался этой пощечины, — прошепталъ Николай, выходя изъ телефонной кабинки, — вотъ ты и получилъ ее!”

Онъ больше не смѣлъ сознаться самому себѣ, почему онъ все таки настоялъ на свиданіи съ нею, и поспѣшно поѣхалъ въ казино. Какъ пьяница, уже проглотившій слишкомъ большую дозу алкоголя и испугавшійся еще способнаго остановить его разсудка, онъ рѣшилъ дойти до конца всѣхъ своихъ униженій. Онъ впибался ногтями въ свою ладонь и, уставившись въ одну точку, прислушивался къ раздражительно равномер-

му шуму мотора. Высокіе фонари набережной, освѣщенные окна отелей, безчисленные огоньки прожекторовъ и испуганные пѣшеходы путались передъ его глазами. Голова у него безумно болѣла, жгло гдѣ то глубоко въ груди и ему казалось, что всѣ его внутренности высохли и свернулись въ комокъ. Онъ былъ способенъ совершить преступленіе и захлебывался отъ наслажденія, сознавая охватившую его неудержимую, животную силу и злобу.

Подѣхавъ къ казино, онъ еще долго не могъ сообразить, что ему нужно было дѣлать и сидѣлъ въ автомобиль, пока хоръ гудковъ и открывшій дверцу грумъ не привели его въ себя. Земля дрожала подъ его ногами и ярко освѣщенный подѣздъ расплывался и равномерно колыбался въ туманѣ, какъ водоросль.

Онъ постепенно овладѣлъ собою, и его первой мыслью было скрыть отъ Жаклинъ свое состояніе. Что могъ онъ теперь представлять для нее? Еще одинъ покинутый любовникъ, униженно просящій, какъ милостыни, ея расположенія? Нужно было гордо выдержать это послѣднее испытаніе, на которое онъ самъ себя безжалостно толкнулъ. "Неужели я еще на что нибудь надѣюсь — думалъ онъ. — Или я просто не способенъ разстаться съ нею!"

Вдругъ, въ концѣ залы онъ замѣтилъ Жаклинъ. Она была не только съ подругой, но и съ Роберомъ. Этого Николай никакъ не ожидалъ. Она хотѣла оскорбить его. Онъ получилъ вторую пощечину. Ему стоило сверхъестественныхъ усилій изобразить на своемъ лицѣ развязную улыбку и направиться имъ навстрѣчу.

Жаклинъ шла рядомъ съ Роберомъ, обмѣниваясь съ нимъ нѣсколькими словами и смотря на него такъ откровенно и просто, какъ женщина можетъ смотрѣть только на очень близкаго ей человѣка. Она была одѣта

въ бѣлую, шелковую пижаму, которая плотно облегла ея бока и расширялась къ ногамъ, напоминая широкую и длинную юбку довоеннаго времени. Бриллиантовые браслеты скользили по ея загорѣлымъ рукамъ и особенно ярко блестѣли на темномъ фонѣ обожженной солнцемъ кожи. Освобожденные изъ подъ шляпы пышные волосы сіяли въ яркомъ свѣтѣ безчисленныхъ люстръ.

Она встрѣтила его тѣмъ пустымъ, нарочно непонимающимъ его состояніе и себя защищающимъ отъ всякихъ объясненій взглядомъ, какъ будто между ними никогда ничего не было, и въ отвѣтъ на его вопрошающій взоръ ея губы сложились въ усмѣшку. Николая что то рѣзнуло по сердцу. Онъ опустилъ глаза, такъ какъ не могъ выдержать ея холоднаго безразличнаго взгляда. Передъ нимъ стояла чужая женщина, на которую онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права.

Они вышли на терассу и взяли столикъ. Николай сѣлъ съ ея подругой, а Жаклинъ съ Роберомъ расположились напротивъ. Николай крѣпился; ему стоило безумныхъ усилій не выдать своего настроенія и поддерживать разговоръ съ подругой Жаклинъ. Онъ дошелъ до черты, его нервы были до того натянуты, что онъ уже не могъ больше ручаться за себя; каждую минуту могло произойти что нибудь ужасно позорное, унижительное и смѣшное для него. Онъ былъ способенъ заплакать, застонать и наговорить Жаклинъ такихъ вещей, которыя онъ никогда не рѣшился бы крикнуть своему злѣйшему врагу.

Однако, онъ зналъ успокаивающее средство. Жадно, какъ очнувшійся послѣ эпилептическаго припадка больной, захлебываясь, онъ сталъ пить вино. Стаканъ дрожалъ въ его рукахъ и неприлично стучалъ о зубы. Крѣпкая, жгучая жидкость застревала въ горлѣ...

Вскорѣ вино произвело свое дѣйствіе. Закружились перила террасы и освѣщенный разноцвѣтными лампочками потолокъ, понеслись въ какомъ то яркомъ блескѣ танцующія пары, и на душѣ стало легче. Это было одно изъ тѣхъ незабываемыхъ мгновений, когда даже страданіе имѣетъ неописуемую прелесть. Оркестръ игралъ старый мотивъ, напоминавшій ему о первыхъ дняхъ знакомства съ Жаклинъ, о всемъ прекрасномъ, что внесла эта женщина въ его жизнь. Онъ пригласилъ ее танцовать.

Она была въ его объятіяхъ. Онъ чувствовалъ, какъ прежде, каждый изгибъ ея тѣла и вспоминалъ все то, что онъ такъ хорошо зналъ и такъ восторженно любилъ. Ему представилась маленькая родинка на правомъ плечѣ, коротко остриженные и страшно колючіе волосы на затылкѣ, шрамъ на колѣнкѣ отъ паденія въ дѣтствѣ съ велосипеда и подвижные и смѣшные пальчики на ногахъ. Онъ не рѣшался, не смѣлъ заговорить съ ней объ ихъ чувствѣ, какъ будто между ними никогда ничего не было и онъ не имѣлъ права коснуться ея личной жизни.

— Ты не знаешь меня, Жаклинъ... — проговорилъ онъ. — Зачѣмъ усложнять то, что такъ просто... Ты не рѣшаешься сказать мнѣ правду и мучаешь меня неизвѣстностью. Любовь прошла, такъ ничего не подѣлаешь! Я только могу сожалѣть, что это закончилось такъ рано, но не смѣю упрекать тебя. Я безумно люблю жизнь и цѣню все, что позволяетъ мнѣ жить полно и красиво. Мое чувство къ тебѣ было для меня однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ моментовъ, которые украсили мою жизнь... Теперь я только умоляю тебя сказать мнѣ правду... Могу ли я еще на что нибудь надѣяться?

Жаклинъ взглянула на него чрезвычайно серьезно и что то прежнее, понятное ему промелькнуло въ ея глазахъ. Онъ тронулъ ее своею восторженной, довѣрчивой

молодостью и ей было искренно жалко его. Но что могла она сдѣлать! Малѣйшее вниманіе, оказанное ему, могло испортить ея отношенія съ другимъ, отъ котораго она скрывала все свое прошлое.

— Дорогой мой, я до сихъ поръ люблю тебя, — сказала она, прижимаясь къ нему и смотря ему прямо въ глаза. — Я тебѣ не лгу... Однако, я избѣгаю тебя, такъ какъ я не хочу возвратиться къ прежнему. Наша любовь потеряла всю прелесть, она связана съ чѣмъ то очень пошлымъ, грязнымъ; ты никогда не простишь его мнѣ и оно всегда будетъ тяготить меня.

— Ты увлечена теперь Роберомъ? — проговорилъ Николай, чувствуя, какъ вновь какой то жуткій холодокъ пробѣгаетъ по нему.

— Нѣтъ, — улыбнулась она, но я временно хочу остаться одна, подумать, вспомнить. Роберъ немного развлекаетъ меня...

— Жаклинъ, я прошу тебя, будь откровенна!... Значить, все кончено между нами?

— Такъ лучше, Николя, — еле слышно отвѣчала она.

— Спасибо тебѣ, хотя бы за искренность! — сказалъ онъ, мѣняясь въ лицѣ.

XVIII.

Возвращаясь изъ казино, послѣ свиданія съ Жаклинъ и подѣзжая къ своему отелю, Николай замѣтилъ поджидавшую его Нелли. Она, сгорбившись и завернувшись въ свой плащъ, стояла у подъезда. Ея высокія плечи еще больше поднялись и сузились. На блѣдномъ лицѣ темными пятнами горѣлъ румянецъ и лихорадочно блестѣли глаза.

— Что съ тобою? — бросился къ ней Николай: Что случилось?

— Прости меня. Я тебѣ такъ надоѣдаю... — поспѣшно заговорила она. — Ты, конечно, влюбленъ въ ту, и тебѣ до меня нѣтъ никакого дѣла! Однако, я пришла поговорить съ тобою именно объ этомъ. Не бойся, я не задержу тебя!... Ты такъ долго не возвращался сегодня вечеромъ... Какъ мучалась я! — проговорила она, заламывая руки. Я поняла, что ты поѣхалъ къ ней... Николя, она не достойна тебя!... Ну, я больше не буду, — остановилась она, замѣтивъ его нетерпѣливое движеніе.... — Мнѣ вдругъ стало ужасно жутко. Дурное предчувствіе охватило меня. Я боялась, что можетъ что-то случиться!.. Я не о себѣ забочусь, а только о тебѣ! Я такъ испугалась за тебя, что прибѣжала сюда и рѣшила ждать твоего возвращенія... Прости меня, Николя, но я такъ рада видѣть тебя! Я умоляю тебя больше не встрѣчаться съ нею!..

— Ну, что за ерунда! — старался улыбнуться Николай. — Ты просто больна, Нелли. Идемъ, я провожу тебя домой. Вотъ дурочка! Стоять на улицѣ, около подъѣзда.... Почему ты не вошла въ отель?

— Николя, я такъ рада, что ты со мною! Какая ужасная жизнь! У меня, какъ будто впервые открылись глаза и я поняла, въ какой грязи мы копошимся. Развѣ такъ можно продолжать? Неужели мы только живемъ, чтобы дѣлать другъ другу зло и нагло смѣяться надъ тѣмъ, другимъ, что повисло теперь надо мною какой-то мощной и безконечной силой! Наша жизнь вдругъ показалась мнѣ страшно маленькой, ничтожной и мнѣ стало смѣшно, что я могла такъ безпечно жить, никогда не задумываясь о цѣли моего существованія. Странныя мысли зародились сегодня во мнѣ... Ну, представь себѣ, — жалко улыбнулась она, — меня тяготило это непо-

нятное мнѣ безконечное пространство! — указала она на небо. — Я чего-то боялась и дошла до того, что мнѣ стало жутко съ самой собою! Я не могла понять себя! — взволнованнымъ и безпрестанно прерывающимся голосомъ закончила она. — Никола, — продолжала она, не давъ ему отвѣтить, — это было такъ ужасно! Ты не долженъ покидать меня... Я обращаюсь къ тебѣ, такъ какъ мнѣ очень плохо, и ты единственный человѣкъ, на котораго я могу положиться! — закашлялась она.

— Не волнуйся, Нелли.... У тебя разгулялись нервы, — сказалъ Николай, беря ее за руку, которая показалась ему очень горячей. — Мы поѣдемъ въ Парижъ и отправимся къ доктору. Неправда-ли? — ласково улыбнулся онъ. — Я никогда не покину тебя.

— Неужели это правда, Никола? — глухо прошептала она, еле шевеля сухими губами. — А что будетъ съ той?... Ты все еще любишь ее!.. Ну, прости, я больше не буду! — воскликнула она, замѣтивъ, что Николай опустилъ глаза, нахмурившись.

— Съ Жаклинъ все кончено. Она разлюбила меня, и я очень благодаренъ ей, что она призналась мнѣ въ этомъ... Ну, что съ тобою? Ты все время кашляешь!

— Неужели я умру? — спросила она, и ея глаза впились въ Николая, точно ожидая рѣшенія своей судьбы и выражая неописуемый ужасъ маленькаго и беззащитнаго животного, на которое надвигалось какое-то страшное чудовище.

— Что за глупости! Ты просто переутомилась. Я скопилъ немного денегъ. Я покажу тебя хорошему доктору и повезу отдыхать. Будемъ рано вставать, гулять, читать и абсолютно ни о чемъ не думать!

Нелли, не теряя ни одного его слова, съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушала его, и ея лицо начало проясняться.

— Какъ я люблю тебя! — проговорила она, приближаясь къ нему.

Николай проводилъ ее домой. Онъ почувствовалъ себя окончательно разбитымъ и усталымъ. Онъ легъ въ кровать и постарался заснуть, но глаза не смыкались, и каждый шорохъ заставлялъ его вздрагивать. Онъ чувствовалъ въ темнотѣ все окружающее. Каждый предметъ выдавалъ свое присутствіе какимъ-то особымъ атмосферическимъ давленіемъ и почти неуловимымъ, похожимъ на однообразное и звенящее жужжаніе насекомага шумомъ. Николая охватила тяжелая дремота, оцѣпенѣніе, и ему показалось, что онъ умираетъ. Мускулы отказывались служить, не билось сердце и замирало дыханіе. Онъ все забывалъ, больше не помнилъ себя и сознавалъ еще не покинувшую его жизнь только какимъ-то неопредѣленнымъ, неяснымъ ощущеніемъ. Онъ до крайности напрягалъ каждый мускуль своего тѣла, какъ будто онъ сразу хотѣлъ, вытянувшись и не пользуясь руками, подняться съ кровати, и старался сосредоточить блуждающую мысль, войти обратно въ самого себя. Очнувшись, онъ вскочилъ съ кровати съ сильнымъ сердцебіеніемъ и, закуривъ папиросу, сталъ шагать по комнатѣ. Свиданіе съ Жаклинъ, ея слова путались въ его головѣ съ жалкой и безпомощной мольбою Нелли.

Вдругъ, необыкновенная радость охватила его при мысли, что онъ не покинетъ Нелли. Что-то боязливо трепещущее и до глупаго стыдливое поднялось въ его груди, и слезы умиленія выступили на глазахъ. Онъ нашелъ въ себѣ то, что заполнить его жизнь и заставить позабыть мелкія огорченія. Но, вскорѣ, онъ, какъ снопъ, повалился на кровать и, закусивъ зубами подушку, тихо застоналъ.

“Игра въ добродѣтель, и больше ничего! — подумалъ онъ, изнывая отъ страданія. — Боже мой, какъ

трудно быть въ жизни на какой-то мучительной серединѣ!... Быть ни умнымъ, ни дуракомъ, а такъ чѣмъ-то между ними и, сознавая каждую секунду свою глупость, беспощадно бороться съ нею!... Ни добрымъ, ни злымъ!.. Ни гениемъ, но далеко не абсолютнымъ нулемъ! Это значитъ опять находиться на мучительной серединѣ, всегда упрекать себя, стремиться къ тому, что только наполовину тебѣ открыто, — о, какъ это безумно тяжело!”

XIX.

Миранду оставался всего одинъ часъ до отхода поѣзда. Онъ въ задумчивости остановился передъ открытымъ окномъ. Жаклинъ въ отдаленіи молча сидѣла на креслѣ. Однообразно постукивали стѣнные часы, раздавались гудки проѣзжавшихъ мимо виллы автомобилей, и въ столовой шумѣла тарелками поспѣшно накрывавшая на столъ горничная...

Лѣто подходило къ концу. Жизнь на Ривьерѣ текла попрежнему. Утромъ всѣ собирались на пляжъ, давали пикники; вечеромъ встрѣчались въ барахъ, устраивали обѣды на яхтахъ, а ночью танцевали и играли въ баккара. Жизнь этихъ веселящихся людей, изъ которыхъ одна половина дѣлала долги или просто жила на чужой счетъ, а другая отъ скуки, не протестуя, за все платила, не была лишена извѣстной занимательности. Молодежь шумѣла, носилась на быстроходныхъ автомобиляхъ, занималась спортомъ, флиртвала и поглощала въ большомъ количествѣ спиртные напитки. Люди средняго возраста отогрѣвали свои дряблыя тѣла на солнцѣ, играли въ баккара, ревновали своихъ женъ и любовницъ, мужей и любовниковъ и жаловались на возрастающее съ каждымъ днемъ на пляжѣ количество

женщинъ легкаго поведенія и подозрительныхъ авантюристовъ. Старики не измѣнились, и съ завистью слѣдили за всѣмъ. Круглый годъ посѣщая одни и тѣ же мѣста и, поневолѣ, постоянно встрѣчаясь другъ съ другомъ, эти люди составляли одну большую семью, въ которой каждый интересовался судьбою другого. Крупный проигрышъ въ карты одного изъ нихъ, неожиданный разводъ, новая связь и какая-нибудь необыкновенная драма приводили всѣхъ въ неопишемое оживленіе.

Жаклинъ была счастлива, какъ никогда въ жизни. Она серьезно увлеклась Роберомъ, и ее трогалъ искренній порывъ, можетъ быть, даже первое сильное чувство молодого человѣка. Онъ былъ умилительно ласковъ съ нею, уважалъ ее, вѣрилъ каждому ея слову и поссорился изъ-за нея со своимъ лучшимъ другомъ. Всѣ его поступки служили серьезнымъ доказательствомъ его любви. Она опять возмущалась собою, своею непростительною разсудительностью, не позволявшей ей пожертвовать всѣмъ ради ея чувства и послѣдовать за Роберомъ! Однако, онъ никогда не женится на ней, такъ какъ его родители не согласятся на этотъ бракъ, и онъ, хотя и богатъ, но слишкомъ молодъ, чтобы доставить ей необходимый комфортъ!.. Вниманіе Нордсена льстило ей и ее ни на минуту не покидала мысль, что, если она только захочетъ, она станетъ богатой и самостоятельной женщиной. На конкурсѣ красоты и туалетовъ въ казино она получила первый призъ, и ея портретъ появился во всѣхъ газетахъ и журналахъ Ривьеры. Окружавшіе ее мужчины восторгались ею и успѣхъ безжалостно вскружилъ ей голову! Бѣдный и жалкій Николай, — какъ называла она его теперь, — потерялся среди всѣхъ этихъ радостей, несмотря на то, что она дала себѣ слово помочь ему и устроить его черезъ Нордсена на выгодное мѣсто.

Мирандъ собрался въ поѣздку, чтобы встрѣтиться со своимъ прежнимъ компаньономъ въ надеждѣ получить отъ него денегъ. Съ Нордсеномъ ничего не выходило. Онъ мямлилъ и отклонялъ всякіе касающіеся ихъ дѣла разговоры. Это страшно сердило Миранда и не на шутку волновало его, такъ какъ его дѣла находились въ самомъ плачевномъ состояніи и, понадѣявшись на помощь Нордсена, онъ ничего не предпринималъ. Въ данный моментъ спасти положеніе было не легко...

— Что съ тобою? — спросилъ Мирандъ, подойдя къ Жаклинъ. — Ты стала какая-то странная, задумчивая, взволнованная... Въ чемъ дѣло?..

Не получивъ отвѣта, онъ отошелъ отъ нее и быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Что, неудачная любовь? — продолжалъ онъ, усмѣхнувшись. — Неужели ты такъ близко принимаешь къ сердцу этого мальчишку, Робера?... Честное слово, я порою завидую тебѣ... Ты живешь только для твоего удовольствія. Ты абсолютно ни о чемъ не думаешь, тебя ничто не беспокоитъ.

Онъ остановился, замѣтивъ, что Жаклинъ сильно покраснѣла и нервно теребила свой платокъ.

— Что съ тобою!? — спросилъ онъ, подходя къ ней и съ глубокимъ вниманіемъ наблюдая за каждымъ ея движеніемъ. — Я надѣюсь, ты ничего не скрываешь отъ меня?... Жаклинъ, — сказалъ онъ, беря ее за руку и смотря ей прямо въ глаза, я надѣюсь, что ты не предпринимаешь какихъ-нибудь глупостей, что ты будешь благоразумна?

— Оставьте меня! — злобно вскрикнула она, вырывая руку. — Ты понимаешь, что мнѣ это надоѣло!.. Все это мнѣ безумно надоѣло! Эта жизнь опостылѣла мнѣ. Я хочу жить, жить только для себя!.. Мнѣ все рав-

но, что у тебя ничего не вышло съ Нордсеномъ!.. Я больше не буду уговаривать его и прошу больше никогда не рассчитывать на меня въ подобныхъ случаяхъ!

— Вы говорите!? — прошипѣлъ Мирандъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно. Его и безъ того угрюмое лицо стало страшнымъ. Бываютъ люди, въ которыхъ чувствуется такая бѣшеная злоба, сила и рѣшимость, что другіе совершенно теряются передъ ними. Такой же необъяснимый страхъ внушалъ всѣмъ Мирандъ. Ужасъ охватилъ Жаклинъ при видѣ его лица. У нея задрожали колѣни, забилося сердце и опустѣла голова. Она поблѣднѣла и порывисто вскочила съ кресла, какъ бы собираясь бѣжать.

Мирандъ сдержалъ себя и, до боли стиснувъ челюсти, отошелъ отъ жены.

— Гм... — злобно усмѣхнулся онъ. — Это ново... Совсѣмъ ново! — проговорилъ онъ прерывистымъ и дрожащимъ голосомъ. — Да, да... я, кажется, начинаю понимать!... Это такъ просто! Васъ пожалѣли, вамъ многое пообѣщали и настроили противъ меня. Какъ это просто!.. Жаклинъ, — произнесъ онъ строго, овладѣвъ собою и смотря ей прямо въ глаза, — вы всегда знали, что вы дѣлали. Между нами не было никакой игры.. Быть можетъ, только, — усмѣхнулся онъ, — мы никогда такъ открыто, какъ теперь, не говорили объ этомъ. Однако, я не совѣтую кому бы то ни было вмѣшиваться въ мою жизнь! — сказалъ онъ, сжимая кулаки. — Надѣюсь, вы понимаете меня, Жаклинъ.

Его маленькіе, стеклянные глаза, уставившіеся не то на нее, не то куда-то въ пространство, опять испугали ее своимъ холодно насмѣшливымъ, самоувѣреннымъ, но ничего не выражающимъ взглядомъ безумца.

— Да неужели вы ничего не понимаете? — сказалъ онъ вдругъ, опускаясь на стулъ въ изнеможеніи.

— Неужели вы не понимаете, что я бьюсь, какъ рыба объ ледь... для кого я все это дѣлаю? Неужели лично мнѣ необходимо столько денегъ! — сказалъ онъ, махнувъ рукою, и вышелъ изъ комнаты.

Жаклинъ съ заплаканными глазами продолжала сидѣть на креслѣ. Она чувствовала себя усталой, разбитой и безразличной ко всему. Ей было лѣнь произвести малѣйшее движеніе и сосредоточить мысль на происшедшемъ.

Черезъ полчаса Мирандъ въ дорожномъ пальто вернулся къ ней. Онъ казался совершенно спокойнымъ и только блуждающіе глаза и плотно сжатые губы выдавали его переживанія.

— Я уѣзжаю, — сказалъ онъ, не подходя къ ней. — Мнѣ предстоитъ нелегкая задача, но я надѣюсь вывернуться.... Ты можешь быть спокойна. Все устроится... Тебѣ же будетъ очень полезно остаться одной.. и одуматься, — чрезвычайно серьезно добавилъ онъ. — Я совѣтую тебѣ пробыть еще нѣкоторое время на Ривьерѣ и потомъ поѣхать въ Парижъ, куда я вернусь по окончаніи моихъ дѣлъ... Жаклинъ, — смущенно, стѣсняясь, но все такъ же сухо произнесъ онъ, — будь благоразумна.... Ты знаешь, что представляешь ты для меня въ жизни. А, главное, подумай о нашемъ ребенкѣ. Онъ какъ разъ сидитъ въ ванной и зоветъ тебя, — нахмурился онъ и, не взглянувъ на нее, вышелъ изъ комнаты.

XX.

Шелъ сильный дождь. На влажномъ стеклѣ темнаго окна, то суживаясь, то расширяясь какими-то неопредѣленными, угловатыми рисунками, отражался одинокій свѣтъ. Въ полутемной комнатѣ съ очень высокимъ по-

толкомъ, на узкой, бѣлой кровати лежала Нелли. Около нее, облокотившись на столъ и смотря передъ собою, сидѣлъ Николай. Черезъ наглухо закрытыя и обитыя кожею двери не доносилось ни малѣйшаго звука. Простая и незамысловатая больничная мебель придавала холодный, неуютный видъ комнатѣ. Сильный дождь, порывы вѣтра, отъ котораго скрипѣли тяжелыя вѣтви деревьевъ, а потоки воды и желтые листья ударяли въ стекло, наводили жуть и тоску.

— Николая, подай мнѣ зеркало, — обратилась къ нему Нелли.

Онъ вскочилъ, какъ будто испугавшись и удивившись ея голосу, и подошелъ къ ней. Она взяла своими похудѣвшими и пожелтѣвшими руками зеркало и, съ необыкновенно серьезнымъ видомъ, какъ бы подражая тому, что дѣлала прежде, стала разглядывать себя, нерѣшительно поправляя волосы.

— Ты знаешь, — сказала она, стыдливо смотря на него, — какая я глупая! Я все еще стараюсь нравиться тебѣ, — жалко улыбнулась она. — И каждый разъ, какъ только я беру зеркало, я убѣждаюсь, что это невозможно.. Почему я стала такая страшная! — отвернулась она.

Тоска и отчаяніе отразились въ ея взглядѣ.

Нелли, дѣйствительно, до того измѣнилась, что ее трудно было узнать. Она никогда не была красива, но ея веселое, подвижное и нѣжное лицо было очень привлекательно. Худоба подчеркнула неправильныя черты ея лица и рѣзко выдѣлила всѣ недостатки. Свѣтлыя, какъ ленъ, волосы плохо сочетались съ прозрачно желтымъ цвѣтомъ ея кожи и ненакрашенные губы и неподведенныя брови не были больше замѣтны. Ея плечи до того сузились и грудь такъ впала, что Николаю казалось, будто передъ нимъ тѣло десятилѣтняго ребенка.

Только порою, когда у нея подымалась температура, щеки загорались зловѣщими пятнами, лихорадочно возбужденно горѣли глаза, она была попрежнему очень хороша собою.

— Да, теперь глупо думать о наружности!.. — продолжала она. — Ты знаешь, Николая, несмотря на то, что вы всё успокаиваете меня, я знаю, что мнѣ очень плохо... Я знаю, что скоро умру!.. И это такъ ужасно!

— вдругъ заметалась она по кровати. — Да, я скоро умру!.. Въ этомъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. Это чувствуется, оно во мнѣ и я, какъ будто, сама хочу моей смерти!.. У меня нѣтъ больше ни силы, ни желанія жить, присоединиться къ тому, что мы только что покинули... А какіе ужасные сны снятся мнѣ все время. Я вижу, что я хожу по кладбищу и выбираю гробы... И вотъ, одинъ изъ этихъ гробовъ съ очень красивой розовой подкладкой (знаешь, подъ цвѣтъ моего плаща?) съ удобными подушками и какими-то особенными отверстіями, чтобы дышать, начинаетъ нравиться мнѣ. Я даже ложусь въ него и примѣряю его. При этомъ присутствуютъ всё мои знакомые и никто не удивляется.... И, вдругъ, какой-то невидимый человѣкъ или просто одинъ изъ окружающихъ меня людей спрашиваетъ, согласна ли я, наконецъ, умереть и вполнѣ-ли я приготовилась къ этому. Я отвѣчаю, что да, и мнѣ становится необыкновенно легко и весело... “Почему же не умереть теперь, — разсуждаю я, — когда мнѣ все равно не избѣжать этого, тѣмъ болѣе, что гробъ нравится мнѣ и я нахожу его очень уютнымъ.... Почему же откладывать, разъ все равно въ одинъ прекрасный день мнѣ придется это пережить?....” Потомъ я просыпаюсь и мнѣ дѣлается жутко. Я начинаю бояться даже не самой смерти, а вотъ именно того, что меня, мое тѣло, которое и я и другіе любили съ такою нѣжностью, закопаютъ въ темную и сырую

яму и забудутъ тамъ... И подумай, сырую! — вскрикнула она. — Мы живемъ въ такомъ комфортѣ, въ теплѣ, кутаемся, чтобы не схватить насморка, кашля, и, вообще, чѣмъ-либо не повредить себѣ, а тутъ, вдругъ, прямо въ яму!... Дожди холодъ, и, наконецъ, это самое ужасное!.. какъ это называется? — остановилась она, сдѣлавъ презрительное движеніе своими сухими, почти бѣлыми губами, и прищутивъ глаза, какъ будто съ трудомъ что-то разглядывая. — Разложеніе?...

Съ ней сдѣлалось дурно. Она вся затряслась, закашлялась и, схвативъ руками подушку, тихо застонала. Николай побѣждалъ за докторомъ.

Онъ еле владѣлъ собою, все кружилось и путалось передъ его глазами.

Онъ вышелъ на балконъ и бросился на промокшее отъ непрерывнаго дождя соломенное кресло. Сильный и холодный вѣтеръ трепалъ его волосы, дождь мочить его одежду и ледяными струйками бѣжалъ по спинѣ. Тоскливо выглядѣлъ большой садъ санаторіи, но въ мощныхъ порывахъ вѣтра, въ шумѣ срывающихся вѣтвей и въ этой бурѣ, гдѣ все двигалось, колыхалось и боролось, было столько силы и красоты.

“Неужели настанетъ день, когда все это исчезнетъ для меня. Неужели моя жизнь только часть того настоящаго, вѣчнаго, къ которому я причастенъ....” Но все, что было въ немъ человѣческаго, личнаго боролось съ этимъ сознаніемъ и всѣми силами отрицало, ненавидѣло и старалось заглушить его. Во тьмѣ онъ замѣтилъ опять одинокій огонекъ и затрепеталъ отъ радости. Онъ напомнилъ ему о городѣ, о залитомъ розоватымъ заревомъ свѣтовыхъ рекламъ небѣ, объ особомъ запахѣ и уютѣ жарко натопленныхъ великолѣпныхъ отелей, о Жаклинѣ и его любви. Все еще было возможно, и даже вернуть Жаклинѣ.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Николай, покинувъ съ Нелли Ривьеру, поѣхалъ въ Парижъ. Докторъ нашель у Нелли чахотку и посовѣтовалъ немедленно покинуть городъ. Долгая и утомительная ночная жизнь дала себя знать. Чахотка и ранняя смерть были ея неизбѣжнымъ слѣдствіемъ.

У Николая еще оставались кое-какія сбереженія. Онъ выбралъ недорогую санаторію въ Камбо и отправился туда съ Нелли. Онъ просиживалъ цѣлыми днями около ея постели и часто оставался и по вечерамъ, если докторъ разрѣшалъ ему это. Здоровье Нелли ухудшалось съ каждымъ днемъ и доктора не скрывали отъ него опасность ея положенія. Настроеніе у него было скверное. Онъ не могъ забыть Жаклинъ и порою ему казалось, что все происшедшее между ними, было простымъ недоразумѣніемъ. Какъ каждый, кто продолжаетъ любить, онъ все еще жаждалъ вернуть къ себѣ эту женщину, и эта надежда поддерживала его.

Развѣ возможно, чтобы любящіе другъ друга и связанные безчисленнымъ количествомъ признаній, привычекъ и другихъ необъяснимыхъ мелочей люди разстались такъ просто? Развѣ допустимо, чтобы чувство, доведшее ихъ до такого взаимнаго пониманія, когда мысли одного угадывались другимъ, когда каждое движеніе, выраженіе глазъ одного служило отраженіемъ другого, рухнуло, исчезло сразу и не оставило ничего, ни сожалѣнія, ни ненависти, ни злобы, ни желанія вернуть пережитое? Николай допускалъ, что она любила его меньше, чѣмъ онъ, что ея любовь не дошла до полнаго развитія. Но, почему же онъ ничего не испытываетъ, кромѣ безконечной пустоты, скуки и отчаянія? Зачѣмъ онъ сидитъ около умирающей Нелли, которая въ его жизни была лишь одной изъ непродолжительныхъ и хорошо закончившихся связей? Зачѣмъ такое ломаніе,

когда у него нѣтъ ни малѣйшей потребности дѣлать добро? Хотя онъ и руководился въ жизни соображеніемъ, что дѣлать, вообще, добро невозможно, но считалъ, что при случаѣ онъ всегда долженъ былъ помочь человѣку. Невозможно давать милостыню всѣмъ нищимъ, но почему же не помочь при случаѣ и, даже въ довольно крупномъ размѣрѣ, одному изъ этихъ нуждающихся? Нелли безусловно являлась одной изъ этихъ нуждающихся не только въ его матеріальной, но и въ моральной поддержкѣ.

Однако, его положеніе при умирающей было страшно тягостно. Онъ мучался, что его поступокъ былъ простымъ желаніемъ доказать самому себѣ, что онъ далеко не пустъ и не безсодержателенъ. Жизнь указала ему его глупость, неспособность и не дающую ничего довести до конца поверхностность, но вложила въ него мучительное желаніе стать лучше.

Когда онъ вернулся къ Нелли, докторъ покинулъ ее, и около нея находилась только сидѣлка. Нелли полулежала на кровати и возбужденно говорила. Ея щеки пылали румянцемъ, а глаза горѣли, какъ у человѣка, принявшаго сильную дозу наркотика. Сидѣлка покинула ихъ, предварительно запретивъ Николаю утруждать больную разговоромъ.

— Это прошло, — обратилась она къ нему, какъ только захлопнулась дверь за сидѣлкой. — Я чувствую себя великолѣпно... Ты знаешь, я понимаю, что тебѣ, навѣрное, страшно надоѣло быть все время со мною... Но, я увѣряю тебя, что теперь осталось недолго. Я очень благодарна тебѣ. Ты не повѣришь, какъ глубоко я цѣню твой поступокъ. Я же знаю, что ты не любишь меня, и что ты дѣлаешь это только, потому что ты очень добрый человѣкъ... И ты долженъ, — строго проговорила она, — выполнить то, что ты считаешь своимъ долгомъ,

потому что, во-первыхъ, я страшно несчастна, у меня нѣтъ никого, кромѣ тебя, во-вторыхъ, если ты не исполнишь своего долга, это впослѣдствіи будетъ мучить тебя... Я знаю, что будетъ мучить! Я тебя хорошо поняла!.. Ты знаешь, я тоже не люблю тебя тѣмъ чувствомъ, которое мы обыкновенно называемъ любовью. Я всегда была расположена къ тебѣ, вотъ именно, за эти хорошія побужденія, за то, что въ тебѣ много наивности, чего-то дѣтскаго.... Ты никогда не нравился мнѣ. Ты вѣдь знаешь, что я предпочитаю брюнетовъ.... напримѣръ, аргентинцевъ или бразильянцевъ... съ такою, знаешь, темной, матовой кожей?... — улыбнулась она, стараясь шутить. — Ты не обижайся! — совсѣмъ разсмѣялась она. — Ты, конечно, очень недурень собою, но это не твое главное достоинство... И оставайся всегда прстымъ и наивнымъ. Многіе обидятъ тебя, а многіе и полюбятъ, а, главное, жизнь для тебя самого будетъ легче!

Что-то дрогнуло въ груди Николая, и слезы выступили у него на глазахъ. Ему хотѣлось признаться ей, что она глубоко ошибается въ немъ, что онъ самый обыкновенный и пошлый человѣкъ. Онъ же вѣдь поѣдетъ въ Парижъ, чтобы встрѣтиться съ Жаклинъ, а совсѣмъ не по дѣлу, какъ увѣрялъ онъ ее.

“А, можетъ быть, я правъ? — успокаивалъ онъ себя. — Я не долженъ говорить ей правды. Зачѣмъ бѣдняжкѣ разстраиваться, когда я все равно вернусь къ ней? Да, и въ Парижѣ, повидавшись съ друзьями, мнѣ будетъ легче раздобыть денегъ”.

— Все это странно, — продолжала Нелли, не обращая вниманія на Николая и какъ бы разсуждая сама съ собою. — Чувствовать, что ты умираешь, что все кончено для тебя, что всего этого, — обвела она комнату какимъ-то широкимъ, неопредѣленнымъ жестомъ,

— больше не будет и что другого ничего не существуеть!.. Ты понимаешь? — вдругъ обратилась она къ нему и ея глаза въ какомъ-то дикомъ ужасѣ остановились на немъ. — Ты понимаешь, какъ страшно сознавать всѣмъ своимъ существомъ, что ничего, ничего другого, кромѣ этой жизни нѣтъ, а что къ этой жизни ты не способенъ вернуться, такъ какъ для этого тебѣ чего-то уже не хватаетъ! Все это ничтожество, пустая суета и трюшко игра въ настоящую жизнь, а не сама жизнь! Боже мой, какъ глупо умирать, когда ты еще ничего не получила отъ жизни, когда ты, какъ будто бы и не жила совсѣмъ! Все, чего я ожидала отъ жизни, еще не исполнилось, не пришло!.. Все, что было со мною до сихъ поръ, какое-то случайное стеченіе обстоятельствъ, не настоящее, а только временное!... Ты понимаешь?! — закричала она, кашляя и захлебываясь словами. — Какъ ужасно сознавать, что ты умираешь, еще ничего не получивъ отъ жизни? Гдѣ же справедливость? Такъ глупо прожить, заглянувъ всего одинъ разъ въ жизнь!.. А что, — вдругъ задумалась она, — если, вообще, родиться какимъ-нибудь животнымъ?.. Жить одинъ разъ, да еще въ образѣ какого-нибудь животного? Ты понимаешь, — восторженно проговорила она, какъ будто очень довольная своею новою мыслью, — что ты могъ бы родиться лошадыю или собакой?.. И почему нѣтъ? Кто ты, кто я? Откуда мы? Почему намъ выпало такое счастье или, какъ знать, несчастье, родиться человѣкомъ? Я понимаю теперь, что все это такъ относительно! Мы могли бы прожить всю жизнь въ такомъ видѣ, и даже и не замѣтили бы, что живемъ!.. Да и въ образѣ человѣка познаемъ-ли мы полностью нашу жизнь? Можетъ быть, какое-нибудь другое живое существо постигаетъ ее полнѣе. Теперь передъ смертью я стала умнѣе... Я вижу гораздо дальше...

— Нелли, почему ты все время говоришь о смерти? — перебилъ ее Николай, стараясь скрыть свое волненіе. — Доктора говорятъ, что у тебя нѣтъ ничего опаснаго. Дастъ Богъ, ты скоро поправишься и мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ разъ къ веснѣ, выберемся отсюда...

— Ахъ, Николая, если бы я только могла вѣрить этому, но я чувствую, что навсегда останусь здѣсь!.. Если бы я, вообще, могла теперь вѣрить чему бы то ни было!.. Я даже не могу больше молиться. Ты знаешь, меня никогда ничему не учили въ семьѣ, не учили и о Богѣ, но я вѣрила по своему, молилась Кому-то, благодарила Его съ восторгомъ, когда была счастлива, и вспомнила о Немъ въ тяжелые моменты. Однако, теперь я не могу обратиться къ Нему, такъ какъ Его, какъ и всего остального, нѣтъ для меня. По моему Богъ существуетъ только для живыхъ, но не для мертвыхъ и умирающихъ!.. Теперь я съ необыкновенной ясностью сознаю, что за жизнью ничего нѣтъ, кромѣ пустоты и вѣчной тьмы!.. А моя жизнь? — вздохнула она, успокаиваясь. — Насмѣшка и больше ничего! Она сложилась противъ моего характера, какъ будто ее прожилъ за меня другой человѣкъ. Конечно, во многомъ виноваты мои родители... моя мать. Видишь-ли, она была демимонденка, очень извѣстная въ свое время. Мой отецъ былъ изъ очень хорошей семьи, но слабохарактерный, лѣнивый и совсѣмъ опустившійся человѣкъ. Денегъ у него не было ни копѣйки, когда онъ женился на моей матери. Она содержала его и прожила съ нимъ все свое состояніе. Когда я подросла и они окончательно остались безъ средствъ, меня толкнули въ объятія очень богатаго человѣка... Это было начало моей жизни! Объ остальномъ ты, навѣрное, догадываешься самъ. Богатые любовники смѣнялись бѣдными по любви... Ахъ, — вздох-

нула она, — это вѣчное исканіе настоящей любви!... Кончилось это очень плачевно. Изъ кафе въ ночной кабакъ, изъ кровати одного любовника къ другому, непродолжительныя связи, всѣ ночи напролетъ въ игорныхъ залахъ, то много денегъ, то ни копѣйки.... Жизнь сложилась помимо меня, — грустно задумалась она. — По натурѣ я совсѣмъ не развратная. Я никогда не любила кутить, какъ многія изъ этихъ женщинъ. Отъ вина у меня кружится голова и страшно хочется спать. Я обожаю тихую семейную жизнь, и я всегда мечтала имѣть дѣтей... Однако, это старая исторія, которую могутъ рассказать не мало женщинъ!.. Но я часто задаю себѣ вопросъ: почему я не измѣнила моей жизни? У меня были случаи устроить ее совсѣмъ по другому. Неужели только изъ-за распущенности и безхарактерности? Тебѣ знакомо это ужасное ощущеніе, когда совсѣмъ неизвѣстно, почему ты дѣлаешь что-нибудь такое, что тебѣ не доставляетъ удовольствія, и знаешь, что черезъ нѣсколько минутъ ты будешь безумно раскаиваться и ненавидѣть себя за свою слабость, — но ты не можешь уже остановиться!... Тебя тянетъ какой-то бѣсъ!...

— Можетъ быть, — усмѣхнулся Николай, — я слишкомъ хорошо понимаю тебя. — Погубить всю твою жизнь неизвѣстно почему, изъ-за глупостей, которыя даже не доставятъ тебѣ мимолетнаго наслажденія, и поэтому ничѣмъ не оправданы!.. Жить-то каждому хочется, но, къ несчастью, не каждый умѣетъ!...

Дождь продолжалъ идти, то усиливаясь, то уменьшаясь. Холодный вѣтеръ проникалъ тонкой струею въ щель окна и покачивалъ бѣлую занавѣсь. Пахло больницы чистотою, карболкой. Въ наступившей тишинѣ слышалось тяжелое дыханіе засыпающей Нелли. Изъ соседней комнаты доносился заглушенный толстой стѣ-

ною равномерно гудящей, уговаривающей голосъ и тяжелый кашель больного.

Николай чувствовалъ, что онъ больше не способенъ выдержать ни одного дня этой угнетающей обстановки и разлуки съ Жаклинъ.

— Нелли, ты спишь? — нарушилъ онъ молчаніе. — Я долженъ, — проговорилъ онъ, опуская глаза, — покинуть тебя на нѣсколько дней, чтобы устроить мои денежные дѣла.... Ты не волнуйся, я скоро вернусь.

— Хорошо, Николая, только общай, что ты не ѣдешь къ ней... Нѣтъ, все это глупости! — вдругъ злобно усмѣхнулась она — Дѣлай, что хочешь! Мнѣ абсолютно все равно! Что должно случится, то и случится.... И, главное, совсѣмъ не заботься обо мнѣ. Ты сдѣлалъ все, что могъ для меня.. Думай только о себѣ. У тебя еще вся жизнь впереди. Но не дѣлай глупостей, не губи себя напрасно!..

— Нелли, — проговорилъ Николай, съ мучительной тоскою и серьезностью взглянувъ на нее, — я не могу жить безъ нее... Это сильнѣе меня... Но я вернусь къ тебѣ черезъ нѣсколько дней и не покину тебя, пока ты не выздоровѣешь... Я даю тебѣ слово. Я люблю тебя настоящей любовью, которой я никогда не испыталь къ Жаклиниѣ.

На слѣдующій день онъ отправился въ Парижъ.

XXI.

Николай шелъ по неизвѣстной ему улицѣ, куда глаза глядятъ. Было поздно, дулъ сильный вѣтеръ и капали съ крышъ тяжелыя капли дождя. Въ тишинѣ звонко раздавались его шаги и однообразно шипѣли газовые фонари. По небу тянулись густыя, низкія и слегка ок-

рашенныя зеленовато блѣднымъ свѣтомъ луны облака.

Потерявъ все въ жизни, онъ не зналъ, куда направить свои стопы. Отсутствіе надежды на что-либо въ будущемъ приводило его въ ужась.

Жаклинъ не приняла его. Она ушла отъ своего мужа съ Нордсеномъ. Изъ Камбо пришла телеграмма о смерти Нелли. Послѣ разрыва съ Жаклинъ онъ потерялъ всякій интересъ къ жизни; кончина покинутой имъ Нелли лишала его послѣдней опоры, поддерживавшей его душевное равновѣсіе.

Николай продолжалъ идти по опустѣвшимъ улицамъ. Онъ не замѣтилъ, какъ пересѣкъ почти весь городъ. Онъ прошелъ кварталъ Елисейскихъ Полей съ его изящными особняками, огромными паласами, безчисленными кафе и уютными садами. Онъ миновалъ Оперу, ярко освѣщенные и вѣчно оживленные Бульвары, гдѣ медленно гулявшія женщины улыбались запоздалымъ прохожимъ, и очутился на площади Тринитѣ.

Ярко свѣтились розовымъ свѣтомъ высокіе фонари, гдѣ-то далеко на темномъ небѣ били часы на башнѣ, и къ веселящемуся Монмартру проскальзывали безшумными и темными привидѣніями автомобили. Вскорѣ Николай забрался въ узкія улицы со старыми, низкими и почернѣвшими отъ копоти домами, которыя выглядѣли совсѣмъ иначе изъ автомобиля, куда достигалъ только свѣтъ вывѣсокъ ночныхъ ресторановъ. У входа въ кафе, окруженная толпою любопытныхъ зѣвакъ, ругалась пьяная женщина. Ее выталкивалъ толстый хозяинъ съ лицомъ, выражавшимъ презрѣніе и къ собравшейся толпѣ, и къ самой женщинѣ. Ея лицо горѣло, изъ-подъ шляпы, прилипая къ потному лбу и щекамъ, выбивались крашенные, тусклые волосы; помутившіеся глаза выражали животную злобу и жуткую пустоту. Немного дальше, у освѣщеннаго подъѣзда ресторана смѣялись

и переглядывались съ уличными женщинами грумы, безпрестанно оправляя свои новые мундиры и натягивая бѣлыя перчатки. По другой сторонѣ неровной походкой, смотря передъ собою, не обращая ни на кого вниманія и привычнымъ жестомъ закрывая полу своего пальто, плелся старикъ. Отъ всей его фигуры, отъ его остановившагося, безстрастного и обращеннаго внутрь себя взгляда вѣяло полнымъ безразличіемъ къ окружающему. Онъ до того состарился и опустился, что больше не могъ завидовать людямъ, чего-нибудь добиваться и мучаться вопросами: хорошъ-ли онъ или плохъ. Онъ катился подъ гору и, навѣрное, не боялся достигнуть конца пути, онъ былъ радъ хотя бы тому, что все еще катится...

По мокрой мостовой продолжали сновать автомобили съ "дорогими гостями" и на ярко свѣщенныхъ улицахъ царило большое оживленіе. Открывались и захлопывались широкія двери ночныхъ ресторановъ, грумы срывали фуражки съ почтительно наклоненныхъ головъ, и уставшіе посѣтителы, съ мутными отъ вина глазами, покачиваясь, входили въ увеселительныя заведенія. Въ кафе толпились танцоры, музыканты, артисты, прозябшія, согрѣвшіяся виномъ цвѣточницы и уличные женщины. Ночная жизнь бурно кипѣла, и туманное небо отражало ее тускло розоватымъ заревомъ...

Николаю захотѣлось провести ночь въ ресторанѣ, гдѣ онъ началъ свою службу и гдѣ встрѣтилъ Нелли. Когда онъ подошелъ къ ресторану, онъ не сразу узналъ его. Даже и этотъ маленькій кабачекъ Монмартра, съ его характерной невысокой дверью, сильно потрепанной красной занавѣсью у входа и овальными зеркалами надъ продолговатыми, бархатными диванами, обновился и модернизировался. Входная дверь представляла собою обитый мѣдью треугольникъ, по обѣимъ сто-

ронамъ котораго, вмѣсто оконъ, находились круглыя отверстія. Надъ входомъ красовалось названіе “Бродвей”, выведенное такими же мѣдными буквами, освѣщенными снизу невидимыми лампочками. Зала была уставлена ярко желтыми кожаными скамейками и увѣшана треугольными, какъ дверь, зеркалами. Весь штатъ служащихъ перемѣнился, а хозяинъ въ первый моментъ сдѣлалъ видъ, будто не узнаетъ Николая. Когда же Николай дружелюбно протянулъ ему руку и напомнилъ о себѣ, хозяинъ улыбнулся ему какой-то чужой, почтительной и осторожной улыбкой. “Если ты теперь мой кліентъ, — говорили его глаза, — и тебя забавляетъ, что ты когда-то служилъ у меня, то я къ твоимъ услугамъ, если же ты пришелъ опять, чтобы просить работы, то убирайся на всѣ четыре стороны...”

Проводивъ Николая до стола, онъ опять побѣжалъ ко входу, встрѣчая съ улыбкой новыхъ посѣтителей и слѣдя озабоченнымъ и усталымъ взоромъ за приготовлявшими столъ лакеями. Онъ трудился, весь отдаваясь своей работѣ. Заработать копейку, обезпечить себя и укрѣпиться на землѣ, казалось, было единственной его мыслью. Николай рѣшилъ не сообщать ему о смерти Нелли, которую отъ, навѣрное, забылъ среди часто мѣняющихся служащихъ его ресторана.

Что оставалось Николаю дѣлать, какъ не пить? Его организмъ настойчиво требовалъ опьяненія. Ему необходимъ былъ сильный, рискованный и способный убить прежнее ударъ. Онъ хладнокровно рѣшилъ заглушить виномъ все пережитое и дойти до полного забытья.

Онъ началъ стаканами, не давая себѣ ни минуты перерыва, глушить бутылку виски. Его подбадривали удивленные и любопытныя лица слѣдившихъ за нимъ и уже начинавшихъ кружиться передъ его глазами ла-

кеевъ и музыкантовъ. Послѣ нѣсколькихъ первыхъ глотковъ отвратная жидкость показалась ему чрезвычайно пріятной. Она сильно жгла грудь и создавала чудесную теплоту въ желудкѣ. Онъ чувствовалъ себя сильнымъ, умнымъ, спокойнымъ и главное цинично безразличнымъ ко всему. Что значила теперь для него смерть этой никому ненужной, жалкой Нелли? Развѣ онъ виноватъ, что она не выдержала этой жизни и что она умерла въ одиночествѣ, именно въ тотъ моментъ, когда ему было необходимо покинуть ее? “А какъ боялась она смерти! — усмѣхнулся онъ. — Мы бѣжимъ въ какомъ-то дикомъ изступленіи, напрягая всѣ мускулы нашего тѣла и съ радостью отмѣчая каждую пережитую нами секунду, куда-то спѣшимъ и чего-то ожидаемъ... Куда? Неужели только къ небытію? И все это усиліе и спѣшка ни къ чему? Мы истощились до того, что въ насъ не горитъ ни одно желаніе, а попробуй только подумать о смерти, какъ что-то тоскливо заноситъ въ груди, холодокъ пробѣжить по спинѣ и мы въ безпомощномъ отчаяніи будемъ хвататься за любую религію, за все, что обѣщаетъ намъ вѣчную жизнь!..”

Онъ продолжалъ пить. Первая бутылка была опорожнена, и онъ спросилъ другую. Ему не отказалъ соблюдавшій только свои интересы хозяинъ, и лакей подалъ ему виски. Николай почти безсознательно предчувствовалъ печальныя послѣдствія своего поступка, но жажда вина дошла до неудержимой потребности. Былъ моментъ, когда виски произвело на него прежнее дѣйствіе. Ему стало весело и онъ, шатаясь, сталъ, ко всеобщей забавѣ, танцовать и дирижировать оркестромъ.

Сузилась темная зала, скрестились лучи отражавшихся въ зеркалахъ голубыхъ лампочекъ и приблизились глаза окружавшихъ его людей. Грудь разрывалась отъ необъяснимаго счастья, отъ необыкновенной быст-

роты мысли и глубины и силы восторженного чувства. Онъ замѣчалъ насмѣшливо презрительныя взгляды игравшихъ передъ нимъ музыкантовъ, но ему было все равно. Они смѣялись надъ нимъ, но онъ былъ умнѣ ихъ. Онъ читалъ ихъ самыя сокровенныя мысли и желанія, въ свою очередь смѣялся надъ ихъ мелочностью и пошлостью, надъ ихъ жалкой самоувѣренностью. Теперь онъ зналъ гораздо больше всѣхъ остальныхъ людей!

“Все — чепуха на землѣ!” — думалъ онъ. — И Жаклинъ, и моя любовь, и всѣ мои надежды... Нужно быть просто умнымъ, пошленькимъ, хитренькимъ и легко приспособляющимся ко всему... Чѣмъ я глупѣ другихъ? Развѣ мнѣ не доставляетъ удовольствія катиться на большомъ автомобилѣ, занимая для передвиженія на земной поверхности четыре квадратныхъ метра, когда подобный тебѣ челоуѣкъ на тротуарѣ не занимаетъ и одного?.. — злобно усмѣхнулся онъ.

Онъ отошелъ отъ оркестра и, бросившись на диванъ, опять началъ пить. Голова его сильно кружилась, и онъ переставалъ видѣть и понимать, что дѣлалось вокругъ него. Сознаніе угасало, и онъ погружался въ сплошную тьму. Онъ выпилъ около двухъ бутылокъ виски въ теченіи часа.

Вдругъ, онъ въ ужасѣ открылъ глаза и сразу протрезвѣлъ. Что-то страшное надвигалось на него какой-то безшумной, тяжелой и черной волною... Его организмъ, истощенный продолжительной ночью жизнью, волненіями и нервнымъ напряженіемъ не выдерживалъ такого большого количества вина, выпитаго въ столь короткій срокъ.

Опустѣла зала ресторана, убавили свѣтъ, и въ темныхъ углахъ приблизились другъ къ другу влюблен-

ныя парочки. Въ лѣнивыхъ позахъ отдыхали утомленные музыканты и у двери скучно позѣвывали лакеи...

Николай почувствовалъ, что ему необходимо куда-то бѣжать. Онъ больше не могъ оставаться на землѣ. Голова разрывалась стѣ жуткихъ мыслей, сердце ныло отъ каждаго удара и даже тяжесть воздуха причиняла ему невѣроятную боль. Нужно было спастись отъ самого себя!

Онъ вскочилъ изъ-за стола и, сорвавъ съ него скатерть, побѣжалъ къ двери. Посуда съ шумомъ посыпалась на полъ. Всѣ вздрогнули отъ неожиданности, и хозяинъ погнался за нимъ. Его остановили у самого выхода. Онъ былъ ужасенъ. Его глаза безсмысленно уставились въ пространство, скрипѣли стиснутые зубы и по поблѣднѣвшему лицу катились холодныя капли пота. Его сердце отказывалось служить, ему не хватало воздуха.

Николай боролся и дрался. Эти люди мѣшали ему убѣжать отъ самого себя, отъ его мученій. Его потащили въ глубь ресторана, боясь скандала и непріятностей съ полиціей. Онъ узналъ давно знакомую ему кухню, висѣвшія въ строгомъ порядкѣ блестящія кастрюли, огромную раковину съ немытой посудой и испуганное лицо стараго повара. Ему казалось, что онъ присутствуетъ здѣсь, какъ и всѣ остальные люди, въ роли зрителя, не принимая въ этомъ ни малѣйшаго участія. Это былъ ужасный, нѣкогда имъ уже испытанный кошмаръ.

Его повели въ маленькую каморку, служившую жилищемъ сторожа, и, бросивъ на кровать, оставили одного. Онъ замеръ въ мучительномъ ожиданіи. Онъ не могъ дышать и безумно дрожалъ. Онъ чувствовалъ, что его сердце не выдержитъ усиливающагося напряженія. Горящій мозгъ внушалъ ему безумныя мысли. Онъ сознавалъ приближающуюся смерть и боролся съ нею съ

хладнокровіемъ понимающаго опасность человѣка. Онъ старался дышать и успокоить нервы, натянутые, какъ готовыя лопнуть струны. Смерть абсолютно не пугала его. Борьба была страшнѣе...

Его силы истощались, и онъ съ ужасомъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Мозгъ и сердце разрывались на клочки. Жизнь казалась ему невозможной. Чтобы вернуться къ ней, надо было пройти слишкомъ много уступленнаго имъ пути. Вдалекѣ продолжала играть музыка и въ маленькое, отвѣсное окно подъ самымъ потолкомъ виднѣлось туманно темное небо. Ему было странно умирать въ полномъ сознаніи, еще невидимыми нитями связаннымъ съ покидаемой жизнью. Онъ не раскаивался въ своемъ поступкѣ. Его несправедливая жизнь должна была закончиться до смѣшного глупой смертью. Онъ не могъ стыдиться передъ другими своего позора и униженія, уже давно смирившись съ нимъ. Развѣ кто-нибудь изъ присутствующихъ можетъ понять его поступокъ, если онъ самъ не пережилъ подобнаго или не заглянулъ въ его больную душу?..

Молодой организмъ упорно боролся противъ введеннаго въ него яда. Никто, кромѣ него самого, не сознавалъ опасности его положенія.

Онъ опять терялъ сознаніе, погружался въ тьму безъ возврата, проклиная того, кто вложилъ въ его душу мучительныя разногласія, наполовину открывъ ему свѣтъ и создавъ непонятное ему небо...

Николай очнулся только на слѣдующій день къ вечеру. Онъ лежалъ укутанный въ тяжелую шубу на той же самой кровати и къ его горячему лбу прилипъ высохшій компрессъ. Въ окно смотрѣло скучное, дождливое небо. Увидѣвъ свѣтъ, онъ удивился и понялъ, что онъ еще живетъ. Организмъ выдержалъ нелегкую борьбу, опасность миновала. Необыкновенная

радость охватила его, и онъ улыбнулся. Однако, воспоминанія происшедшаго всколыхнули въ груди ужасъ предыдущей ночи, всю тоску его жизни. Попрежнему нужно было бѣжать, скрываться отъ самого себя. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы встать. Тогда онъ замѣтилъ сидѣвшую за маленькимъ, деревяннымъ столомъ сгорбленную фигуру. Это былъ сторожъ. Онъ чинилъ свои башмаки.

— Лежать, — проговорилъ онъ, вставая и съ большимъ любопытствомъ смотря на Николая. — Что, стало легче? — спросилъ онъ, и его старческое, все въ морщинахъ лицо расплылось въ добрую улыбку. — Эхъ, молодежь!.. Съ чего такъ напиваться?... И какое они въ этомъ находятъ удовольствіе?... И совсѣмъ молоденькій! — ласково улыбнулся онъ.

— А было очень плохо? — съ беспокойствомъ спросилъ Николай.

— Неважно... Сердечко не билось, ноги похолодѣли, да дышать то ты сталъ только къ самому утру... Вотъ, компрессы помогли, да горячія бутылки къ ногамъ... Выходилъ, какъ ребенка! — похлопалъ онъ его по щекѣ. — Мнѣ не въ первый разъ; родной братъ пьяница былъ... Допивался до припадковъ.... И съ чего ты такъ? Перепугалъ ты меня не на шутку. Они, — прошепталъ онъ, указывая на дверь, — бросили тебя, какъ собаку.

Николай съ необыкновенной серьезностью посмотрѣлъ на него. Ради той доброты, что свѣтилась въ этомъ старикѣ, еще стоило жить!

— Ну, я пошелъ... — сказалъ Николай, дѣлая усиліе, чтобы подняться.

— Нѣтъ, — удержалъ его старикъ и на его лицѣ отразился испугъ. — Отданъ приказъ не отпускать те-

бя до возвращенія хозяина... Да куда ты потащишься такой слабый!..

— Я за все заплачу, — настаивалъ Николай. — У меня есть съ собою деньги... Меня ждутъ... Навѣрное беспокоятся, — совралъ онъ.

— Ну, Богъ съ тобою. Только, ужъ больше такъ не напивайся... Изрѣдка выпить рюмочку не грѣшно и даже очень полезно, а какъ ты вчера, такъ прямо опасно. Не доживешь и до тридцати лѣтъ. Да, неужели некому послѣдить за тобою! Родители, что-ль, померли?

Николай всталъ съ кровати. Голова у него кружилась, ноги подкашивались отъ слабости и его сильно мучило. Сердце билось, какъ пойманная птица, отъ каждаго движенія и усилія. Страхъ посѣтившей его смерти преслѣдовалъ его. Истощенный тяжелой борьбою организмъ однообразною, жуткою пустотою давалъ знать о себѣ. Николаю предстояло пройти залу ресторана, встрѣтить насмѣшливо презрительные взоры уже собравшагося персонала и выйти на улицу, гдѣ кипѣла безсмысленная жизнь. Ему скорѣе хотѣлось вернуться въ свою комнату и одному, въ темнотѣ подумать обо всемъ.

Расплатившись по счету и горячо пожавъ руку сторожу, Николай вышелъ изъ ресторана. Онъ не отдалъ оставшихся денегъ старику, несмотря на неудержимое желаніе вознаградить его. Онъ не могъ отвѣтить деньгами на, можетъ быть, искренній порывъ.

Дома его ожидало пересланное изъ Камбо письмо. Оно было отъ княгини Монтбери.

“Мой дорогой Николай, — писала она. — Наконецъ, послѣ ряда усилій я узнала кое-что о васъ и открыла ваше убѣжище. Слыхала о всѣхъ вашихъ похищеніяхъ и переживаніяхъ. Однако, даже богатство вашей личной жизни не могло бы вамъ помѣшать изрѣд-

ка вспомнить о старыхъ друзьяхъ. Я должна была бы обидѣться на васъ, но вы принадлежите къ категоріи людей, на которыхъ сердиться бессмысленно. Николай, вы еще ребенокъ, который пробуетъ безъ посторонней помощи (и, между прочимъ, очень неудачно) сдѣлать нѣсколько шаговъ. У меня есть для васъ очень серьезное предложеніе. Надѣюсь, что на этотъ разъ вы послушаетесь моихъ совѣтовъ. Я даже увѣрена, что вы нуждаетесь въ нихъ.

Моя жизнь течетъ попрежнему, въ интересъ къ чужой. Это моя единственная и, кажется, не особенно вредная для окружающихъ меня людей, слабость.

Отвѣтите мнѣ немедленно и пообѣщайте зайти ко мнѣ, какъ только вы возвратитесь въ Парижъ...”

Николай, бросивъ письмо, подошелъ къ окну и задумался. Внизу шумѣла узкая улица, на потемнѣвшемъ небѣ одинокими огоньками зажглись окна высокихъ домовъ, а за спиною чернѣла непривѣтливая комната дешеваго отеля. Полное безразличіе ко всему охватило его. Онъ встрѣтится съ княгиней и постарается жить, какъ другіе. Только возможно ли забывъ пережитое, начать новую жизнь?

XXII.

Стоялъ холодный, солнечный день. Изъ Бордо отходилъ торговый пароходъ къ западнымъ берегамъ Африки — въ Габонъ. На заваленной бочками пристани гордо возвышались непрерывно вращавшіеся подъемные краны. Около нихъ собрались, дымя и пуская клубы бѣлаго пара, пароходы, катера и плоскія баржи. Холодная, черная вода, отражая лучи солнца и ослѣпляя стоящихъ на палубѣ людей, бѣжала ровными волнами

по обѣимъ сторонамъ парохода. Ни на секунду не прекращающійся вѣтеръ несъ особый запахъ большого порта и свѣжесть воднаго пространства. На охрипшій гудокъ торговаго парохода отвѣчали издалека мощнымъ и заунывнымъ воплемъ океанскіе гиганты.

На палубѣ, облокотившись на перила, стоялъ Мирандъ. Поднятый воротникъ и низко спущенная на лобъ шляпа закрывали его угрюмое лицо. Онъ выглядѣлъ еще серьезнѣе и мрачнѣе, чѣмъ всегда, и смотрѣлъ на удаляющійся городъ слегка прищуренными глазами. Его холодный взлядъ былъ непроницаемъ и только моментами онъ выражалъ почти что физическое страданіе.

Мирандъ ѣхалъ въ Габонъ, гдѣ долженъ былъ руководить эксплуатаціей дерева. Это выгодное мѣсто, по его просьбѣ, ему досталъ его близкій другъ. Долги не принуждали его покинуть Францію, и онъ могъ бы найти болѣе пріятную работу, чѣмъ ту, которую онъ выбралъ въ Африкѣ, но онъ сознавалъ необходимость отъѣзда. Перемѣна жизни требовала удаленія отъ насиченныхъ мѣстъ. Онъ не могъ начинать свою карьеру съ начала въ странѣ, гдѣ онъ былъ богатъ и гдѣ все напоминало ему о разбитой жизни.

Прежде, дѣла временами шли очень плохо, но жизнь не мѣнялась. Все грозило обрушиться, но объ этомъ хладнокровно разговаривали послѣ хорошаго обѣда, за бутылкой краснаго, бургундскаго вина и съ сигарой въ зубахъ. Онъ почувствовалъ постигшее его несчастье только тогда, когда остался совсѣмъ безъ денегъ, когда ему пришлось отказаться отъ старыхъ привычекъ и покинуть прежнихъ друзей, ибо онъ не желалъ быть съ ними въ неравномъ положеніи и въ мучительной зависимости отъ нихъ. Настоящая жизнь уже давно закончилась для него, но было пріятно забыться въ рискованныхъ, запутанныхъ дѣлахъ и лег-

кихъ удовольствіяхъ. Только теперь, въ простой ка-
бинкѣ торговаго парохода, онъ впервые оцѣнилъ рос-
кошь и пересталъ считать ее естественной необходи-
мостью.

Когда по возвращеніи изъ дѣловой поѣздки онъ узналъ, что Жаклинъ покинула его съ сыномъ и потре-
бовала разводъ, онъ пришелъ въ неописуемую ярость. Онъ разорился, и она бросила его, какъ ненужную тряпку, точно между ними никогда ничего не было. Она съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ вычеркну-
ла его изъ своей жизни! Онъ потерялъ любимую жен-
щину, самаго вѣрнаго дѣловаго компаньона, мать его сына — его половину! Происшедшее было для него тя-
желымъ ударомъ. Онъ никогда не ожидалъ отъ нея такого поступка. Она заслужила жестокой кары и ни одинъ законъ, никакія послѣдствія не остановили бы Миранда отъ расправы съ нею, если бы другія, болѣе важныя для него причины не сдержали его гнѣвъ. У него былъ сынъ. Если онъ убьетъ Жаклинъ и поплатится за свое преступленіе, что будетъ съ сыномъ? Хотя Жаклинъ и плохая мать, она сможетъ ему дать хорошее воспитаніе и создать ему легкую жизнь. Та-
кіе люди, какъ онъ, не пропадаютъ. Онъ вернет-
ся опять крѣпкимъ и сильнымъ, возьметъ сына къ се-
бѣ и отомститъ за свои страданія.

Пароходъ приближался къ открытому океану, и удалявшіеся берега постепенно блѣднѣли. Качка уси-
ливалась съ каждой минутой, и носъ парохода, подни-
маясь на высокую волну, вздрагивалъ и тяжело падалъ въ образывавшуюся пустоту. Горизонтъ то опускался, то поднимался, и море казалось мѣняющимъ свой уровень сосудомъ съ водою. Холодный вѣтеръ обда-
валъ мелкими брызгами.

Мирандъ прозябъ, но онъ продолжалъ стоять на палубѣ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Ему вдругъ въ первый разъ за всю жизнь стало жалко себя. Онъ почувствовалъ себя слабымъ, обиженнымъ, несмотря на то, что онъ никогда не жалѣлъ ни себя, ни другихъ. Жизнь была борьбой, въ которой торжествуютъ сильные и покоряются слабые. Его глаза впервые загорѣлись выразительнымъ, ничего больше не скрывающимъ взглядомъ. Онъ страдалъ, какъ другіе, и не стыдился своей человѣческой слабости. Его короткіе пальцы сжались въ кулакъ, и онъ застоналъ, до крови укусивъ себѣ руку.

“Неужели все было — сплошная ложь?! — въ отчаяніи подумалъ онъ. — Неужели въ этой женщинѣ не было ничего искренняго?!.. Ни одного человѣческаго чувства?!..”

Вѣтеръ хлесталъ его лицо, до боли рѣзалъ глаза и не давалъ дышать. На перилахъ въ расщелинѣ дрожалъ неизвѣстно откуда прилетѣвшая и какимъ-то образомъ удержавшаяся пушинка. Заходящее солнце скрылось за облаками, начинало темнѣть. Въ блѣдно-синеватомъ полумракѣ плылъ пароходъ, и въ наступившей тишинѣ слышался однообразный стукъ машинъ и плескъ вечерней волны...

Мартъ 1930 — май 1931

Складъ изданія:
J. POVOLOZKY & Co.
13, Rue Bonaparte, Paris (6^e)